

Евгений Алехин

РУТИНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Е. Алексин
Рутина. Книга третья
СПб: Ил-music, 2020. — 216 с.

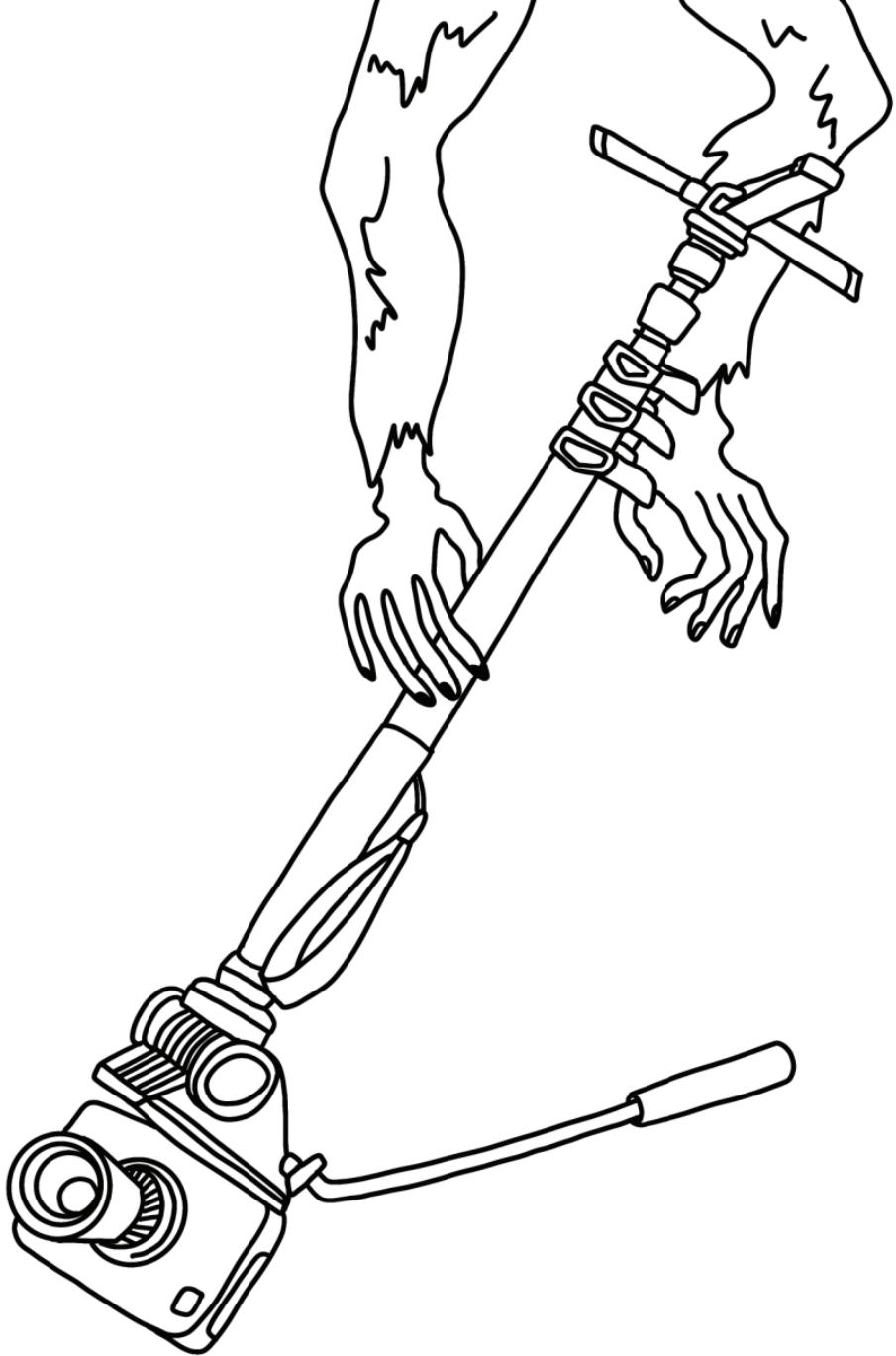
Путешествие подходит к концу. Лирический герой, он же автор — мечтатель Жука, глумливый поэт Chonyatsky, прозаик и издатель Е. Алексин, — ступив на страницы книги, превращается в текст и проделывает веселый, страшный, печальный и безумный путь. В заключительной части Женя входит в мир кино, оказавшийся, конечно, великой иллюзией. Встречает самую сильную свою любовь, оставшуюся безответной. Хоронит друга, но продолжает слышать его голос. Водоворот психозов уносит в ад, где ждет будничная встреча с Сатаной. Женина проза — подлинный человеческий документ. Она достовернее любого паспорта. Честнее любой исповеди. Текст гудит и кровоточит. Каждое слово. Каждая буква.

Всякий, кто сходит с ума, делает это сознательно и после серьезного размышления.

Из лекции А. Г. Дугина

Если знаешь, что рифмовать «кровь — любовь» нельзя,
значит тебе можно.

Марат Басыров

Я окончательно убедился, что моему браку пизда, в ночь, когда убили Немцова. Несколько месяцев барахтался на границе этого понимания, как многие женатые парни, жизнь которых мне приходилось наблюдать со стороны. Бодришься, но все сильнее погружаешься в апатию, путаешься в собственной лжи, и в конце концов тебе ничего не остается, как бросить предприятие и остаться одному или переключиться на новую жертву. Некоторых отвлекает, даже увлекает потомство, остальные бросают жен с детьми или понемногу провоцируют, чтобы их послали подальше. Но в моем случае есть важный момент: сначала было очередное творческое фиаско, очередной удар по моей бесконечной кинематографической мечте.

Последние полгода я прожил по завету Шахиджаняна. Он оказался настоящим провидцем, запустил потаенные механизмы судьбы, и через две недели после того, как уволился, я получил главную роль в полнометражном фильме. Мало того, что мне удалось хорошо освоить актерскую профессию за тридцать с лишним съемочных дней, так еще и поднял денег. Как будто конверт Шахиджаняна был маленькой рыбкой, на которую клюнула рыба крупнее.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросила Оксана. — Уж конечно, не ипотеку брать?

— Треть вложу в издательство. А на остальное... Э-э.

— Да? Э?

— Не огорчайся. Куплю кинокамеру, поедем обратно в Индию, — ответил я.

— Камеру? Ну-ну, кто бы сомневался. Че снимать будем?

— Поставим мой сценарий по рассказу Лео. Помнишь? «Джой». Я буду играть, а Лео режиссировать.

— О! Бомбино! Он поедет с нами?

Интересно, что Оксана даже обрадовалась, что я решил еще прихватить с нами кореша. Все-таки магнетизм Лео был очень силен, красота его пленяла. Я только что

сообщил жене, что трачу деньги на бессмысленную затею, вбухиваю не в наше будущее, а в свою слабоумную навязчивую идею быть кинематографистом. Еще и у нас на шее будет сидеть режиссер-неудачник. Оксана же не то чтобы психанула, нет. Она искренне обрадовалась.

Святая женщина.

— То есть тебя ничего не смущает?

— Я же святая женщина, — пожала Оксана плечами. — Лишь бы тебе было хорошо.

— Или ты имеешь планы на его длинный поршень?

— О да! Черный. Ты хотел сказать «черный, длинный, толстый хуй». Поршень какой-то!

— Э. Надо найти другого постановщика.

Оксана улетела на две недели раньше, чтобы начать работать в новом клубе наших друзей и подыскать жилье. Я заканчивал дела в Москве, какое-то время выбирал камеру, смотрел обзоры, консультировался у знакомых операторов и видеографов. В результате мы с Лео остановились на Blackmagic 2,5k с байонетом EF, еще на всякий случай я купил кропнутую зеркалку Canon 70D. Плюс три объектива, которые подходили и к камере, и к фотику. Разобрал свой макбук, почистил от пыли, заменил термопасту, поставил новую оперативную память, установил диск SSD как основной и HDD вместо CD. Также взял два SSD для самой камеры (диски вставлялись в старые модели через дверцу сбоку). Установил программу Da Vinci, шедшую в комплекте с камерой, бегло ознакомился с ней, потом убрался в квартире, которую покидал навсегда, и понял, что не дрочил несколько дней. Ряд часов перебирал бывших и потенциальных любовниц, потом взял себя в руки — в переносном и прямом смысле. Передернул и сказал себе: я победил похоть, остался верен. Нас ждет творческий успех. Хозяева забрали у меня ключи, поблагодарили за порядок, пожелали удачи.

В самолете нам с Лео предложили к обеду вино или пиво «Тайгер» в банках.

Мы взяли по пиву.

— Спасибо, Лео, что летишь со мной.

Глотнули за фильм.

— Тебе спасибо, писечка моя, Женечка. Отец родной и кормилец! — ответил Лео.

Вот так спустя четырнадцать месяцев просушки во мне оказался алкоголь. Я смотрел на облака в иллюминатор, волновался, но не боялся. Да, я снова пью, но Гоа не Ленинградская область, даже не Москва, там мне не уйти в запой. На море я мог пить вечерами в удовольствие и не увлекаясь. Это никак не влияло на жизнь и работоспособность. Опьянение выходило с потом, а похмелье смывалось морской водой.

Мы втроем заселились в двухкомнатную квартиру в деревне Сиолим. Начали подыскивать локации. Моя подруга переводила сценарий и скидывала мне сцены, чтобы было что читать с актерами. Мы с Лео приглядывались к людям, которых бы хотели попробовать. На главную роль я хотел позвать знакомую арабку Мону, которую знал по позапрошлому сезону, но она пропала. Лео как-то быстро стал вести себя пассивно. Я пытался его растрясти, говорил: давай, давай что-то снимать, делать. Каждый вечер давай что-то придумывать, устраивать мозговые штурмы и репетиции. Непонятно, что происходило у него в голове, он снова вел себя как на «Гостинице Мадонна», был растерян.

— Я думал, тебе просто нужно дать возможность и ты раскроешься. Давай завтра утром встанем, составим график.

— Все будет, — отвечал Лео. — Я тебе даю слово. Просто нужно раскачаться.

— Так давай раскачиваться. Каждый день я хочу видеть результат и твою отдачу.

— Появятся актеры, появятся герои, появятся локации. Ты же когда с девчонкой трахаешься, сперва есть прелюдия, правда?

— Ты не баба, и я не собираюсь тебе присунуть.

— Я не баба. Но кино как баба, и даже более нежная штука. Все процессы идут в моей голове. Но не в твоем темпе.

Мне предложили друзья, и я начал работать фотографом в клубе, где Оксана была барменом. Для Лео тоже нашлась подработка — развозить флаеры вечеринок. Прочитал инструкцию для фотоаппарата, посмотрел видеоуроки для начинающих. Разобрался, что такое фокусное расстояние, диафрагма, выдержка, экспозиция. Разглядывал людей, щелкал, потом на ноутбуке пролистывал их портреты. Выкладывал снимки на фейсбук, отмечал гостей. Пил бесплатные коктейли, получал небольшие деньги. На этот раз заведение у друзей было чище, приличней, можно было и поесть, и выпить. Звук был лучше, но денег оно приносило значительно меньше. Да мне было плевать, я просто учился пользоваться фотоаппаратом, заодно прикидывал, кого бы можно было снять в нашем фильме. Плясуны, алкаши, наркоманы, туристы, местные. Горячие девчонки. Кто-то обязательно попадет в фильм. Ездил по разным местам, деревенькам и пляжам,ставил камеру на монопод, снимал панорамы и таймлапсы. Рассветы, закаты, учился красить кадры, монтировать видео. Время медленно шло, но в итоге улетало, фильм не двигался с мертвой точки. Наконец мы с Лео приглядели одного крутого деда-британца. Сделали пробы на роль художника по прозвищу Арт. Сценарий на английском у нас как раз уже был готов в чистовой версии. Лео пару раз с ним погулял, пообщался, и мы решили переходить к делу — вербовать деда.

Первая встреча на троих прошла так. Мы с Лео пришли его навестить в открытом кафе, а тот сидел, подбухивал и

сосредоточено ковырялся в ногтях, задрав ногу на стол. Мы подсели.

Я сказал Лео:

— Вот, у него даже повадки как у тебя, ты его уболтаешь. Такой же дикарь.

Сам я стеснялся своего акцента, потому и слова не сказал. Лео похвалил внешность деда, походку и стиль, по-немногу начал рассказывать про фильм:

— Твой персонаж — художник. Он живет на берегу, иногда ночует у своей девушки. Это молодая темнокожая красотка. Все, что тебе нужно, — писать картины, пить пиво, иногда курить косяк... Бывает, что кто-то покупает твои полотна, а если нет, ты просто отдаешь их девчонке. Она хранит их за шкафом. Честно говоря, картины эти не очень хорошие. Но тебе плевать. Арту на это плевать, он настоящий человек искусства, понимаешь?

Дед перебил Лео:

— Это и есть я! Можешь не рассказывать.

Он был совершенно седой. Дед радостно засмеялся, глаза загорелись, он отвлекся от ногтей, выкинул в пепельницу шарик черной грязи, что наковырялась с его тела, жадно посмотрел на нас.

— Такое кино, а этот парень положил глаз на твою девушку, — Лео кивнул на меня.

— Так я и жил. На пляже. Откуда ты узнал?

Дед дал пять Лео, а мне подмигнул. Допил свой «Кингфишер», свернул сценарий в трубочку, засунул в карман шорт. Запрыгнул на мотоцикл и дал по газам.

— Рашин кидз! Си ю! — заскрипел его очаровательный старческий голос и утонул в реве мотора.

— Доверься мне, — сказал Лео. — Теперь все пойдет. У меня есть одна девчонка на роль Джой.

Я довинчивал сцены, подгонял их под существующие локации. История была проста. Парень должен

ехать по путевке с женой, но жена в последний момент его бросает. Он решается ехать один. Приезжает в Гоа, проводит там время, пытается завязать отношения или хотя бы секс, но у него не получается. На самом деле он скучает по жене, один раз звонит ей по скайпу, они вроде нормально разговаривают, но тут жена понимает, что герой дрочит, и с презрительным ворчанием отрубает связь. Сначала вечеринка в нашем клубе (снять просто пьяного меня, как я цепляюсь к посетительницам и общаюсь с Оксаной-барменшей), а затем утро на берегу. Гуляя по пляжу, герой встречает Арта и его молодую девчонку. Бедную, красивую, темнокожую, она могла бы быть арабкой или индуской. Мне нравился вариант с арабкой, так бы оба персонажа были на нейтральной территории и говорили бы на чужом языке, каждый со своим акцентом. Арт называет ее Джой — удовольствие. Герой западает с первого взгляда. Врет Арту, что хочет скупить его картины. Девчонка ведет его к себе домой показать их, и там герой ее насилияет, а вернее, берет силой, и не совсем ясно, изнасилование это или нет. На первый раз ни одной картины он даже не берет. Потом он приходит второй раз на пляж и снова встречает девчонку, уже без Арта. Она матерится, воротит нос и говорит, что он грязная белая шовинистская свинья. На этот раз герой клянется, что купит картины, сто процентов. Они снова идут к ней. Там он опять берет ее силой, хочет сделать ей куннилингус, но в какой-то момент презрительность берет верх, парень протирает ей промежность салфеткой и после этого вылизывает. Она пытается сопротивляться, но ей приятно. (Как мы собирались это ставить, ума не приложу!) Герой покупает эти уродливые картины, а потом продолжает наблюдать за девчонкой, неловко ухаживать. В конце она соглашается, чтобы мой персонаж ее подвез на скутере.

Я сделал картонные холсты из старых коробок, которые нашел за нашим клубом, купил детские краски в супермаркете. Мы с Оксаной понемногу рисовали, пытаясь изобрести наивный, но узнаваемый стиль для персонажа Арта. Члены, вагины, ангелы, распятый Христос.

Вот мы с Лео поехали на встречу с дедом вдвоем на скутере. Первые пробы, я был очень возбужден. Лео вел, у меня за спиной висел рюкзак с камерой и объективами, в руке я держал монопод. Подъехали к условленному бару в деревне Чапоре, где дед часто бухал с другими стариками. Лео припарковался через дорогу, я увидел: наш дед, Арт, сидит за стойкой. Лео заулыбался и пошел к нему, пока я распаковывал и устанавливал камеру на монопод. Вдруг случился какой-то кипеж, я поднял голову и увидел, что дед толкает Лео и что-то зло кричит ему. До меня доносилось только «ликинг пусси», «дерти рашиз» — слова в таком духе. Потом дед плеснул напиток Лео под ноги, достал сценарий и расшивырял его по бару. Лео стоял в недоумении, а дед отвернулся и стал общаться с барменом, который и бровью не повел. Оба они теперь делали вид, что Лео в баре просто нет.

— Он сказал: «Ни один мужчина не будет протирать пизду салфеткой, перед тем как отлизать», — так пояснил ситуацию Лео, когда подошел ко мне и отышался.

— Но это же его не касается! — сказал я.

— Он другого мнения.

Я дал Лео подержать камеру, дошел до деда и сказал, в кои-то веки не думая о своем английском:

— Эй. Почему ты говоришь с ним о моей роли? Это ведь я делаю. Я мою киску. Твой персонаж нормальный мужик! А мой параноид-androид. Пусси-вашер итс ми! Но ю, грэнdfa!

Дед повернулся и сказал:

— Фок ю, сынок!

Я поплелся обратно, униженный и сраженный. Резко я утратил веру в фильм. С первым же утвержденным актером случилась такая ситуация — о чем я думал?

Лео начал ставить другое кино. Подружился с каким-то индусом и целыми днями снимал его то на камеру, то на фотоаппарат.

Там был какой-то мутный сценарий, сочинявшийся на ходу, разговоры велись на хинди, вникать я не стал. Сам пытался писать свои сценарии, смотрел очень много фильмов, по чуть-чуть работал в клубе и чувствовал, что какая-то серая тоска пожирает меня. Почти каждый вечер я объедался местной едой так, чтобы заглушить этот гул бессмысленности. Я жрал самосы на заправках и всякие овощные блюда во всех местных забегаловках, пока не сжег себе желудок этими приправами. Во мне что-то воспалилось, лимфоузлы набухли. Может быть, проблема была в голове, а не в инфекции, но несколько дней меня рвало, а дристать я буду еще много месяцев. Я лежал в постели, почти не разговаривал ни с Лео, ни с Оксаной, перестал есть, только пил воду. Но воли к выздоровлению не было. Ведь неудивительно, что людям требуются огромные деньги, чтобы снять фильмы.

Что я себе придумал? Что сам все сниму и смонтирую? Что у меня получится хороший звук через накамерный микрофон? Даже не проконсультировался со звукорежиссером. Даже оборудование толком не взял, только репетиционный диктофон и пушку Rode. С чего я решил, что смогу организовывать и вдохновлять людей? Я пил себя, организм отказывался от пищи, мозг отказывался от увлечений и радостей. Мой желудок и душу разъедало, тошнота не проходила. В одну из ночей — Оксана была на смене — я почувствовал, что уже не осталось сил даже испытывать боль. Ко мне пришла смерть. Ее не было видно, но я почувствовал холод, знал, что смерть стоит

у постели. Сгустки тьмы наползали с разных сторон, но страшно не было.

— Самое время, — сказал я вслух. — Надоела эта шарманка.

После этого я распластался на постели и закрыл глаза. Меня накрывало пленкой, все тело, корни тьмы пробирались под кожу, до жизненно важных органов. Сейчас сердце остановится, подумал я и отключился.

Мне снилось детство, снилась Металлплощадка. Я проснулся и почувствовал себя лучше. Смерть не забрала меня. Начинался рассвет, я вышел на балкон с камерой, установил ее на монопод и со второго этажа снимал дорогу, ведущую к нашему дому. Просто случился такой порыв, и я начал снимать. Вскоре услышал шум скутера и догадался, что это Оксана едет с работы. Она подъехала, и я перевел камеру на нее.

— Привет, тебе лучше? — спросила Оксана.

Я кивнул и свободной рукой показал большой палец. Оксана поставила скутер на подножку и зашла в подъезд. Это был очень хороший кадр, я его пересматривал много раз. Она — усталая, но радостная увидеть меня ожившим — в утренних сумерках заезжает на территорию в своей красивой ветровке, которую сшила сама. Улыбается мне. Потом справляется о моем здоровье. Мне казалось, что я тогда к ней испытал очень сильное чувство любви и дружбы. Оксана поднялась, у нее с собой была банка пива, а я пил некрепкий чай. Обнялись, смотрели на начинающийся день.

— Думаю, мне нужно возвращаться в Россию, — сказал я. — Ты поработаешь до конца сезона, покупашься. А я тут заебался.

— А там что?

— Сделаю несколько концертов, чтобы дальше было на жилье. Потом, может, и камеру продам. Найду нам квартиру в Петербурге.

— Давай в Питере, — Оксана вздохнула и пожала плечами. — Где выступите?

— Владивосток, Хабаровск, Казань, Петербург и Москва.

— Ого, а как во Владике?

— На Восток, конечно, вдвоем с Костей, без музыкантов. Там даже небольшой гарант дают.

Скоро Лео поехал вглубь материка с одним французским писателем-алкашом, а я на поезде — в Дели, чтобы оттуда улететь в Россию. Плотину прорвало на втором концерте, в Хабаровске, где нас с Костей поили халявным сидром. Мы устроили синхронные заплывы в разврат сначала там, потом в Казани, и дальше в каждом городе у меня случилась интрижка.

MOTHERFUCKER!

PUSSY!

FUCKING
RUSSIANS

Последний концерт этого маленького тура был в Москве. Выступали мы нормально, потом я сосался в баре с юной бабой, которую вписал на шоу наш бывший клавишник и вечный друг Зоран Питич. Зоран, кажется, был недоволен.

— Че это такое, брат? Потерпи немного, — упрекал меня он. — Давай горло смочим.

У него уже сложилась хорошая схема: вписывает девчонок на наши выступления, а они потом, покупая ему выпивку, водят по барам до открытия метро. Перепадала ли ему — сорокалетнему деду — молодая пися, Зоран галантно умалчивал.

Потом я поехал на такси к юной бабе в гости. Помню, что в квартире был ее парень, который производил впечатление гея. Ему было плохо, он пил терафлю, накрывшись тремя одеялами, стонал из постели:

— Котя, посиди со мной. Кого ты привела?

— Не обращай внимания. Это поэт, мой друг. Он очень талантлив.

— Какой еще талантливый поэт, Котенъка? Я болею!

Юная баба называла его любимым. У них явно были какие-то странные отношения, нежные, но не предполагающие верность. Я очень смутился и сел на задницу в коридоре. Ждал. Юная баба завела меня в ванную, включила воду, а сама посидела с парнем, пока тот не уснул. Я лег в прохладную воду, немного протрезвел. Она вошла, взяла меня за член так, чтобы я поднял его из воды, и принялась дергать, целовать то меня, то шляпу.

— Это нормально?

— Что?

— Ну что это за парень? Это твой парень? У вас отношения?

— Если хочешь, то уезжай, — ответила она, глядя мне в глаза и выпуская ствол.

— Не хочу. Не отпускай.

Я выбрался, вытерся и спустил воду. Она принесла пачку гондонов. Мы корячились в разных позах на тесном пятаке, топчась по собственной черной одежде и валяясь в ней, как поросыта в грязи. Голова упиралась в шкафчик под раковиной, ноги выпирали в проход. Кончить никак не получалось, хоть я очень возбудился. Смущение мешало разрядиться. Потом она сосала, а затем засунула елду себе под лифчик и, надрачивая своими крупными грудями, лизала залупу. Это было так хорошо, что хотелось кричать. Без крика мне не хватало кислорода, чтобы выстрелить на нее, пневматика вышла из строя. Лицо у юной бабы было очень деловое, сосредоточенное, как у хирурга во время операции, — меня это распаляло, но стены закрытого помещения давили.

— Воздух. Не получается, — сказал я, взяв передышку.

— Все, я устала. Ты не кончишь, — сказала юная баба и стала одеваться.

— Кончу без презерватива.

— Так нельзя. Или с ним, или никак.

— Мы увидимся?

— Если хочешь. Давай. Я завтра приеду.

Я попытался еще немного с полуодетой, наяривая ей на голую ляжку, потом впихивая ей между ладонями, но тщетно. Почувствовал, что близок к потере сознания, сдался. Зеркало так запотело, что ничего не было видно, даже силуэтов. Добрался до Кости под утро. Он открыл мне с перекошенным от бухла лицом и стоящей шпагой, выглядывающей из трусов.

— Прости, сынок, что разбудил, — сказал я.

— Да, сынок! — ответил он, подражая мне. И пошел обратно в угол, где лежала голая женщина, по которой он тогда сходил с ума.

С утра они уехали на работу — Костя работал новостником на «Русской планете», его дама сердца занимала должность повыше. Я целый день валялся в постели, гладил кота Марсельчика (в честь Марсельчика Пруста), болтал с ним о книгах, читал, пускал слюни, листая объявления на ебэй с камерой Panasonic GH4. Так отвлекался от ожидания юной бабы. Думал о другом, чтобы не расплескать добро вхолостую. Она так и не приехала. Тут и написала Вика. Просто какая-то девчонка из фейсбука. Привет, говорит, я Вика, то да се, вчера мы, мол, немного говорили на концерте, а сегодня хочу с тобой погулять. Предложил ей поужинать в «Граблях» на «Новокузнецкой». Мне было ехать двадцать минут на метро.

Я бы не назвал Вику ярой фанаткой, скорее, просто слушательницей. В ней было какое-то достоинство, не просто тщеславный интерес, мне понравилось, как Вика держалась. Едкая интеллигентка, умела соблюдать дистанцию. Не дура тупая.

Мы пришли к началу скидки последнего часа. Хотелось ужина за полцены и трахнуть водки. Похмелье перерастало в запой. Не помню, что мы ели, кажется, Вика из солидарности тоже взяла по вегану. Плюс выпили по сто «Русского золота».

Поговорили, оказалось, она учится во ВГИКе и живет в общаге.

— Тогда поехали к тебе. Давно там не был.

— Не знаю. Надо подумать, нужен ли ты там.

Увидел по ее лицу, как она сканирует возможные варианты будущего.

— Только если ты захочешь, — сказал я. — Секс будет.

— Бряд ли захочу, — ответила Вика. — Но у меня есть немного водки и вина.

— Какая водка? — спросил я, так поддерживая разговор.

— «Мороша». Очень хорошая водка, кстати.

— Решено.

На эскалаторе я поцеловал ее.

— Этого я не ожидала, — сказала Вика. — Еще не вручили зеленый.

— Я с детства дальтоник.

Кажется, ей понравилось. Пока мы шли от метро к общаге, она меня проинструктировала. Можно подойти к охране, заплатить триста рублей, и тебя пускают на ночь; можно сработать по старинке — залезть по пожарной лестнице. Но лезть высоко, до шестого этажа. Я выбрал пожарную лестницу, доводилось уже — когда я только переехал в Москву, у меня не было жилья, и я лазил так к Сигите. А сейчас похмелье не проходило, и я не представлял себя подкупающим охранника. Я отдал Вике рюкзак и полез. В принципе, решетка, приваренная к перилам, хорошо подходила для лазанья. Но алкоголь, выпитый за последние дни, мешал крепко держаться. Несколько раз казалось, что я упаду. Ладно, пожил, умер, многие великие поэты в мои годы уже были мертвые. Металл холодил руки, плотная парка тянула вниз. Из последних сил добрался до шестого этажа и неуклюже перекинул тушку на пожарную площадку. Я открыл железную черную дверь и вошел на этаж, в общагу. Прошел ее насквозь и вышел к лифтам. Наверное, в этом месте самое тупое программное обеспечение для лифтов на свете. Я нигде за свою жизнь не встречал таких убогих и медленных лифтов. Не дождавшись, я пошел пешком на шестнадцатый этаж. До сих пор еще страх смерти холодил нутро, я все представлял себя размазанным по асфальту.

Я вспомнил фрагмент из «Женщин», где заблудившийся Чинаски воображает свой некролог в техасской газете. Позабавился, как жизнь поднесла цитату. Представил текст своего некролога. «Роковое

влечение» — может, так бы журналисты назвали эпизод, который привел к моей гибели?

Популярный среди подростков писатель и детский философ Евгений Алексин разбрался насмерть, залезая в общагу ВГИКа по пожарной лестнице. Как сообщают достоверные источники, он не был идеальным мужем. В очередной раз планируя супружескую измену, Алексин не решился проходить через пост охраны. Чтобы сохранить инкогнито, писатель и реп-артист полез в общежитие, как вор-фортович. Он планировал сократить несовершеннолетнюю студентку первого курса, что и стоило ему жизни...

Даже мои друзья-писатели и журналисты всегда стараются занизить возраст моей аудитории, чего ждать от тупого автора этого некролога? Помню, даже Лео, когда сватал меня журналу «Сноб» несколько лет назад, начал свое письмо с того, что сообщил редактору, что я — «популярнейший артист, от которого мокнут трусики тысяч четырнадцатилетних девочек». Конечно, работу я после такой рекомендации не получил.

Подошел к двери в комнату Вики. Из-за медленного лифта опередил ее. Было время прокрутить в голове еще и фрагмент из своего любимого фильма «Любовь и сигареты», где мужу-изменнику Джеймсу Гандольфини снится, как жену плятят на его же могиле, а потом мужик ссыт на надгробие.

— Вино оставим на завтрак, — предложил я, когда Вика поцеловала меня и открыла дверь.

Мы выпили водки и легли в постель. Сначала просто обнимались, потом принялись сосаться.

— Я ничего не умею. Я почти девственница, — сказала она.

— Это как — почти?

— У меня был секс один раз в жизни.

— Был все-таки. Такой штуки ведь лишаются с первого раза?

— Можно сказать, что и не было. В широком смысле. Не проняло, понимаешь?

— Еще как.

Стянул с нее одежду. Ноги неуверенно разлетались по студенческой комнате. Я разделся сам. В кармане джинсов у меня было еще два гондона от вчерашней юной бабы, и я надел один из них. Все получалось довольно неуклюже. Я даже подумал, что зря все это затяял. Не мог сконцентрироваться. Вспоминал, как восемь лет назад жил в этой общаге. Сигиту, опять ее, где-то рядом мы, еще совсем юные, ругаемся, миримся, занимаемся любовью. Вспомнил Женю Якута, который выбросился из окна. Так и бродит здесь его призрак. Вспомнил, как смотрел из своей комнаты на прокат лимузинов. Вспомнил, как сам грозился выброситься из окна, как повис над этими лимузинами, держась за оконную раму, и как Михаил Енотов втащил меня.

— Извини, давай пока не будем, — сказал я и отвалился.

Мы оделись, сели так, чтобы видеть друг друга, и продолжили выпивать. Она уже пила по полрюмки, а я продолжал целыми. Вика рассказывала про учебу, про знакомых. Нашлись и общие знакомые. Мне она нравилась, умная. Наконец похмелье прошло. Я залез под одеяло и сказал:

— Теперь хорошо. Давай обнимемся.

На нее водка тоже подействовала. Полчаса назад ничего не получалось, было смущение и дистанция, а сейчас все пошло нормально. Сроднились. Оказывается, что-то должно произойти между людьми, и вот оно случилось сейчас. Я вроде бы держал в голове все те же

страшные мысли, но они помогали стояку, а не мешали. Вика была румянной, страстной и нервно-красивой, худой, угловатой. Мне все нравилось. Вот так работает алкоголь. В какой-то момент стало даже слишком приятно, как будто у меня было больше нервных окончаний, чем следовало. Чтобы отсрочить финал, я вынул и увидел, что последний гондон разорвался и ветошью свисал с конца.

— Опачки, — сказал я Вике. — Разодрал.
— Ничего, — ответила она. — Я пью противозачаточные.
— Как это? Зачем? — я уставился на нее.
— От них хорошие ногти и волосы, — просто ответила Вика.

— То есть у тебя никого нет?
— Нет, я же говорила.

Я снянул дырявую резинку и бросил на пол.

— Ладно, — сказал я, проникая обратно в этот страх и желание обменяться микрофлорой. Потом она уснула. Я гладил ее волосы, целовал лицо. Неужели я чувствую что-то кроме тупого желания ебать? Потом тоже вырубился. Спали мы недолго, нас разбудила моя эрекция. Мы поворочались в позе «чайные ложки» с большим удовольствием, но без надежды на оргазм. Тела слишком устали за сегодня.

— Я открою вино, ладно?

Вика лежала в постели, а я пил из горла, сидя рядом. Торшер освещал ее лицо и руку, держащую айфон, подрагивающую среди жуткой тьмы. Вдруг она посмотрела на меня как на привидение.

— Что такое?

Вика, шокированная, потрясла телефоном у меня перед лицом, не сразу справившись с речью.

— Немцова убили.
— Как это?

Я взял ее айфон и прочитал новость. До меня не доходило. Айфон мистически светился в руках. Я перечитывал коротенький текст и перечитывал. Страх, как гул, надвигался на комнату, на предметы, проникал в нас. Я начал бояться всего. И одиночества, и Вики, и оставаться здесь, и выйти из этой комнаты. Конечно, дело не в том, кого убили, ну Немцов и Немцов, это не Спаситель и не Антихрист, а просто таракан, который достал из помойки никому не нужный бейджик «лидер оппозиции». Но почему-то было очень страшно.

— Вот как это просто у нас в стране, — сказал я. — Как муху убить.

Вино закончилось. Я опять лег в постель. Началось головокружение, алкогольные вертолеты. Мы крепко обнялись, пытаясь их остановить. Я смотрел через полутьму в ее красивое драматическое лицо. «Все бабы это одна баба все бабы это одна баба все бабы это одна баба», — крутил я в голове вместо заклинания. Не знаю, сколько мы так провалялись, то обнимаясь, то ненадолго проваливаясь в сон. Потом я уткнулся ей в пах, а она сосала мой член. Потом я проснулся в поту и долго лежал молча. Вика не спала, я чувствовал это, она подцепила мою тревогу. Наконец не выдержал и прибавил громкости своим дурацким мыслям.

— Блять, — сказал я, вскакивая с постели. — Я влюбился. Где-то идет война, а я пытаюсь быть трутнем, когда надо стать воином. Ищу любви, ищу чего-то, чего нет. Ты понимаешь, что нет никаких измен? Что это просто, как пихать штекер в розетку. Есть электричество, и есть розетки. А я — вилка, штекер. Нет никакой личности ни у меня, ни у тебя, ни у кого! Женщины — это электричество, а мужики — электроприборы. Ты просто приходишь в комнату и подключаешься к сети. А все остальное ничего не значит! Так ведь? Правильно ведь я думаю?

Ты понимаешь, что значит «умереть с оружием в руках»? Это значит не превращаться в то, во что я превратился. Меня даже смерть не забрала, ей стало противно.

— Не пойму, — сказала Вика слишком спокойно. — Это у тебя всегда или только с похмелья?

Какой же у нее был сексуальный голос, как у русской Скарлетт Йоханссон. Я замер, сраженный наваждением.

— Что — это? Что ты имеешь в виду?

— Тебе не диагностировали маниакально-депрессивный психоз? Вообще, ты с психотерапевтом не общался?

— Нет, не общался и не собираюсь.

— Судя по тому, что ты пишешь, — сказал Вика, — странно, что ты еще не был в психушке.

Я сел на постель. Взял ее за руку и замер. Трезветь и бежать. Перед глазами все мелькал этот кадр — Оксана на скутере спрашивает, как я себя чувствую. Зачем я бросил ее в Индии? Можно было отложить все это, пробыть еще пару месяцев с женой, написать книгу, сценарий, альбом, что угодно, поработать в баре, куда я хотел сбежать?

Струсил быть с ней и обрел свободу. Мне нужно было просто выбрать одну из четырех сторон, без разницы какую, и бежать.

Взял себя в руки, бросил пить и снял жилье в Петербурге. Это была квартира в Озерках с окнами в унылый двор. Одиннадцатый этаж, можно было выйти на балкон, и свист ветра смешивался со скрипом дома и карканьем ворон, отчего становилось страшно. Вниз лучше вообще было не смотреть. Со мной жил сосед Женя, который работал в кафе «Самадева» и чуть ли не каждый вечер приносил вкусную вегансскую еду. Метро рядом, озера рядом, все есть: от кинотеатра до супермаркета «Окей»; даже до ТЦ «Метро» ехать на автобусе двадцать минут. Обживайся, плодись, чего еще надо. Женя занял маленькую комнату, нам с Оксаной предназначалась большая.

Через авито продал камеру, оплатил жилье на несколько месяцев вперед и к возвращению Оксаны сдал анализы. Все было чисто. Когда она вернулась, мы поклеили обои, отмыли шкафы, выкинули диван и старый стол. Купили новую мебель, и захотелось праздника. Отправились на дебютное чтение стихов Максима Тесли, человека с моторчиком в заднице. Я сделал ряд фотографий читающего Максима. Чтения делал будущий крупный продюсер, любитель трахать малолеток (что я не осуждаю ни в коей мере) Александр Ионов. А еще присутствовал музыкант Феликс Бондарев, рыжая детина с нахальной мордой. Я ничего о нем не знал, кроме того, что у Феликса был стремный проект RSAC, который очень нравился Костиной женщине. «Лучшая музыкальная группа», — так говорила она, юное и безжалостное создание своего времени, о RSAC. Хотя это даже была не группа, все делал сам Феликс. Проект, это был его проект.

— Наконец-то я перезнакомлю всех великих людей Петербурга! — орал Максим Тесли.

Он представлял меня Ионову и Феликсу, их мне и в любом другом порядке и все удивлялся, что мы не сливаемся в экстазе и не приумножаем наше величие, а смотрим друг на друга с холодным равнодушием. Потом я все-таки выпил несколько раз водки с Феликсом Бондаревым, и Максим заорал:

— Вы еще полюбите друг друга.

На самом деле у меня уже тогда возникла идея порадовать моего брата и друга Костика. Отношения с бабой у него складывались не лучшим образом, он постоянно ревновал ее, она часто его игнорировала, он начал с горя шпилить других девчонок. В тридцать лет он снова начал курить и пить, как подросток. В общем, я прикидывал, что мне нужно завербовать Феликса как продюсера для следующего альбома, чтобы Костя обрел почву под ногами, чтобы не чувствовал себя пугалом перед собственной будущей женой — как он ее определял во времена пьяной смелости.

— Рад знакомству, — сказал поэтому я Феликсу, угощая его. — Ты профессионал.

— А ты сам-то кто такой вообще? — спрашивал Феликс, угощаясь.

— Я твой билет в будущее.

Была ранняя весна, Максим Тесли возил нас на такси со вписки на вписку, орал что-то, тряс папкой со своими документами (он работал тогда юристом), которую в итоге потерял; а под конец тузы я обнаружил себя в проходной гостиной, вокруг валялись какие-то пьяные тела, пахло сигаретами и слегка блевотиной или скисшей едой. Маленькая Оксана усадила себе на колени крупную роскошную красотку и расчесывала ей волосы. Лицо при этом у Оксаны было очень грустное, лирическое, пьяное. А у красотки,

наоборот, блаженное. Каждой волосинкой она кайфовала от Оксаниных прикосновений.

— Я нашла нам цыпочку. Тебе же не хватает меня? — сказала Оксана. — Одной тебе мало. Можешь ее трахать, можешь кончать ей на волосы, смотри, какие хорошие волосы.

— Это потому что я глотаю сперму, — ответила красотка.

Оксана вдыхала запах ее волос, гладила сиськи через одежду. Та все улыбалась как дура.

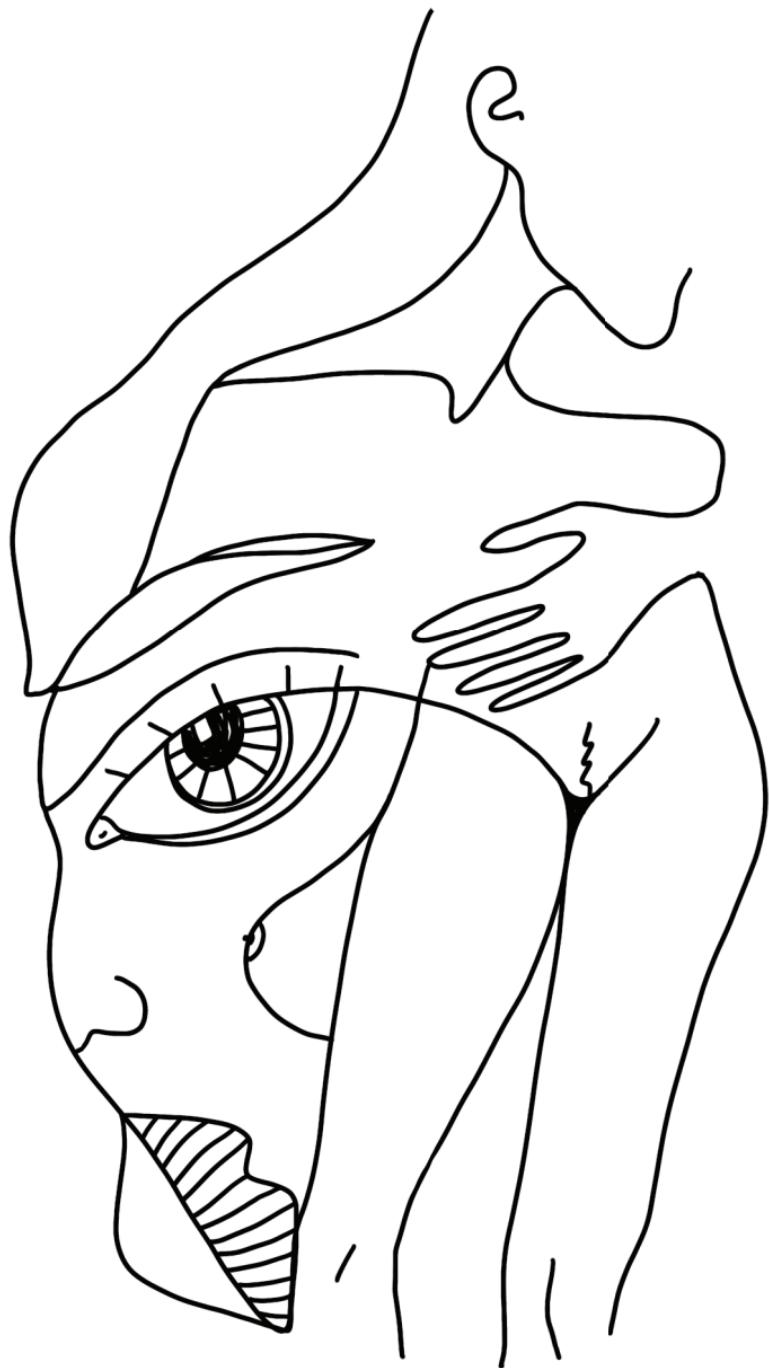
— Вы что, нанюхались, дамы? — спросил я.

Я аккуратно отделил Оксану и вызвал такси. Красотка потерлась о меня задницей, у меня что-то вспыхнуло внутри, но настолько это была печальная вспышка, что я не подал вида. Уложил аккуратно эту бабу на грязный диван и потащил Оксану в машину. А ведь я мечтал о таком, о том, чтобы уехать к себе с двумя девчонками. Но воплощающиеся мечты не всегда вкусно пахнут.

Сам уснуть не мог, до утра сидел за ноутбуком, ходил по комнате, смотрел на гладкий зад Оксаны, высывающейся из-под одеяла. Она всхлипывала во сне. Поглаживал ее, как котенка, вставал, садился, подходил к стене, ходил ссать, дрошил. Пил сидр, писал стихи, смотрел в окно. Сидел на кухне, жрал все, что нашлось: чечевично-нуговую колбасу, которую Оксана научилась профессионально варить, очень вкусную, с постным майонезом, который я сам сделал, салат из свежих овощей и кусочек торта, которые Женя привнес из «Самадевы». Ждал, когда откроются магазины, чтобы купить еще выпить. Взял алкоголь и пил на улице, слушая в наушниках дарк-джаз. Я возненавидел эту квартиру, еще когда клеил обои. Спальный район, жена, которая искренне и по-человечески тебя

любит, но на самом деле — она же стала моим другом, сестрой. Я не извращенец, чтобы жить с собственной сестрой. Я не извращенец, чтобы жить обычательской жизнью. Она это чувствовала, у нее в это время тоже появился мужик для секса или даже два мужика для секса. Пришло время отпустить друг друга.

В те ночь и утро дописал продолжение к стихотворению, написанному в семнадцать лет, — тому самому «Удивительно, но лет через пять-десять-пятнадцать...». Получился диптих, который станет текстом последней песни с одноименникаочных грузчиков, который мы запишем через три года.

Перед рассветом. Кухня освещается лампочкой, которая явно желтит. Звук холодильника поглощает все остальные и уже воспринимается как тишина. Когда он перестает гудеть, раздается первый недовольный крик чайки, пролетающей по двору. Дверь балкона открыта, улица начинает звучать ветром, ранними автомобилями и далекими шагами, переходящими в бег. Ночное небо светится антиутопическими, какими-то оранжево-красными красками, с последнего этажа квартала как игрушечный под этим покрывалом из облаков цвета обоссанного серого белья. Если вы оказывались под утро в районе Петербурга Рыбацкое, вас не удивит палитра.

— Пайэр оф! — произносит электрический женский голос из портативной колонки.

После него звук, схожий с ударом барабанщика в бочку под басовую ноту. Так устройство сообщает о необходимости подзарядки и будет сообщать об этом до конца описываемой мной сцены.

На столе — работающий ноутбук, в нем открыт файналкаторский проект, в котором проигрываютя кадры: женские стройные ноги, вид сзади, мужские стопы, идущие за ними вдоль морского берега, рыбки, плывущие против речного течения, аист, копошащийся в черных мусорных пакетах. Это снято в какой-то азиатской стране. Если прислушаться, можно разобрать зацикленный сэмпл, несколько нестройных нот на синтезаторе, они гипнотизируют и повторяются, склеенные мимо такта. Добавляются вольные ударные, гитара, меланхоличный саксофон, каждый инструмент играет сам по себе, как будто все надергано из разных песен. Потом опять резкий удар в бочку, это снова колонка сообщает о том, что ей нужна подзарядка:

— Пайэр оф.

По полу разливается ручеек крови от моей головы. Но она не ощущается как моя голова, как чья-то, теперь я — просто глазок, который видит одновременно все предметы в помещении, и голова, а с ней оставшиеся части тела точно такие же объекты, как мебель, как раковина, как микроволновая печь, как столовые приборы, тетрадные листы, письменные принадлежности, разбросанные по столу.

Низкие усталые голоса мужчин бубнят, переговариваются, как будто в соседней комнате, а вернее, даже в соседней реальности, аудиофильме, запущенном параллельно с этой сценой. Вдруг — женский смех. Это здесь, в финале кадра, воспроизвёлся единственный кадр, у которого не отключена звуковая дорожка. Там красивая девчонка, ее зовут Даша, и она моя жена. Даша смотрит в объектив, отталкивая от себя оператора — меня — на колесе обозрения в южном городе. Другой кадр уже в тишине: грязные босые ноги идут по слегка засоренному туристическим мусором пляжу.

Мужской голос номер один, тот, что бормотал в параллельной реальности, теперь уже внятно произносит:

— Звони, звони.

В такт этому «звони», как метроном, мою голову легонько толкает нога в мужском башмаке. Непонятно, откуда она появилась. Видно штанину фельдшерских брюк. Второй голос отвечает первому:

— Вот так всегда. Не собирается, но выебывается. Что с ним делать?

Первый голос не отвечает второму, он продолжает обращаться ко мне:

— За тобой уже приехали, бери телефон и звони.

— Или наш все-таки? Его же с места не свинуть? — не унимается второй голос.

Только теперь меня видно целиком: парень тридцати лет, Жука — так его называли чаще всего в отрочестве

близкие друзья, и, наверное, только на это имя он бы откликнулся с того света. К нему — мне — возвращается нестабильная жизнь. Сначала вдали черной комнаты загорается монитор. Нужно сосредоточиться на нем, как на огоньке против уютной и плотной тьмы. Все происходящее здесь происходит в том огоньке. Он — Жука — я — тянется к монитору, хотя рук нет, но энергетический вектор, который может тапнуть по экрану и попасть в меню. Привидение, поднимающее с пола соринку. Выбираю плюсик вместо минуса, листаю кадры бытия, перематывая время обратно, и кровь затекает по полу в шею. Ножик ползет по линолеуму к руке. Оживая, неестественно беру его в руку. Потом падаю в обратном направлении, залетаю на стул, в полете стирая порез с шеи лезвием, как ластиком.

Я один сижу на кухне. Память отказалась мне. Нож мне вроде бы не нужен, я кладу его на стол. Поднимаю со скатерти айфон и произношу:

— Звони?

Экран ноутбука погас, я провожу по тачпаду. Машинально закрываю финал кат, там точно что-то болезненное. За ним столько разных окон и каталогов, не хочется их изучать. Какие-то папки, папки, плееры, проекты, монтажные программы, музыкальные, стихи, дневниковые записи, отмеченные даты в календаре. От взгляда на этот творческий беспорядок возникают какие-то смутные предчувствия, жуткие желания, тайные страхи.

Я повторяю на этот раз утвердительно:

— Звони.

В последних исходящих звонках верхний номер — «Жена», я нажимаю, но тут же сбрасываю. Чувствую, что ей звонить нельзя, мне становится физически больно и плохо, когда я пытаюсь понять, кто это. Я вижу

стакан воды на столе, тяну к нему руку, пью. Телефон сам звонит. На экране высвечивается: «Папа Стиль». Я не знаю, что это такое, кого так зовут. Никаких эмоций, никакого узнавания. Я все-таки отвечаю на звонок:

— Да?

— Ты готов, отец? Я у шлагбаума тебя жду.

— Это кто?

— Как? Не бабка же твоя. Эдик. Я.

— Эдик. Хорошо.

— Нас ждут через час. Ты готов?

— Я выхожу.

Иду к двери, по дороге осматривая квартиру. Тут беспорядок. Музыкальные инструменты, кажется, я на всех пытался играть. Гитара, духовая мелодика, орган. Наклоняюсь, чтобы обуться, чувствую, что от моей футболки пахнет потом, едой и спермой. Наверное, действительно, лучше покинуть эту квартиру. Снимаю ключи с крючка, выхожу в подъезд, закрываю дверь. Иду в сторону лифта, спускаюсь к этому человеку. Эдик, он же Папа Стиль — это мой друг или враг?

С первым весенним солнышком я приехал в Москву в купейном вагоне тогда нового двухэтажного поезда. Озвучка фильма проходила на Киностудии имени Горького рядом с родненьким ВГИКом, куда я ходил есть в столовую, и общагой на ВДНХ, где жила Вика. А еще рядом, за Ботаническим садом, жила другая моя любовница — К. с потаенным прозвищем Испанская Дрошилка. Она работала ассистентом режиссера на съемках, но тогда у нас ничего не было — а сейчас я запил и вспомнил о ней. Мне выдавали суточные на еду и жилье, но зарплаты уже не предполагалось. Работал я часов по семь в день, режиссер и звукорежиссер не возражали против того, чтобы я приходил с похмелья и подбухивал эль на студии. Чувство вины я старался игнорировать и просто кайфовал от такой жизни, сняв с себя ярлык «муж» и спрятав обручальное кольцо на дно рюкзака. Одну ночь с Викой — высокой, узкой и плоской снежной королевой, вторую ночь с Испанской Дрошилкой — страстью грудастой пышкой, дородной, но депрессивной и ищущей великой любви. Я продолжал дристать, худеть, чесаться, и мне стоило бы отказаться от алкоголя. Но не хватало воли. Я пил и плыл по слабоалкогольному течению жизни.

— Ты с каждой сменой выглядишь все хуже, — сказал режиссер Рома. — На съемках ты же вообще не бухал?

— Зато ты бухал за двоих! Теперь мы поменялись.

— Ночуешь с бабами?

— Да.

— Хорошая же жена у тебя, зачем?

— Лучшая. Я ее не достоин.

Он был мой ровесник, но за плечами у него самого уже было два развода. Сейчас Рома встречался с будущей кинозвездой и моей напарницей Ириной Старшенбаум. Они постоянно ругались, бралились, мирились, пока я стоял за стеклом и записывал свои реплики.

— Не боишься, что больше не встретишь своего человека?

— Я ничего не боюсь, кроме того, что наш фильм полное говно!

— Иди в будку! — смеялся Рома. — Конечно, говно, актеров не тех взял.

— Понабрал от пивных ларьков по объявлению.

На большом экране воспроизводились очень красивые кадры из фильма, субтитры подсказывали, что мне говорить, если оригинальную дорожку было не слышать или если Рома немного поменял текст. Они с Ириной Старшенбаум сосались и ржали за стеклом, а я, завороженный картинкой, в полумраке слушал команды звукаря.

«Ты очень хороший актер. Это может стать твоим высокооплачиваемым хобби», — вот что сказал Рома. Большие деньги крутились в кино, и я мог зарабатывать по пятнадцать-двадцать тысяч за смену только на старте карьеры и вкладывать в музыку и издательство. В этом фильме у меня было больше всех текста, плюс — это был триллер — нужно было записать на фон дыхание моего психбольшого персонажа. Часами приходилось дышать в микрофон до предроманческого состояния. Один раз я не выдержал и громко перднул.

— Пардон, господа хорошие!

Услышал смех Ромы в наушниках:

— Ты что там, обосрался, Алехин?

— Да я специально. Просто смотрю, у вас с Ириной уже отношения на ладан дышат. Хотел показать твое превосходство.

— Часто актеры пердят во время записи звука? — спросил Рома у звукаря.

— Со мной такое впервые, — ответил звукарь.

Я услышал заливистый смех Ирины Старшенбаум. Она тогда была сама непосредственность, невинное дитя двадцати трех лет, попавшее в индустрию через половую шляпу одного из самых продуктивных тридцатилетних режиссеров страны.

— Услышать Алехина! Великий поэт и великий пердун! Какая честь! — вот что она говорила.

Я глотнул пива:

— Поехали дальше! Не спим, ребята! Пердеж растает на ветру, а работа ждет.

Ирина Старшенбаум дала мне контакты своей агентши. Я собрал несколько удачных отрывков из фильмов, клипов, концертов, фотографий, так сказать, портфолио, по которому было видно мою мужскую харизму, — помимо озвучки стал ездить на кастинги. В основном они меня не очень интересовали, но случилась встреча в офисе режиссера Тимура Бекмамбетова. Я был с детства его фанатом, очень любил историческую рекламу банка «Империал» и подумал, что было бы забавно попасть к нему в идиотский кассовый фильм или хотя бы просто познакомиться.

Офис находился на «Киевской», и на эскалаторе меня прижало. Я позвонил координатору, извинился и попросил перенести встречу. Потом забежал в ТЦ «Европейский», успел все-таки добраться до туалета, но вдруг протекла подлина, уже когда снимал штаны. Отмылся, опять (как и во втором томе этого романа, прости, друг-читатель!) выкинул трусы и понял, что все-таки успеваю. Позвонил еще раз, еще раз извинился, сказал, что буду вовремя.

Директриса по кастингу смотрела на меня как на недоразвитого ребенка, задавала вопросы, снимала мои ответы на камеру, которая стояла на штативе.

— Какой фильм ты бы взял с собой на необитаемый остров?

— «Клерки» Кевина Смита. Вы смотрели его? Очень люблю.

— Да, я смотрела. Как вообще расцениваешь себя в актерской профессии?

— Ну это же как собеседование в «Макдональдсе».

— Так как? Это твое призвание?

— Как я расцениваю? Стараюсь не делать таких оценок, мне просто это нравится. Как сказал Рома Каримов, «надо сделать это своим высокооплачиваемым хобби». Мне нравится сниматься, как он сказал, «наведи камеру на твое ебло, и сразу синематография!»

— Так и сказал?

— Прямая цитата.

— Можешь рассказать что-нибудь смешное о сегодняшнем дне? Ты любишь смеяться?

— Нормально отношусь, люблю смех, хоть и не люблю юмор. Сейчас попробую. Такая маленькая история.

— Ну?

— Я так волновался, что иду на студию к Бекмамбетову, что обосрался. Поэтому я просил перенести встречу. Меня прижало на эскалаторе. Я побежал в «Европейский», чувствуя, что вулкан уже извергается...

Директриса по кастингу брезгливо сжала зубы и распахнула глаза, как будто пыталась остановить говнотролль усилием воли:

— Ты нормальный?

— Это не смешно? Думал, секс и какаи — беспрогрызная тема, — ответил я, расчесывая кисти рук, покрывшиеся экземой. — Я могу и постельную сцену добавить, сегодня от девчонки как раз.

— Спасибо, я поняла. Не надо.

Она мне не перезвонила. Наверное, перегнул палку.

Зато называли с ТНТ, где я должен был сыграть какого-то беззубого алкаша. Я не отвечал. Агентша

прислала гневное письмо, сказала, что я ее очень подставил. Но я не хотел идти на ТНТ, хоть у них и случались хорошие сериалы. Но как можно заранее определить? Вдруг сериал станет очень популярным, и тогда все мои труды жизни можно будет спустить в унитаз. Мое лицо станет нелепой этикеткой, его разместят на баннере, и привет. Стихи мои сгниют, зачатки таланта погибнут. Я боялся таких контор.

Что мне нравилось — так это пить коньяк и готовить с Викой на кухне общаги вечерами. Сначала она была холодна, но понемногу мы почти стали парой. Иногда она даже ревновала, если я уходил на лестничную площадку поговорить с Оксаной по телефону. Испанская Дрошилка тоже отвалилась, уехала куда-то. Вечерами мы достигали идеального опьянения, не спеша трахались на полу ее комнатки, или я ставил ее раком и не спеша работал, глядя на улицу Бориса Галушкина с высоты. Потом смотрели документалки о кино и о писателях, засыпали. Я даже взял с собой Вику на предпоказ, который проходил в центре, в квартире продюсеров. Когда мы шли от метро «Третьяковская», я говорил:

— Если фильм хороший, а судя по тому, что я видел на озвучке, он хороший, буду настаивать, чтобы меня включили в титры как сценариста.

— А ты сценарист?

— У меня такое ощущение, что Рома даже не помнит этого. Сначала я приезжал к нему домой, и мы там переписывали сценарий. И пока он нажирался с полудня, я работал. А потом на самих съемках. Перед каждой сценой я переписывал диалоги, пока он подыхал с бодуна или выяснял отношения с Ириной.

— А договор был?

— Ой, нет. Я даже не догадался, что можно было вышибить за это еще одну зарплату.

— Тогда забудь. Режиссеры таких вещей никогда не помнят. Тем более Каримов, он же вообще псих ебанутый. Ты видел, как он все время чешется?

— А я? — показал ей свои кисти рук.

— В тебе вообще никаких сомнений, — она поцеловала меня.

В квартире мы с Викой взяли по пиву в руки и сели на подушки на полу рядом с диваном. Здесь было человек пятнадцать, самые важные участники. Даже моего напарника не позвали, актера, исполнявшего роль моего брата, Диму Богдана — он, честно говоря, хоть и сам не то что хорошо сыграл в этом фильме, зато очень помог нам с Ириной. Мы были новичками и без его советов морально не справились бы с такими тяжелыми съемками: купаться в ледяной воде, драться без постановщика трюков, пока пьяный режиссер устраивает истерики, учить текст, который написан пять минут назад, ждать обеда по пятнадцать часов, при этом оставаться убедительными.

На стене висел белый экран. Продюсерша раздала блокноты и ручки, Рома сказал:

— Это первая версия фильма, она идет больше двух часов. Мы ее еще сократим и улучшим. Мне нужны ваши замечания, ваши правки, желательно по каждой сцене. Я все их изучу лично.

Вика сжала мою коленку. Свет выключили. Фильм пошел. Было красиво снято, но сама история — редкая чепуха. Чтобы скрыть смущение, я пил виски во время просмотра, старался не смотреть на Вику. Потом я курил на балконе с одной из продюсерш. Очень редко я курю сигареты.

— Это пиздец, это пиздец, это пиздец! — сказал я.

— Что ты переживаешь? Ты очень хорошо сыграл. Мы хотим взять тебя на «Кинотавр».

У меня была мечта попасть на «Кинотавр», чтобы,

например, переспать там с актрисой Агнией Кузнецовой и чтобы журналисты меня сфотографировали без штанов, показывающим в объектив всей российской киноиндустрии средний палец. Но мечта сегодня умерла. Когда зашел в квартиру, наши взгляды с Ромой встретились. Он стоял среди людей, но как будто один в разрушенном туалете, посреди комнаты с бокалом вина, смотрел настороженно-вопросительно. Ирина Старшенбаум щебетала на смежной с гостиной кухне, болтала с кем-то у фруктов, говорила о той разновидности вегетарианства, которую она себе выбрала.

— Рыбу я иногда ем, молочку реже, но от яиц стараюсь отказываться...

Какие-то голоса спорили об актерах и режиссерах, сплетничали, обсуждали гонорары и грязное белье. Никто не говорил о нашем фильме.

— Я лучше пойду, Роман Леонидович. Так себе праздник.

Рома зло махнул мне на прощание.

Никого тут не знавшая Вика сидела в углу и уже тоже была готова свалить. По дороге она утешала меня как могла и даже сказала, что начала влюбляться. Мы решили хорошо напиться.

— Потрогай меня, чувствуешь? Я же вся мокрая, — бормотала она, засыпая. — Что ты со мной наделал? Я влажная. Мокрая до ниточки. У меня твои бездарные песни в голове играют. Пшел ты.

Сам я почти не спал. Дождался рассвета и, не прощаюсь, свалил в Петербург. Мы не виделись несколько месяцев. Московская гастроль меня утомила снова. Потом встретимся на какой-то вечеринке, и там Вика плонет мне в лицо.

Контора, где работал Костя, приказала долго жить, женщина его бросила во второй раз, а мне просто хотелось сбежать. К счастью, наш друг Эдуард, веган-хакчик, тоже сидел без работы, и в мае мы поехали в тур по югу страны на его машине. Сперва проехали Липецк и Саратов... Тесные клубы, организаторы, свалившиеся каждый со своей луны, — было очень мало времени на подготовку путешествия, по пятьдесят-семьдесят человек на концертах. Мы — два тридцатилетних реперка, плохой или не очень плохой звук, пиво и дешевый ром.

— Это мой любимый сорт концерта, — будет говорить Костя. — Магия здесь и происходит.

Как только мы загрузили багажник книг и вырвались, мне стало хорошо. Вот путешествие, и я попробую оторваться от своей борьбы и невозможности сделать выбор. Я смотрел в окно, на дорогу, на страну и понимал, что это лучшая жизнь — приезжать в город, чтобы покинуть его назавтра. Все, что тебе нужно, — зубная щетка, сменное белье и ноутбук, на котором печатаешь заметки и с которого ставишь минуса.

Эдуард помогал продавать книги, мурлыкал, как котик, и скулил, как волк, когда видел красивых девчонок. Мы пытались устроить соревнование, кому первому перепадет старый добрый sunn-вупп, но два города прошли безуспешно. Ночью в Липецке меня позвала гулять какая-то красотка с татухами на лице, мы припивали пиво, она смеялась. Когда я полез целоваться, взвизгнула:

— Ты же женат! Ты что делаешь?

Я развел руками и бросил ее, а также и свою бутылку посреди улицы. Почему-то я был очень оскорблен. Куда ты лезешь, сука, бормотал я. Какое твое дело! Как ты вообще посмела говорить о моей жене, дура? В Саратове Костю наглаживала по ляжке очкастая филологическая дама, но дальше дело не шло. У него в глазах набухала

боль по женщине. Я все твердил ему: забудь, забудь, она тебя не любила, если не сможешь отцепиться, тебе станет очень плохо.

— Ты не знаешь, как она пахла, — отвечал Костя.

— К счастью, не знаю! Вот лучше — обрати внимание, — я указывал на очкастую.

Та поцеловала Костю в щеку, но его лицо задрожало в ответ, как будто сейчас рассыплется.

Мы хорошенько выпили и с Эдуардом по очереди держали на коленях подругу очкастой, с виду она была робкой первокурсницей. Даже поехала с нами на винискую, позволила мне помусолить ее шею в машине пойманного нами частника. Но ночью в итоге убежала на кухню, где ждала первого автобуса. С утра приехал организатор, оглядел квартиру, все ли цело, и мы выехали на реку. День был очень жаркий, все переоделись в шорты. В девять на берегу уже было полно загорающих. Я разделся и побежал в воду. Нырнул из пекла в холод, плыл с открытыми глазами, испытывая настоящее южное счастье. Вода была почти чистой, камни гладкими. Сегодня я кого-то встречу, а если и нет — то все равно. Костя тоже окунулся, вылез и начал делать зарядку на берегу. Сам я тоже размялся: попрыгал, растянул суставы, отжался. Никакого похмелья не было. Эдуард лежал как тюленчик на полотенце в своих темных очках.

— Вы как дети малые радуетесь, — покачал головой он. — А меня бы влажная писечка больше порадовала, чем этот ссаный ручей.

— Это Волга! — сказал я. — Одна из величайших рек!

По пути в Волгоград Эдуард рассказывал какую-то бюрократическую историю. Я задремал и проснулся на слове «апостиль». Я впервые слышал это слово, оно меня очень рассмешило.

— Ну все, парень. Ты подписал себе модный приговор, — возрадовался я и полез в список контактов на телефоне.

— Че ты там делаешь? — спросил Эдуард, поглядывая в мою сторону.

— Смотри на дорогу.

Я изменил его имя и показал, что теперь его зовут не Эдуард, а Папа Стиль. Повернулся к Косте, скучающему на заднем сиденье, и призвал его повторить этот трюк, что он тут же охотно проделал.

— Тридцатилетние ребята, — качал головой Эдуард. — Отцы практически, авторы репа с миллионом отсылок.

— Куда нам до тебя, любителя Жиля Делеза! До Папы Стиля!

Клуб в Волгограде находился в самом центре, на набережной.

— Сталинград! — приговаривал Костя. Сопричастность к истории заставила его ненадолго забыть о бабе.

Это было здорово. Юг, как же тут хорошо, почему я не побывал тут раньше? Жгучий май, красивые девчонки, Волга. Жаль только, место для репа совершенно не подходило. Там был бар и огромный подиум посреди зала. Мы ходили по этому подиуму вместо сцены, изображая из себя обезьян. Намахнули с Костей по ягермастеру и вышли на крыльце. Там была лавочка и столик, где мы разложили книги. От людей нас отделял металлический забор, который еще не открыли. До Даши было метров двадцать или даже тридцать. Но я сразу ее разглядел всю. Сразу все понял, судьба будто приподняла подол юбки, и ветер принес мне лучший запах на свете. Даша стояла в узких джинсах, светлой футболке и с сумкой через плечо, протирая темные очки. Стройные длинные ноги, крохотное туловище с очень узкими плечами, длинные пальцы держали тканевую салфетку. Запястья ее были

очень тонкие, но я отмахнулся от мысли, что запястья — это тизер вагины, похоть была второстепенным элементом, лишь одной из составляющих страсти. Страсть была такая, что именно было необходимо изменить весь мир, чтобы добиться места рядом с ней. Ну и было очевидно, что оказаться в этой тесной девчонке — лучшее из телесных ощущений, которое только можно вообразить. Казалось, что я даже буквально чувствую ее запах. Точно мог сказать, как она пахнет, мои руки и спина уже знали ее вес, мои пальцы и рот знали фактуру и прохладу Дашиной кожи, мои волосы чувствовали прикосновение ее ладоней. Казалось, что я вижу ее губы и чувствую их консистенцию, вкус, ее русые тонкие волосы, ее кривые зубы, мой язык узнал каждый из них — все было ясно в один момент, хоть и с такого расстояния.

Я сел, совершенно охуевший, и взял банку темного «Козла». Возвращаясь к фильму «Любовь и сигареты», процитирую одну сцену. Герой великого Джеймса Гандольфини вышел покурить, поругавшись с супругой, которую играла Сьюзен Сарandon. На жалобу соседей приезжает коп, спрашивает, в чем дело.

— Вы когда-нибудь были женаты, офицер? — вздыхает Гандольфини.

— Да, сэр. Я был женат дважды.

— Нет, у каждого может быть только одна жена.

Каждый раз я чувствовал укол, когда смотрел это место. Мне казалось, что это подделка, автор — режиссер фильма Джон Туртурро, превосходно сыгравший Бартона Финка, — водит меня за нос. Вот у меня есть девушка или жена, и будет другая или не будет. Была Сигита, которую я любил, а теперь Оксана или даже — как промежуток — Лена. Все остальное выдумки поэтов. Но теперь все сложилось. У нее — у Даши — будет моя фамилия, у нас будут дети, оказывается, я вообще еще

ничего не знаю о женщинах. Сейчас я увидел первую верхушку огромного айсберга-мутанта или, можно сказать, потянулся к первому грибу, связанному с тысячей других подземной грибницей.

— Ты чего, Евгеша? — спросил Эдуард.

— Да так, дрюга встрэтил, — ответил я шепотом, цитируя одну из своих говнокниг, написанных до нее, до моей бабы, Бабы.

Костя отправился на поиски еды, организаторы стали запускать людей. Эдуард считал деньги, я подписывал книги. Подошла Даша. Она выглядела совсем как девочка, но я сразу понял, что ей двадцать два. Не знаю как, но понял. Я сказал, как будто только ее тут и ждал:

— Привет.

— Привет, можно мне книгу Зорана Питича?

— Да, триста.

Даша достала из сумки паспорт, в чехол которого были вложены купюры. Вынула деньги.

— Можно я гляну? — протянул руки.

— Зачем?

— Надо убедиться, что тебе есть восемнадцать. А то Зоран Питич похотливый старик.

Она улыбнулась и дала паспорт. Да, я угадал, ей двадцать два. Сигите было двадцать два, когда мы познакомились, Оксане тоже было двадцать два, и теперь — Даше. Только мой возраст меняется.

— Ого, Папа Стиль, у нее дэ рэ с тобой в один день.

— Да ладно?

— И с Зораном Питичем! Вот это совпадение!

Я протянул Даше банку пива, и она села с нами. Эдуард потом скажет, что решил, что это какая-то старая моя подруга, так она влилась, так непринужденно сидела с нами. Однако я не могу даже вспомнить, о чем мы говорили. Одна знакомая, читая первые две «Рутины»,

сделала замечание, что я очень мало прямой речи вложил в уста Сигиты, а также ни разу не описал прямо и подробно секс с ней. Образ все время ускользает, в отличие от других девушки, с которыми удается деловито разобраться на письме. С Леной и Оксаной, даже с эпизодической Лидой все в порядке. Но что мне мешает писать Сигиту? Если говорить о Даше — это еще сложнее. Сколько бы я ни писал о ней музыкой, стихами или прозой, сколько ни пытался ее фотографировать или снимать на видео — мозг не дает мне пригвоздить ее, не дает познать ее, не дает сделать выстрел и определить, что она такое. Сложить о ней мнение невозможно. Нельзя превратить ее в объект. Я думаю так: на каждую шовинистскую свинью найдется лезвие, и Даша — это лезвие для меня.

Пришел Костя, мы взяли бутылку ягера и запрыгнули на подиум. Энергия несла меня, я старался не смотреть на Дашу, но все, что исполнял, было для нее, и она это прекрасно знала. Эдуард отогнал машину к хостелу и после выступления принялся выпивать с нами. В какой-то момент я дотронулся до ее руки. Помню, как Эдуард спросил вместо меня:

— Даш, а может, ты поедешь с нами?

— Поеду с вами? Я?

Эта мысль была так проста и невозможна.

— Папа Стиль гений, — сказал я. — Тебе не надо на учебу или работу?

Она ответила, что на учебу пока не надо, сессия через месяц. Эдуард прикинул, что при ее весе — чуть больше сорока килограмм — мы можем себе позволить, даже если у нее будет чемодан. Но утром, когда я ее встретил у Родины-матери, при ней была только та же сумка через плечо. Мы погуляли, Даша показала какие-то достопримечательности. Я рассказал все, что мог: о съемках,

о книгах, о редакторской работе. Проехали на метротраме (трамвай, рельсы которого заводили в подземелье), прошлись по набережной. Сколько всего сразу открывается, когда ты выходишь из одной тюрьмы и на несколько мгновений оказываешься на открытом пространстве, ведущем в новую, чуть красивее и моложе, тюрьму. Я привел Дашу в хостел. Костя только умылся, вид у него был недовольный и изможденный.

— У тебя новое имя. Мы прозвали тебя Фартовый.

— Это почему? Потому что я встретил Дашу?

Я счастливо улыбнулся. А Костя даже заржал.

— Какую Дашу еще? Ты че, дядя?

Я указал на Дашу и понял, что сморозил глупость.

— А-а, — сказал я. — Fart-овый. Пердел во сне?

Костя внушительно покивал. Меня очень кольнуло это, не хотелось такое обсуждать при Даше. Я сказал, стараясь не подавать виду:

— Простите, ребята, понос не кончается.

— Не ешь сегодня лучше, пей только воду, — попросил Костя.

Мы ехали вдоль степи, было очень красиво. Теперь Костя сидел спереди, а я с Дашей — сзади. Она смотрела в окно, а я любовался ею. Говорила совсем немного, иногда смеялась над нашими шутками заливисто и по-детски. Я тоже почти не говорил, у меня был сорван голос. После каждой шуточки приходилось хвататься за горло. Вчера, когда организатор дал нам очень мало денег — они едва ли покрыли дорожные расходы, — я выбежал на набережную и, изображая гнев, заорал:

— Сталингра-а-а-а-а-д! Что ты делаешь со мной?!

Теперь этот вопль дал о себе знать, хотя весь вечер я болтал с Дашей, как под МДМА, не чувствуя боли.

На середине пути вышли размяться, Эдуард побежал играть с коровами, которые паслись здесь, у ручья,

поедая скоропостижно выгорающую на ярком солнце травку.

— Му-у-у, — орал Эдуард, бегая в равнодушной скотине.

— Он всегда такой? — спросила Даша.

— Это Папа Стиль, — ответил Костя. — Великий филантроп.

— Он подарил как-то клавиши твоему любимому писателю Зорану Питичу, — сказал я, держась за горло. — С тех пор Папа Стиль в нашем сердце. Немножко придурковатый только.

— Даш, расскажи че-нибудь? Че молчишь? — попросил Эдуард, когда мы двинули дальше.

— Не хочу, — ответила она.

Костя засмеялся:

— Это тебе не обычный бабий банальный ответ. Че на это ответишь?

— А ты че, пацан, вообще? Попутал, похоже, на отца не поднимай руку.

— Посмотри на меня! — сказал Костя, изображая грубый мужицкий голос. Это была старая история-шутка о том, как Эдуард домогался одной девчонки в прошлом туре.

— По-смо-три на ми-ня! — я тут тоже начал смеяться так, что горлу пришлось несладко.

Организатора из Астрахани звали Филиппчик, и он до последнего не брал трубку. Ответил лишь на въезде в город. Да, все нормально, просто он спал с бодуна. Бар, в котором мы выступали, был совсем небольшой. Мой микрофон отстроили максимально громко, чтобы я не надрывался. Бармены были очень обходительны с нами, в отличие от владельца бара Филиппчика, они, судя по всему, прежде слушали наш реп. А Филиппчик смотрел на нас как на инопланетян. Чтобы он не свалился, его

придерживала красивая девчонка в веснушках, будто сошедшая со страниц хипстерского журнала шестилетней давности.

— Мы тебя вылечим, — говорил один из барменов и наливал мне вкусный ром и чай.

— Такая тематика, — говорил Филиппчик, чокаясь со мной. — Мы решили, что не, типа чисто за рэпак платить деньги не варик. Это самое. Поэтому всем на входе по банке, короче, раздам, да? А вы пейте ром. Ваша десятка все равно. Не стесняйтесь. Такая тематика.

У Филиппчика сваливались штаны, взгляд был совершенно шальной. Он неуклюже впускал людей (человек пятьдесят пришло за концерт), вручая каждому банку «Клинского». Хипстерша смотрела на него с такой нежностью, что я завидовал их тихой судьбе.

— Тематика такая, гости дорогие, — говорил Филиппчик. — Это артисты, это книги, которые они проходят. Пейте из банок, наслаждайтесь музыкой.

Начался камерный концерт. Мы с Костей пели реп, топчась в центре небольшого зала. На улице — лютая жара, у нас чай, вода, ром, вентилятор. Даша немногого растерянная, но, кажется, она заинтересована мной. Надо сделать, чтобы это приключение превратилось в роман. Понимает ли она, что мы не просто сегодня переспим, а это начало путешествия за пазуху к самому богодьяволу? Или думает, что сможет сохранить дистанцию? «Вставлять в любимую женщину — это же невозможный пиздеж, это чувство такое ядовитое и красивое, что от него лучше сразу сдохнуть», — так говорил Костя.

Мы закончили, и он, пьяный и шальной после рома, достал фотку своей женщины из кошелька. Он тыкал изображение Даши в лицо и говорил:

— Смотри! Жена моя!

— Как ее зовут?

— Зови ее моей женой! У нас будет два пацана. Одного отдам на бокс, а второго на борьбу. Они будут хачи, в матерь!

— А как ее зовут?

— Хачей не трожь! — вяло отозвался Эдуард.

— У нее сирийские корни, поэтому она такая красивая. Волосы и глаза черные, как смерть. Я бы уебал ей.

— Костейшн, не агрись.

— Видишь мою жену, Евгений «Звезда» Алехин? Это она!

— Ее зовут Амалия, — ответил я Даше негромко, но Костя тоже расслышал.

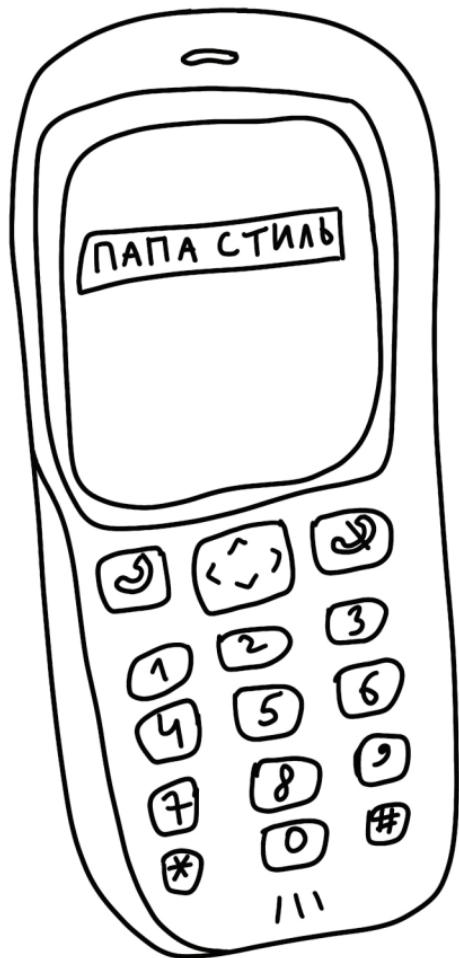
От звуков этого имени лицо моего брата выбрировало и готово было разорваться в клочья. Он тут же терял почву под ногами, мог наброситься на кого-нибудь или, например, начать сосаться с мужиком на пьяной вечеринке. Сейчас и мне передалось это чувство.

— Поехали спать, — предложил я. — Филиппчик? Ты готов ехать?

Филиппчик валялся под стойкой, штаны слетели до колен. Он улыбался, его девчонка проводила ему нежной рукой по щетине:

— Поехали домой, милый.

Спустя три часа я сидел один на кухне у Филиппчика в коттедже, по-деревенски уютном, просторном и запущенном, пил семилетний ром и растирал свои пальцы, пахнувшие Дашей. Кровь ее месячных была на мне, была под ногтями, была мной. Ко мне вышел Эдуард и предложил попить антидепрессанты, чтобы наладить режим. Я уже изрядно похудел и давно спал гораздо меньше нормы. Сперва я предложил разобраться с ромом. Завтра попробую и таблы.

Я вижу только белую гладь потолка. Тело есть, но для моей мысли оно пока не представляет интереса. Мысль чувствует необходимость жить отдельно от тела. Нужно пробраться в суть чувственной идеи, слиться со светом. Туда я стремлюсь. Белое на потолке, то, что я вижу, — нужно смотреть в него, пока не пробьешься сквозь. Мысль накаляется, ее ничто не может сдержать. Но как только прорывается — внутри все переворачивается, где-то в сердце или даже в самом духе все воспламеняется нестерпимой тоской. Блаженство оборачивается чудовищной мукой; мое собственное тщеславие есть ад, в котором я вечно горю. Но потом снова зарождается мысль, отделяется от огня и прожигает новую жизнь, на какое-то время я снова нечувствую горения и лечу к этой идее. Как только добираюсь, оргазм и боль. Это она, это она, это она.

Я поднимаюсь и сажусь на постели. Даша. Моя жена. Больше ничего не помню. Я сгорел, произошло что-то страшное, мне было очень хорошо и очень больно, была смерть и что-то страшнее смерти. Нужно сконцентрироваться на теле. Я вижу свои руки. На пальцах одной из них набита татуировка «я пёс». На мне клетчатая пижама. Трогаю туловище. Оно как дерево, худое, твердое, нечувствительное. Небольшая комната с дверным проемом. Несколько кроватей, на них спят люди, тоже в пижамах. Неподвижны, но я знаю, что живы. Непонятно, жив ли я сам. Судя по всему, да, хотя явно какое-то время назад был мертв. Сижу, не знаю, что я — пес — здесь делаю. Наверное, нужно выйти. Ноги не слушаются. Долго приходится растирать их. Вспоминать, как шевелить мускулами. Руки подсказывают ногам. Массирую босые стопы, икры. Ноги — вата. Тогда я использую воспоминание, идею. Если зачерпнуть из этой боли, если вспомнить ее — Даша, кто это? — получаешь доступ к чистой воле,

энергии. Так я был мертв, а потом, нашупав что-то, оказался живым. Повернул процесс вспять. Это было очень больно, но произошло. Получается, что смерти нет? Или есть только смерть?

Я уже стою на непослушных ногах. Опять ложусь, опять встаю. Смерть, жена. У тела еще есть резервы, это здоровое, молодое и сильное тело. Просто оно находится под воздействием каких-то препаратов, догадываюсь я. У меня нет доступа к воспоминаниям этого тела, к информации, которая хранится в этом мозгу. Дверцы к жизни заперты от меня. Имя Даша — это ключ. Хорошо, что есть доступ к словарному запасу и я могу описать мир, который вижу. Слова выведут меня из лабиринта, так я чувствую. Я — человек, хоть и называю себя псом, примерно догадываюсь о своем биологическом возрасте, мне тридцать лет или чуть больше, я знаю, что эти пижамы свидетельствуют о том, что я нахожусь на каком-то принудительном лечении или же в тюремном заключении. Либо психиатрическая лечебница, либо больница в тюрьме. Думаю на русском языке. Дафна — похоже, это имя русской женщины. Мне кажется, что я музыкант. Я чувствую желание выбраться отсюда, заниматься музыкой. Значит, я представлял опасность для себя или кого-то. Нужно уходить. Я медленно иду. Следующая комната больше. Люди в пижамах, болезненные, лишенные воли. У меня она есть, прохожу мимо них, плыву в них. Кровати, стены, крики, гул голосов. Дальше — коридор.

— Эй, ты куда намылился?

Крупный человек в халате хватает меня за плечо. Санитар, и он злой. Резко скидываю его руку, интуитивно чувствую, где выход, иду туда. Здоровяк обнимает меня, хватает крепко, пытаясь задержать здесь, но я еще помню огонь, из которого появился несколько минут или часов

назад. Легко вырываюсь и отталкиваю здоровяка так, что он отлетает.

— Стоять! — слышу я крики.

Меня тянут со всех сторон, но я продолжаю идти. Моей воли хватает на все, я как бронированное средство передвижения, мне одинаково — что распихивать тела, что просто передвигаться в пространстве. Бытие одинаково тягостно, семьдесят — это килограмм или тонна. Какой-то черноволосый человек в пижаме подтрыгивает и пинает меня по лицу. Я отталкиваю его, он врезается в стену. Из-за дверей появляются еще люди в халатах. Со всех сторон хватают меня, валят лицом вниз — на мраморный пол. Ячуствуя вкус своей крови.

— Да что с ним, он совсем ебанько?!

Я дергаюсь, ползу вместе с людьми, которые забрались на меня, как на туристический паровоз.

— Вот псих.

— Куда ты, Алексин? Окстись!

— Пусти меня.

В мою шею вонзается игла. Резкое тепло вливается в кровь, тьма поглощает. Но я не даю погаснуть маленькому огоньку. Если он исчезнет, я не выберусь, ничего не останется. Держусь за него, как бы далеко он ни горел, насколько бы безнадежно ни тускнел. Белая точка, она есть, и я напрягаюсь изо всех сил, чтобы не погрузиться в глубочайший сон забвения. Плыту и плыву в эту сторону, к выходу, пока не удается распахнуть глаза.

— Э-э-э. Пусти...

Я в большой комнате, проходил через нее в прошлое пробуждение. Ощущение, что кровать кружится, руки и ноги связаны простынями, реальность как вертолет. Могу шевелить только головой. Могу ли я говорить? Во рту пересохло.

— Я могу говорить, — с хрипом произношу.

Потом еще раз:

— Я. Могу. Говорить...

Здесь много людей в пижамах, они ходят по комнате, как будто лишенные смысла куклы. Через большие окна видно мрачное зимнее небо. Напротив — унылые кирпичные здания, слегка заснеженные московские крыши. У меня нет сил, я дремлю, собираюсь с силами. Глаза мои открыты, но я вижу сны. Похоже, я все-таки мертв. Я был ребенком, и меня убили насищенной смертью несколько злых детей. Или же изнасиловали, или и то и другое. А сейчас я оказался в этом теле. Нужно понять, как отсюда выбраться. Когда появляются силы говорить, я обращаюсь к человеку, который уперся в мою кровать, как будто ее не видит, продолжает идти, слепыми глазами пялясь прямо перед собой. Страшное и медленное движение на одном месте.

— Эй.

Он слышит меня, но не понимает, что обращаются к нему.

— Да, ты. Слушай. Развяжи меня.

Он застывает. Потом опять продолжает идти в кровать, кажется, еще интенсивнее, кровать как будто чуть-чуть сдвигается.

— Отвяжи меня, — повторяю я. — Зомби? Так тебя зовут?

Когда у него появляется имя, в его глазах включается что-то — первая осмысленность вышедшей на сушу рыбины.

— Развязывай мою ногу.

Руки не слушаются его. Но он пытается, он слушается. Сейчас первая нога будет свободна. В комнату заходит здоровяк, отталкивает человека, укрепляет узел. Обращается ко мне:

— Лежи тихо. А то еще укол вхуярим.

— Какой укол?

— Мясной укол. Хочешь?

— Стой. Ты кто такой?

Здоровяк смеется удивленно, как будто услышал невинную грубость, и говорит:

— Это ты кто такой? Пошел на хуй.

У меня в голове всплывают вопросы один за другим, и я тут же их задаю, вдруг шанса не будет больше:

— Ты меня убил?

— Что? Убил?

— Кто меня убил?

— Болт его знает. Таким прибыл уже, убитым.

— Кто меня выебал?

— Ты че, пацан, ку-ку?

— Кто меня должен выебать?

Здоровяк усмехается:

— Кто захочет, тот и выебет.

Он выходит из комнаты. Меня убил Рома, думаю я. Да, какой-то кинорежиссер Рома. Вспоминаю сильного, эмоционального и счастливого человека с деньгами и мощными творческими амбициями. А потом думаю, нет, этот не мог меня убить, он же неудачник, только снаружи преуспел. Жизнь у него деръмо и корыто, ему хочется, скорее, помогать. Или я путаю? Или это он пытался мне помочь? Кажется, я ему не позавидовал бы, психованный ребенок. Был еще кто-то. Стоматолог. Сашок, он был моим другом, наверное, он меня убил? Почему я мертв? Или меня убили в детстве школьники? Был какой-то рыжий парень, Вова Конь. Конопатый обаятельный гад с дефектами речи — он меня подставил и убил. Сигита? Кого я увидел, когда умер. Нет, не она. В кровать опять врезается человек. Он упорно идет и идет в никуда. Я снова начинаю отключаться.

Вдруг вспоминаю имя: Даша, вот как ее звали. Она убила меня, поглотила. Она была ярким, притягательным и страшным светом, в который я стремился попасть, в ней я сгорел и утратил личность. У меня встает хуй, хотя мозг отключается, я распят в этой постели, мне бесконечно плохо, я узник собственного бреда, я горю в жидким огне похоти.

Вместо выходного дня нарисовался Ставрополь. Это первый концерт макулатуры на моей памяти, на котором никто из нас не выпил: ни я, ни Костя. Да еще и ни Эдуард, ни Даша. Мы приехали сразу в место, где должны были петь реп. Это даже был не клуб, а что-то вроде кришнанитского кафе, в котором можно было выпить чая и необходимо было разуваться на входе.

— Да, так себе концерт нас ожидает! — заметил Костя.

Мы все уже очень устали от переездов, но в итоге спели хорошо. Набралось больше пятидесяти человек, хоть город добавился в маршрут спонтанно и у организаторов была всего пара дней на привлечение слушателей. Нам удалось словить странный липкий кураж, выступая в своих уже не белых коротких носках, слегка пахнущих южным переездом. Быстро подписали книги, сфотографировались с желающими и поехали спать на квартиру. У нас с Дашей была отдельная комната, и, когда я вышел из душа и залез к ней в постель, она уже отвернулась к стенке. Я повернул ее к себе, мы поцеловались. Когда я собирался стелить полотенце под нее, она сказала:

— Нет, сегодня не будет.

Я пожал плечами, взял ее руку и засунул себе в трусы. Она дернула головой пару раз и повторила:

— Нет. Я не хочу.

Даша отвернулась и быстро уснула, утомившаяся. Первым порывом было подроить на нее, спящую, кончик на ее замечательную кожу и размазать все по ней. Но что-то меня останавливало. Немного погладил Дашу, красивую, полюбовался подростковым лицом, послушал сопение. Поцеловал ее в лоб, в щеку. Она нахмурилась во сне. Нежность была сильнее желания ебать. Если я сейчас усну, оставив Дашу в покое, — у нас будет шанс, догадался я. Сейчас эта борьба со своим хуем, которая тянется и тянется долгие годы, казалась мне уродливой

карикатурой на человеческую жизнь. Это было проще, чем я думал, просто я не прилагал достаточного количества усилий, мало работал над собой, был рабом тела, не хозяином. Какая я жалкая обезьяна, какой однообразный аттракцион представляет собой мое существование. Я лег и приказал ему: «Лежать!» Наверное, антидепрессант Папы Стиля подействовал. Вскоре я успокоился, вслушался в себя, нашупал какую-то точку равновесия — надежду на нормальные отношения, на уважение к себе и женщине — так эрекция прошла, и я уснул. Во сне обнимал Дашу, уткнувшись лицом в ее волосы. Я взял ее руку и держался за нее. Не помню, спал ли я когда-нибудь с кем-то так же, как с ней. Чувствуя, как ее сны входят в меня, когда она надавливает на мою кисть, как будто сообщая что-то азбукой Морзе: передает тревогу. Кажется, что я чувствую, как ее глаза шевелятся под веками на маленькой голове, как крупные и кривые зубы прикусывают пухлую губу.

То ли временная победа над внутренним животным, то ли таблетки подействовали на меня очень хорошо. Наутро чувствовал прилив вдохновения, какого не было со мной никогда. Мы сели в тачку, и, чтобы не надоедать Даше своими чувствами, я начал сочинять сценарий телесериала. Мы с Костей давно думали о том, чтобы попробовать сделать кино, и вот попытались нащупать тему. Я придумывал канву, задавал вопросы, Костя и Эдуард подкидывали сцены, также Костя отвечал за идеологию.

— Если ты хочешь показать настоящую жизнь писателя, надо определиться, кто наши враги.

— Как кто? Естественно, Захар Прилепин и Сергей Шаргунов! — радостно заорал я.

— Это точно, — ответил Костя. — Самозванцы, самопровозглашенные литераторы. Бездарные чуханы.

Дело в том, что недавно у писателя Захара Прилепина вышел какой-то материал, где он мимоходом обосрал веганов. Меня почему-то это дичайше взбесило, наверное, еще в совокупности с тем, что на моей первой книге стояло его имя — на лицевой части поместили его отзыв, что и послужило одной из причин расстаться с издательством «ЭКСМО». Это понятно, что, если известный писатель пишет на тебя рецензию, надо воспользоваться. Но как можноставить чужое имя и текст на лицевую часть обложки?! Короче, литераторы, эти «ненастоящие», тупые издатели, глухие редакторы — они и были нашими врагами. Хотелось сделать фильм-историю независимого издательства, редактора и писателя. А вообще мне нравилась идея свести счеты с большим писателем, который случайно пнул веганов. У меня как-то даже была идея позвать Прилепина на «Версус-батл», и я начал писать на него дисс, пока не понял, насколько это глупо. Скорее, это напоминало дисс на самого себя, как, в принципе, любое произведение в данном жанре.

— Читала какую-то книгу Прилепина, — сказала Даша.

— Надеюсь, не понравилось? — тут же нашелся я.

Дурачок же все-таки, тявка.

— Уже не помню.

Это стало отправной точкой истории.

Обмусолили мой уход от крупного издательства и попытку наладить нормальную панковскую книжную движуху. Также мы придумали, что в каждой серии у писателя будет новая работа и новая болезнь, причина которой всегда в мнительности и ипохондрии. «Русский лес» — в честь романа Леонида Леонова — будет называться сериал.

— А-ха-ха, любимого писателя Захара, кстати! Так ему и надо! Отнимем у него и это!

Герой будет проходить через все уровни русской жизни. В первом сезоне писатель погружается в ремесло, откazавшись сотрудничать с корпорацией. Его лучший друг очень ценит талант, считает писателя Марселем Прустом наших дней, вместе они решаются выкопать из могилы труп русской литературы. Стартовая же книжная презентация заканчивается обезьянником. Но друг главного героя — Дима Маевский — настоящий панк, плохой журналист и, как оказалось, талантливый издатель — делает из этого информационный повод. Они становятся модными ребятами благодаря скандалу. На этом заканчивается серия.

— Я прицеплю накладной живот и буду играть Маевского! — сказал я. — Только это будет немного другой Маевский, не как наш Кирилл. Чуть более ебанутый.

— Я хочу какого-нибудь нациста гнилого сыграть, — сказал Костя.

— Погоди, а кто будет в главной роли? — спросил Эдуард.

Костя повернулся ко мне, и мы одновременно произнесли:

— Антон Секисов!

Потом я сказал еще раз:

— Антон «Секси» Секисов.

— Да ладно. Такая фамилия у парня? Настоящая? Кто это такой вообще?

— Самый модный из людей сейчас, — ответил Костя.

Остаток тура прошел в некоторой горячке. Когда я не выступал и не продавал книги, то, будучи в пути, сочинял, говорил и говорил о фильме, пока друзья не просили заткнуться. На вписках и съемных хатах я пересматривал ключевые сцены и целые серии разных сериалов: от «Герлз» и «Шеймлесс» до «Сопрано» и «Подпольной империи», накидывал синопсисы к сериям, к сериалу в

целом, расписывал персонажей. Я продолжал худеть, дристать, почти не ел и пил очень много воды. Когда у Даши закончились месячные, мы начали заниматься любовью, но я не позволял себе уходить в это с голой. Один оргазм в сутки, не больше, но эти эякуляции были настолько сильны, будто я накурился травы и чувствительность возросла в десятки раз. Энергия распирала, мне хватало три-четыре часа сна. Вскакивал сразу и был готов бежать и браться за работу, писать, петь, сниматься, редактировать книги, верстать, делать что угодно. Такого патологического счастья я не испытывал никогда. Случались только моменты, когда я вспоминал, что мне придется объясняться и расставаться с Оксаной. Тогда я мог застыть на пятнадцать минут, и слезы хлестали из глаз. Как ни крути, это настояще предательство, нас ждет развод, и ей будет очень больно.

Утром после концерта в Краснодаре я лежал в ванне, и со мной случилось что-то вроде кислотного прихода. Сцены первой серии будущего фильма висели в воздухе надо мной, как будто колода карт. Я мысленно открывал одну карту и тут же видел всех персонажей, видел их движения, слышал их диалоги. Они были живые, и стоило взглянуться в персонажа, как я понимал и знал все о нем. Прошлое, будущее. Ничего не ускользало от моего взора, этот фильм был внутри уже готовый, с миллионом подробностей, мне оставалось только открывать их, записывать, ставить, показывать. Я перетасовывал сцены, составлял из них идеальный каркас, ничего не забывая, аккуратно складывал колоду и доставал следующую — всего у меня было три сезона, в каждом из которых по восемь колод-серий.

— Ребята, я вас всех вижу и слышу, — сказал я ожившим персонажам. — Спасибо, что пришли.

Видимо, со мной случился первый настоящий психоз.

Это происходит каждый раз. Я пишу тридцать процентов книги, а потом жизнь вторгается в процесс. Я падаю яйцами о канат, теряю всякую грацию, и оставшийся путь уже выглядит со стороны не столь уверенно.

Сейчас я живу в Зеленоградске, сегодня двадцать шестое мая двадцатого года. Почти два месяца я не притрагивался к алкоголю, месяц не спал с женщинами. Вторая книга романа немного раскурочила мою жизнь, это был очень тяжелый, увлекательный и губительный эксперимент — писать ее. Теперь нужно было собрать себя — чтобы написать третий том или собрать книгу и себя одновременно. Никакогоекса, никакого общения с посторонними людьми, пока не закончу роман. Такая установка.

Карантинные ограничения понемногу снимают. На пляже нет полиции, некоторые входы в парк открыты. Каждое утро я иду на турники, потом на море. Вспоминаю, слушаю музыку, листаю ленту в инстаграме. Иногда отхожу туда, где нет никого, искупаться тридцать-сорок секунд в ледяной воде Балтийского моря. Впервые в жизни у меня есть жилье, которое я обустроил под себя. Я не хочу никуда съезжать, это почти уникальный случай. Думаю, проведу здесь не один год. Даже письменный стол купил и под него сделал перестановку. Квартира обходится недорого, мы договорились с хозяйкой, что я буду платить пятнадцать тысяч летом и двенадцать в остальное время, плюс коммунальные услуги. Скучаю по друзьям, но буду видеть их наездами. Пишу реп, прозу, немного учусь игре на гитаре. Пару раз в день хожу в магазин «Виктория», у меня даже есть карта постоянного клиента. Опять турники, чтобы не болела спина.

Ощущение счастья полое и зыбкое, и я знаю, что его разрушит любой человек, даже она. Конечно, мне

не хватает Даши, как не хватало бы отрезанной конечности. Она выкладывает сторис со своей собакой или фото блюда, которое готовит в своем кафе «Кабина» — наш с ней ребенок, веганская заведение, имя которому дал Костя. Для меня вся наша история очень похожа на прочитанный много лет назад коротенький рассказ Этгара Керета, в котором герой чуть ли не каждый день наблюдал через витрину аптеки, как его бывшая девушка стоит за кассой и отпускает лекарства клиентам. Помню, тогда я сразу узнал себя в герое. Семейная жизнь осталась в прошлом, я выбрался из той шкуры, это больше не моя баба, не мое кафе, не мой город, это не моя собака, не моя реальность, да и в рот их чехлить. Смотри через стекло, грусти, пиши и пой об этом, живи этим, но не трогай руками.

Вчера мне нужно было съездить в Калининград, чтобы распечатать фотографии-открытки и забрать посылку с обувью в курьерской службе. После чего я накурился с приятелем и остался ночевать у него в Балтрайоне. Одна девчонка из Калика просекла, что я одинок и живу теперь здесь, прислала мне сиськи, и книга чуть не выпала из рук, весь творческий процесс был готов пойти коню под хвост. У накуренного стоял до боли, до треска за ушами, но все обошлось. Удалось густо передернуть, разглядывая ее инстаграм, и уснуть. Какой же я лицемер, в очередной раз убедился в этом. Что бы я ни испытывал к Даше, как бы трепетно ни относился к тому, что пишу о ней, все равно легко клюю на первые попавшиеся сиськи. Но удалось доехать до своей крепости. И вот теперь — наконец удалось добраться до своего новенького письменного стола (хороший стол — это уже как половина книги), запустить машинку времени и вернуться в свой две тысячи пятнадцатый.

Даша доехала со мной до Москвы, и мы на время вписались в квартире Антона «Секси» Секисова.

Попробую рассказать об этом замечательном писателе, что для меня этот опыт работы с ним. Очень ценный опыт работы с автором — с нуля. Считаю, что данный случай продюсирования должен войти в учебники по истории книгоиздания десятых готов, а может быть, и служить для психиатров наглядным примером скачкообразного развития шизофрении у взрослого человека.

Первые рассказы Секси я прочитал за год до «Русского леса» по совету Марата. Нормальные рассказы, ученические, я просто пожал плечами. Потом я познакомился с самим Секси, и он выглядел очень интеллигентным московским мальчиком, маменькиным сынком двадцати пяти лет. Типаж «молодой Ка Хабенский», только слегка картавил, и, кажется, больше дрошил, и упоительнее мечтал о здоровенных сиськах. Впрочем, в одном унылом фильме я видел, как Хабу раздавило пиздою, — но игра не показалась мне убедительной. В случае с Секси я бы такое представил за секунду. Для меня он был интереснее, невротичнее, как если бы этой версии Хабенского довелось жить в реальности Вуди Аллена.

Судьба подкидывала и подкидывала мне Секси, наши пути должны были соединиться. Через Марата Басырова, через Валеру, который нас познакомил, и в конце концов через Костю, с которым Секси работал редактором на «Русской планете». Один раз втроем напились плохой водки и заночевали у него в гостях, на «Водном стадионе», где были шокированы настоящим творческим беспорядком и слоем липкой грязи и выпавшей из тарелок еды, уютным покрывалом накрившой кухонный стол, пол, раковину, микроволновую печь и даже стенки холодильника.

— Перед нами идеальный для творческих задач человек, — сказал я.

— Совершеннейший гений, — подтвердил Костя.

Секси улыбался, польщенный и одновременно смущенный.

— Коллеги, пройдемте в вашу комнату, — сказал Секси. — Однажды здесь ночевали Прилепин и Шаргунов. Великие люди.

В общем, мы сразу влюбились в Секси и решили, что нужно во что бы то ни стало превратить его в культового персонажа, шире — человека эпохи, насколько нам позволяют ресурсы. Все, что у нас было, — подписчики паблика группы макулатура и читатели книг «Ил-music», и для начала Секси досталась роль у нас в клипе, а я принялся за редактуру его дебютного романа «Кровь и почва», прототипом одного из персонажей которого, кстати, стал писатель Захар Прилепин, под начальством которого Секси успел поработать.

Когда я заявился к нему с Дашей и сценарием сериала, Секси лишь рассеяно пожал плечами и пустил нас жить к себе. Он как раз временно сидел без работы, недавно расстался с бабой, и ему хватало воли, только чтобы спать, есть и смотреть в одну точку. Но не чтобы сопротивляться моему больному энтузиазму. Мы с Дащей целыми днями отмывали его квартиру, параллельно я звонил сотне разных людей, искал локации для съемок, организовывал пробы, нанимал людей и привлекал знакомых. Денег у меня почти не было, но была энергия, которая заставляла соскакивать с постели на рассвете после четырех часов сна и носиться, как сумасшедшему, вдохновляя остальных своим идиотским панк-сериалом.

За три дня квартира Секси была отмыта, был создан паблик вк, в котором привлекались донаты и актеры, придуман дизайн (Оксана сделала логотипы и общее

оформление), довинчен сценарий первой серии, сверстены книги: дебютный роман Секси и моя книга «Птичья гавань», которая должна была стать одновременно и реквизитом — первой книгой, которую издадут наши персонажи. Еще какие-то мелочи: нашелся офис, куда меня пустили работать, я забил два концерта в поддержку проекта «Русский лес» — в Москве и СПб. Также мы репетировали по паре часов в день, ходили с Секси на турники и пили огромное количество портвейна.

— Мне кажется, это круто, что ты совершенно не похож на меня, — говорил я. — Не понимаю, почему мне досталась такая внешность. Обезьяна, альфач с бенаффлевским подбородком. Я должен был выглядеть как ты: ухоженный парень с темными волосами, интеллигент с дефектом речи, постоянно думающий о болезнях, бабах и микробах. Ты отлично справишься.

— Это странно, у меня и в мечтах не было сниматься в кино. Но пусть так.

— В любом случае это на пользу твоей книге.

— Скорее бы уже ее увидеть. Великая книга!

Даша днями гуляла, встречалась со знакомыми. Я старался сильно не осаждать ее, перед сном мы занимались любовью и обменивались информацией друг о друге. Рассказывал и расспрашивал о детстве. Ее отец разбился на машине, когда ей был год. Как я понял, его фигуру заместил дед — профессионал в работе и вздорный алкаш-шизофреник в быту. Я идеально подходил ей, мне казалось, что мы с Дашей были зеркальным отражением друг друга. Дочка мамы, пугливая крошка, и гопник-поэт со здоровенной башкой, не получивший материнской любви. Мне очень нравилось, что она мало говорила, что ценила чистоту и порядок, но при этом не тратила кучу времени на уход за собой, почти не использовала косметику, не строила из себя чикулю. На то, что

она невежественна даже по моим меркам и очень склонна к лени и праздности, я закрывал глаза. Главное — это как она пахла, как смотрела, как приятно было ее обнимать и что все обрело если не смысл, то объем и звучащую реальность.

Но как бы то ни было, Даше нужно было ехать в Волгоград, чтобы сообщить родне о переезде в Москву, а мне — в Петербург, чтобы расстаться с Оксаной, которая пока была только в курсе того, что я запускаю какой-то безумный проект. Я прикидывал, сколько денег нужно ей дать, как она отреагирует, и решил, что удобнее будет иметь под рукой Секси. Мало ли, она вполне могла пробить мне голову сковородкой или отрезать хер.

К счастью, нам нужно было снимать тизер на одной питерской квартире, и Секси был при мне, когда я вернулся в так называемое «домой».

Пока Секси принимал душ, мы начали разговор на кухне. Потом продолжили на улице. Мы сняли обручальные кольца, и Оксана выкинула свое в мусорный бак. Она материлась, сидя на лавочке, а я рылся в мусоре.

— Зачем ты там копаешься?

— Как зачем? Это память. Ты мой близкий человек, мой друг и жена. Я не хочу, чтобы мыссорились.

— Я так и знала, что ты из тута этого приедешь с новостями.

— Его ведь в ломбард можно сдать. Просто я обдумал свою жизнь. Мне хочется другого.

Нашел кольцо на дне урны. Помыл его водичкой «Святой источник» из маленькой пластиковой бутылки и протянул Оксане. Кажется, этот этюд немного смягчил ее боль и злость. Я сказал:

— Ты нужна мне как друг, как художник, как костюмер. Просто уже все, мы приехали. Не получается.

— Ебаться будем на прощание?

— Э, — ответил я, испугавшись.

Мы обнялись, прошли немного, как две развалюхи.

— Нет, уже не стоит, — ответила она сама себе. — У меня было два мужика.

— Пожалуйста, не рассказывай, — брезгливо ответил я.

Меня затошило. Но я не тревожился — Секси дал мне тройную дозу каких-то таблеток, чтобы я не сплоховал перед расставанием, чтобы смог провести эти переговоры. Единственный минус — у них был такой побочный эффект: тошнота, рвота, боль в желудке, головокружение. Оксана смотрела на воду, мочила ноги в маленьком озере через дорогу от входа в метро, а я просто ждал, чтобы пойти домой и начать готовиться к завтрашней смене.

Был хороший июньский день. Неужели на этот раз легче? Мы расстанемся, и никто не умрет от горя. Завтра я проснусь, готовый к жизни в качестве режиссера-постановщика.

Я произнес название этой профессии в уме, и к горлу подкатило. Оксана как раз повернулась и заглянула мне в глаза в этот момент.

— Жука, — сказала она. — Ты такой говнюк, такой пиздабол! Главное, что эта гниль, она не на поверхности. Ее никак не заметишь.

— Да, я знаю. Даже мне сложно ее разглядеть.

— Ты будешь сегодня спать со мной?

— В смысле? На одной ли постели?

— Попробуй только обнять меня. Давай положим Антона между?

Я согласно кивнул, отошел за раздевалку, и там меня вырвало.

— Ну началось, — сказала Оксана. — Я хочу выпить. Купи мне выпить, муж.

— Мне тоже надо, — ответил я. — Думаю, что молодой Хабенский тоже не откажется.

Меня еще немного стошнило. Оксана спросила:

— Да что с тобой такое? Че ты блюешь-то?

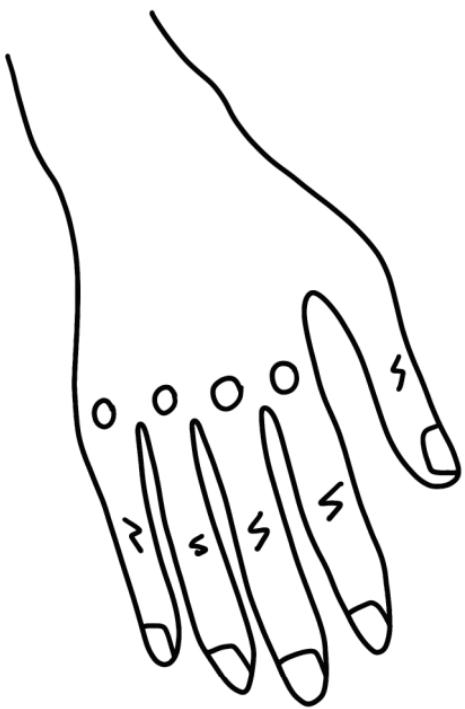
— Объелся груш.

— А? Не слышу.

— Просто не создан для семейной жизни. Тошнит меня от нее.

— Очень смешная шутка, — ответила Оксана.

Хотя я не заметил ни тени улыбки на ее лице.

Костя приходит каждый день или через день. Я немногого путаюсь, могу вспомнить вчера, и то не каждый раз. Время обрывается, память полупрозрачна, жизнь — медленный сон. Кажется, таблетки они дают мне наугад, без какой-то системы. По моей просьбе Костя принес общую тетрадь и пару ручек, ЖЭЛ Варлама Шаламова, также приносит много воды. Иногда еще фалафель, какой-нибудь салат, вегансскую сладость. Я ем прямо там, в комнате для посещений, которая напоминает зал ожидания провинциального вокзала. Из больничной еды я с утра ем кашу, в обед только суп и гарнир. Хлеб и котлету или курицу отдаю тому, кто сидит рядом в столовой. Желающие есть всегда, все хотят много жратвы — это побочка от нейролептиков.

Заходили и Михаил Енотов с женой; на выходных заходил Секси, но я очень смутно запомнил его визит. Врач работает пять на два, и они дают лишнюю горсть препаратов по субботам и воскресеньям. Так что ты сам не свой, когда врач отдыхает. Ты просто вата. Оксана приезжала из Петербурга, подарила мне носки и пошутила (пошутила ли?), что она всегда знала, что я рано или поздно окажусь в подобном месте. Но она верит, что все образуется. На днях из Волгограда приедет Даша. Она единственная, о ком помню всегда, все остальные люди выплывают из небытия, пока они перед глазами — я понемногу вспоминаю их роль в своей жизни. Но когда они уходят, я о них вообще не думаю и не помню. Я надеюсь, что, если Даша нормально поговорит с лечащим врачом, меня выпишут. Я хочу, чтобы она забрала меня. Надеюсь, она сейчас понимает, что никто кроме нее мне не в силах помочь, надеюсь, она захочет это сделать.

Когда я пью много минералки, препараты не так дают по голове. Меня переводят раз в какое-то время. Я продвигаюсь от общей палаты к первой, к выходу. Я медленно вспоминаю детство. Со многими пациентами знакомлюсь

по несколько раз — не всегда понимаю даже, кто лежит со мной в палате. Путаница в голове, чего уж там. Зато я от руки написал два рассказа. Небольшие, но про маму и отца, какими они были в моем возрасте. Мне, кажется, тридцать лет сейчас. Нет, тридцать лет мне было в пятнадцатом, а сейчас же шестнадцатый. Черт, тяжело как думается. Что я хотел рассказать. Я продвигаюсь к первой палате и сейчас уже в четвертой, если не путаю. Из первой либо вытишут, либо эвакуируют по месту жительства. Тогда я окажусь в Кемерове. Я представляю карту и как далеко буду от Даши. Даши Фиш, Даши Алексина. Стараюсь не прогнозировать, сколько продлится мое заключение. Надеюсь на Дашу, она скажет, что я просто не выспался, что у нас были проблемы в отношениях, но сейчас мы справимся, потому что мы семья. Как хочется увидеть ее. Семья, как хочется иметь семью.

До отбоя еще полчаса, но свет уже гасят. В коридоре нормальная лампочка, и я сажусь под ней с книгой. Под зад подкладываю резиновые тапки, на мне полосатые теплые носки — спасибо Оксане.

— Осталось двадцать минут, — говорит санитарка, проходя мимо.

— Хорошо.

Чтение требует больших усилий. В голове ничего не откладывается, но оно успокаивает. Целый день я ходил по коридору, лишь бы унять тревогу, и теперь наконец могу посидеть, растратив лишнюю энергию. Но мне не дают. Подходит этот здоровяк, жуткий санитар, напоминающий злого Дуэйна «Скалу» Джонсона. Точно как в фильме «Дум», только с бледно-розовым лицом. Злой персонаж из «Дума», только чуть-чуть альбатрос. Ой, альбинос. Так правильно ли? Был же такой фильм или это была игра?

— Иди в палату, — говорит здоровяк.

— У меня еще двадцать минут, Дуэйн.

— Я сказал — иди в палату.

Он выдергивает мою книгу, закидывает ее в палату на мою кровать. Ладно, в палате тоже всегда горит свет, хоть он и тусклый, но можно встать под круглым настенным плафоном и разбирать слова, водя пальцем по странице. Заодно разомну спину.

— Глаза испортишь, — говорит пациент, которого я прозвал Фассбендером за сходство с актером. Один из самых нормальных людей, которых я могу вообразить. Он выйдет быстрее всех — попал сюда из-за пьянки. Вдумчивый мужик, сегодня взял у меня ЖЗЛ Шаламова и выписал из нее все стихотворения. Пару уже даже выучил. Представляю Фассбендура в роли Шаламова. Интересно, что я легко вспоминаю актеров, писателей, фрагменты из книг, фильмов, но сложнее выудить из памяти какие-то события своей жизни.

— За раз не сломаются, — негромко отвечаю.

Остальные спят.

Мне хорошо, я стою в палате, прочитывая об аресте Шаламова в двадцать девятом году. Ровно выгнул спину по стенке, незаметно напрягаю мышцу. Голова моя работает плохо, но тело в порядке. От нормированного питания, четкого распорядка и бесконечного хождения по коридору чувствую себя сильным. Здоровяк залетает в палату и вырывает у меня книгу из рук:

— Спать! Отбой! — орет он.

Здоровяк искренне меня ненавидит.

— Ты чего, дядя, это моя книга! — отвечаю, стоя напротив него.

Вдруг он резко бьет мне в солнечное сплетение, так что я отлетаю в середину палаты. Очень больно, но обиды нет. Скорее, мне даже смешно, кажется, я видел подобную сцену в фильме. Книга у него в руке. Я тянусь к здоровяку, со смехом и хрюком (мне тяжело говорить) произношу:

— Пожалуйста, Дуэйн! Дай мне книгу-у-у-у-у.

— Блять, идиот, — говорит здоровяк, швыряет Шаламовым прямо в меня и выходит.

Валяюсь с книгой, пока еще не готов встать.

Проснулся один из пациентов. Сел на кровати. Не понимает.

Фассбендер говорит:

— Хорошо ты его сработал.

Еще один сумасшедший стонет во сне.

— Тихо-тихо, малыши, — говорю я, ползая по полу на четвереньках.

Настроение поднялось, хоть и грудина болит, как от удара копытом. Но удивительным образом заварушка помогает собраться с мыслями. Надо больше двигаться, больше жизни и больше адреналина.

Через какое-то время выхожу в коридор. Здоровяк на дозоре у наблюдательной палаты перекрывает путь в туалет. Аккуратно прохожу мимо. Сесть мне не хочется, я специально просто стою здесь, чтобы он услышал лишь тишину. Ни звука струи, ни звука слива. Стою у раковины, злю его, а мозг кайфует, будто раздевается от действия препаратов.

— Ну и че ты пришел? — спрашивает здоровяк.

— Спокойной ночи тебе пожелать.

Не спеша умываюсь. Иду по коридору обратно в палату.

— И ты спи хорошо, — напутствует здоровяк. Чувствую, как он зло смотрит на меня. Его взгляд пронзает мне спину. Я поднимаю одну руку, целую бицепс — вторую. По обезьянски размахиваю руками. Заходя в палату, слышу от своего врага:

— Да тебе же пиздец, идиот.

Но он меня больше не будет трогать.

Ночью я обиделся на Дашу и прямо в тапках выскочил на улицу. Я понял, что очень устал от этого сериала, от стремительных двух месяцев. Еще я уже неделю снимался в фильме «Арбузные корки», где играл не очень сложную, но большую роль. Мне понравился сценарий, и я взвалил на себя эту бесплатную работу непонятно для чего. Один проект перетекал в другой, и я уже путал, где я просто снимаюсь, а где совмещаю актерские и режиссерские функции. От всех этих дел иногда хотелось убежать из окна. Чтобы заглушить миллионы мыслей, взял в ночнике несколько бутылок сидра и сидел с ними на детской площадке. Пытался погладить бездомного кота, но он не давался. Отходил на расстояние,лизал свои яйца, терся о лавочку, выгибал хвост, смотрел на меня, все время был рядом, но не шел в руки.

— Проваливай, либо давай дружить, — сказал я.

Все тут было пластмассовым, маленьkim, как в сказке, а вокруг зеленел газон, отличная летняя ночь за несколько дней до моего тридцатилетия. Мы жили на «Серпуховской», удалось найти отличную квартиру через знакомых. Я не отыхал очень давно: сначала была презентация книги Секси и какой-то стремительный движ с сериалом, мы раздавали интервью, выступали с концертами, целыми днями снимали, монтировали, еще был биф с реакцией Захара Прилепина на книгу «Кровь и почва», после чего все побежали в магазин «Фаланстер» покупать ее. Неожиданная сезонная мода на писателя А. Секисова плюс интерес к «Русскому лесу», я как будто летал, и все у меня получалось. Успевал и играть роль редактора, друга и напарника писателя, который скоро должен будет его предать и трахнуть его девчонку. Мелкий аферист и плохой журналист — я в кино. Жулик и плохой режиссер — вот кто на самом деле, в жизни. Теперь, на этапе монтажа и с началом переозвучки первых сцен,

надвигающееся похмелье и разочарование в собственном таланте. Хоть бы эта ночь не кончалась, думал я, разглядывая красивейшего кота и приговаривая:

— Брат. Кот-брать, иди ко мне. Я очень одинок. Мой гений не понят. Даже я не знаю, как им пользоваться, как дать ему прорости.

— Ты калька с Буковски.

— Ты о чём? О приеме, который я скопировал в начале книги, брат? Приемы не имеют фамилий. Суть у нас разная. Буковски святой, а я — одержимый.

— Зачем мне читать твои книги и смотреть твой сериал? Ты же не пишешь про котов?

— Обещаю, что напишу.

— Кирилл Рябов написал про котов хороший рассказ.

— А я его опубликовал!

Кот подошел, дался на секунду, я дотронулся до него, но он зашипел:

— Да ты же пес!

После этого — провал в памяти. Очень странно, редко со мной случается даже от большого количества алкоголя, но тут как будто вырезали лишние кадры, наверное, я слишком устал. Я уже лежал в постели, было утро. Даша готовила завтрак, я вышел, и мы молча поели овсянки. Потом она пошла на работу.

— Я люблю тебя, — сказал я в дверях. — Прости меня.

Недавно Даша устроилась администратором в парикмахерскую «Берди». Через несколько минут я вышел вслед за ней, пытаясь вспомнить, из-за чего мы вчера поругались. Ну да, из-за моего хуя. Опять началась тревога, почему она не хочет сосать половой хуй, почему почему? Я все время переживал из-за этого, на фоне постоянного стресса эта тема стала манией и уже заслоняла от меня творческие процессы. То есть сначала я думал, что Даше просто нужно время привыкнуть ко мне,

но потом решил, что я какой-то грязный. Она не давала мне внятных объяснений.

— Когда захочу — сделаю, — говорила она и пожимала плечами. — Пока не хочу.

Мне все время мерещилось, что я дурно пахну. Перепроверял, перемазывал подмышки, брил их каждый день, менял носки, обрызгивал стопы дезодорантом, надеясь, что ее презрительность ко мне пройдет. Ничего не помогало. Нужно было смириться, или выспаться, или отпустить Дашу. Она меня совсем не любила, так казалось моим друзьям. Да и меня тоже постоянно преследовала эта мысль.

— Разве у нее есть свойства? — спрашивал Костя. — Ты ее взял, как подушечку, в туре, непонятно на что надеясь. Ей просто нужна вечеринка и красивые штуки.

На Даниловском рынке меня подобрала напарница, актриса Настя Пронина, и мы поехали на съемочную площадку. Я прогнал в машине свой монолог. Сегодня под вечер нужно было снять самую насыщенную мою сцену в актерском плане, и все одним кадром. Достаю сигарету из кармана, иду от берега Москвы-реки к пролеску, где сажусь на корточки у дерева, прикуриваю от сигареты у пьяного бомжа и начинаю монолог. В этом унылом тексте мой герой — Матвей — рассказывает о смерти отца, произошедшей накануне. С отцом у Матвея (меня) в детстве состоялся мутный околосексуальный опыт. Матвей не смог простить отца, но нужно ехать на похороны, и он переживает, не может себя заставить добраться до кладбища. Матвей рассказывает подробности кровавого ограбления в туалете на вокзале, а заодно критикует современный русский мир.

Я вдруг понял, что снимаюсь в очередной ерунде у очередного бестолкового режиссера. Возможно, этот фильм еще хуже того, что ставлю я сам. У моего хотя бы

была внятная идея, основа. А этот фильм — просто головой прием. В нем было что-то от плохой беллетристики и журналистское тупое морализаторство.

— Настя, ты думаешь, мы снимаемся в хорошем кино? — спросил я у актрисы.

— Мне интересно здесь сниматься. Что из этого выйдет, я не загадываю.

— Не жалеешь, что вписалась? Могла бы сейчас деньги зарабатывать.

— Да заработаю, — она мотнула головой, сказала, что живет этим, актерской игрой. Что в любом случае рада, что познакомилась со мной и вторым напарником, с которым у нее сегодня сложная сцена — сексуального характера. Деньги она зарабатывала своей кондитерской, а роли в кино и тем более в театре приносили не так много.

— А сколько тебе лет? — удивился я.

— Двадцать три, — сказала она.

— Ничего себе. Думал, ты моя ровесница, такая рассудительная. Тачку водишь.

Она на меня посмотрела как на дурачка, и мы приехали.

— А тебе сколько?

— Тридцаха.

Настя криво улыбнулась, оценивая меня как мужчину.

Моим напарником сегодня был Орлович — стаинный кореш, которого на эту роль режиссеру посоветовал я. Пока они снимали сексуальную сцену в кабинке для переодеваний, мы с Орли репетировали свой эпизод. Но Орлович был сильнейшего похмелья и прихлебывал коньяк.

— А почему ты в ебле не снимаешься, Алексин? — спросил он. — Это ведь твой профиль. Пойдем и скажем режиссеру, чтобы заменили, пока не поздно.

— Не борщи, — сказал я.

— Я вживаюсь!

Все, что ему нужно было, — дать мне прикурить, с растерянным лицом выслушать мой монолог и в конце сказать:

— Могу отсосать за полтинник.

За это он должен был заработать полторы тысячи рублей, такую ставку я для него выбил. Но Орлович даже с этим плохо справлялся.

Потом я уже должен был отойти к машине, достать пистолет и навести на него дуло. Тяжелый план, очень сложный для оператора, да и текст достаточно муторный. Меня всегда хвалили режиссеры за то, что я могу прожить чуть ли не любой бессмысленный текст, но тут мне не хватало опыта личной боли.

— Орлович, дай-ка я тебе помогу с бухлом.

Когда мы допили, Орлович достал вторую. Я понял, что так просто дело не закончится. К моменту, когда нашу сцену начали выставлять по движениям, Орли был пьян в очко. А до кучи позвонила Испанская Дрочилка. В удивлении и легком испуге я ответил. Она была рядом, шла по берегу, искала меня.

— Как? Как ты здесь оказалась?

— Ты же ночью скинул мне локацию, — ответила она. — Я иду к тебе.

Мы сделали два технических дубля. Испанская Дрочилка нашла нас, ждала меня у буфета. Когда я подошел, она сразу обняла и нежно поцеловала меня в шею и ухо.

— Ксюш, подожди, не пали меня, ладно?

Орлович сидел в кустах, заряженный на сцену. Слышалось его пьяное пение.

— Рада тебя видеть.

— Подожди, — сказал я в недоумении. — Я скоро освобожусь.

Мы снимали часа два или даже дольше. Сперва много репетировали по камере, чтобы оператор поймал все нужные точки и разобрался, как ему проходить свой маршрут. За это время я отчеканил реплики, придумал, как я проживу каждую фразу, что буду себе представлять для убедительности. Понятно, что гомосексуальных историй со своим отцом у меня не было и даже представлять себе такое не хотелось, поэтому я говорил как бы от лица своего друга Михаила Енотова, отец которого был молодящимся метросексуалом. Я представил, что его отец спьяну попутал берега, и я пытаюсь просто рассказать отстраненно увиденную историю — как дядя тискает пипишу своего семилетнего сына. Это тоже было странновато, но хотя бы не так, как представлять собственного — усатого свежего деда-крепыша. Его образ уж я бы никак не впихнул в персонаж озабоченного детскими хуями мужчины. Короче, так мне было легче, маленькая подмена.

Когда все были готовы работать, Орлович стал засыпать.

Он слушал часть монолога, а потом тяжелая голова падала на ствол дерева и Орлович хралел.

— Стоп! — орал режиссер.

Я тряс Орловича, говорил:

— Не позорь меня! Потерпи, Димочка! Орлович, пупсик!

Продюсерша обливала его голову водой, а гримерша тут же вытирала полотенцем. Начинали заново.

Потом я сидел с Испанской Дрошилкой, глядя на течение. Мы пили уже нагревшееся пиво, которое она принесла с собой, и разговаривали. Все вроде было невинно. Но я переживал: как, неужели я сам ее позвал? Орлович валялся рядом, бормоча и посапывая. Я думал посидеть часок, чтобы он чуть проспался, потом

проводить его до метро или усадить в такси и самому поехать домой.

Испанской Дрочилка недавно вышла из психушки и делилась свежим опытом. Я смотрел на нее — опухшую и потолстевшую от смеси нейролептиков и бухла, но все еще заманчивую, как отмытая свинья, если вы любите свинину.

— Я хочу ссать, — сказал проснувшийся Орлович.

— Так пиздуй! — ответил я.

— Чего так грубо.

Я похлопал его по ноге:

— Пописай, малыш, вон в тех кустах! Будь осторожен, на себя не напруди.

Через какое-то время мы пошли его искать. Сумка Орловича, мобильник и обувь остались на берегу, а сам он исчез.

Мы с Испанской Дрочилкой ходили между деревьями, снизу чуть слышно гудела Москва-река, а сверху по дороге ездили автомобили. Лето густело и прилипало к телу. Кусали комары. На пустой тропинке Испанская Дрочилка развернулась, поцеловала меня. Загадочно заулыбалась и спросила:

— Хочешь?

— А ты что хочешь?

Она встала на колени и потянулась к моей ширинке. Я ничего не мог поделать, стоял как парализованный. Как бы мне ни хотелось, чтобы это была моя девушка, отсасывала мне не она. Потом Испанская Дрочилка оперлась о дерево, выгнула спину, и я принялся трахать ее сзади. Она дрожала, похрюкивала, дерево шаталось, и сильно пахло похостью. Испанская Дрочилка схватила мою руку и треснула себя по заднице:

— Нравится быть во мне?

— Да, очень, — неуверенно ответил я.

Она грязно-розово задышала:

— Сильнее. До дна. Так.

Я немного растерялся, но решил подыграть ей и сказал:

— Давай. Веганам тоже иногда хочется мяса! — почему-то эта глупость распалила меня самого.

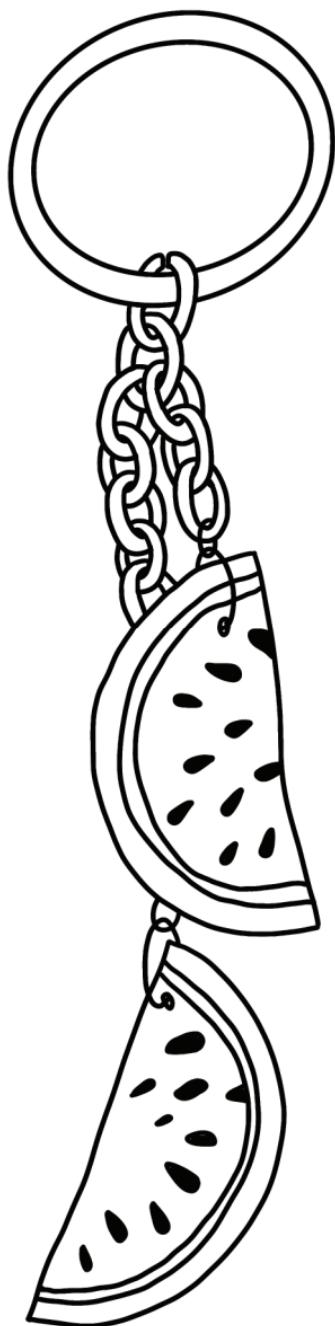
— Души, — приказала, вжавшись задницей мне в бедра. — Души меня, не слышишь, что ли?

Ее тело вибрировало волнами. Я застонал, хотя пытался сдержаться и не позволять себе подобных звуков. Разбух в ней, сейчас рванет. Испанская Дрошилка почувствовала момент. Ловко и быстро вернулась на колени, ртом ухватилась за член, сомкнула на нем свои опухшие от страсти губы. Навстречу мне по тропинке бежал человек в спортивном костюме. Под ногами у меня лежали сумка и обувь Орловича. Еле сдержал крик кайфа. Джинсы мои были спущены до лодыжек. Мы смотрели с бегуном друг на друга, как обитатели разных вселенных. Он резко остановился, как будто от моего оргазма, постоял две секунды, развернулся и побежал в обратную сторону примерно в том же ритме. Испанская Дрошилка сдавила мои яйца, как бы выжимая их, втягивая всю мою жизненную силу. Еще целую минуту держала меня во рту, пока совсем не обмяк. Тогда Испанская Дрошилка встала, бегло поправилась и сказала:

— Ты должен мне как минимум один оргазм.

Она вызвала себе такси, а я побрезгал в таком виде возвращаться домой. Я разделся до трусов и зашел окунуться в Москву-реку. Вода как будто слегка пахла нефтью и старой мусоркой, но это все же было лучше, чем тот запах, который я собирался смыть с себя.

Орлович нашелся спустя два дня.

Объявился режиссер Рома и сказал, что нужно переозвучить одну сцену со мной. На этот раз пришлось ехать на какую-то модную студию звукозаписи, она находилась недалеко от «Речного вокзала», не самое удобное и близкое место, но внутри все выглядело очень дорого. Я увидел живого чиновника и бизнесмена, владельца бургерной «Блэкстар» и исполнителя рэпа по имени Тимати в коридоре, а также группировку из его близких подданных. Рома ждал меня на диванчике в комнате отдыха, где был чай, печенье и даже небольшой бар.

— Ты че так рано? — сказал Рома. — Хочешь выпить?

— Как ты догадался. Очень хочу. Я видел Тимати.

Рома махнул рукой и показал язык. У меня всегда с собой был ноутбук в те дни, так как я только закончил монтировать «Русский лес» и старался получить как можно больше критики. Буквально пару дней назад мы снимали надтитровую — последнюю — сцену, в которой Секси неловко кувыркается с плотной малышкой восемнадцати лет на диване у меня дома.

— Давай скорее посмотрим мое кино, — сказал я.

Рома налил нам, и мы сели на диванчик, как парочка. Уставились в мой макинтош. Боковым зрением я внимательно следил за каждой реакцией Ромы. Старался не пропускать моментов, где он потеряет интерес. Звук пока был черновой, но в принципе все было понятно. Где-то на седьмой минуте он неуверенно засмеялся:

— Поздравляю, — сказал Рома. — Единственная хорошая сцена.

Я наблюдал за своей игрой, за игрой Секси. Секси, конечно, странно смотрелся. Когда он пытался сказать что-то эмоциональное, его лицо кривила легкая ухмылка. Он был слишком мягок, но в то же время и красив. Почему-то он так хорошо попал в меня (в персонаж Е. Алехин) в тизере, но здесь, в серии, все было мимо. Я не нашел слов

для него, не смог объяснить ему задачу, провалился как режиссер.

— Черт, — сказал Рома. — Я когда-нибудь тебя сниму в роли гея с этой бородкой.

— Надеюсь, что снимешь. Но я уже что-то в эту сторону играю сейчас в одном фильме.

— Че за режиссер?

— Ты не знаешь. Он с курсов, дебютант. Борис Гуц.

— Не знаю, да.

Сам я смотрелся неплохо. В принципе, с ролью приурковатого издателя я справился. Много знакомых хороших и не очень актеров, любителей и профессионалов появилось в моем фильме. Конечно, и Орлович был. Даже музыкант Феликс Бондарев в эпизоде. Даже великий писатель Роман Сенчин в роли самого себя. Но ничто не спасало фильм, так, например, и психodelическая сцена с монологом Родиона Толочкина — поэта и музыканта — тонула и была невнятной, хотя имела огромный потенциал.

На семнадцатой минуте Рома потянулся к ноутбуку, чтобы закрыть крышку гроба с телом меня-кинережиссера. Гроб спустили в яму, я увидел надпись «Кинематографист Е. Алехин 2006–2015» на могильной плите.

— Поздравляю, — сказал Рома. — Ты снял первый хуевый фильм. Если снимешь еще штук пять, станешь профессионалом.

— Спасибо, Роман Леонидович, — ответил я. — Бряд ли возьмусь.

Пришла Ирина Старшенбаум, чуть позже звукарь. Я быстро сделал то, что надо, отметил для себя, что теперь фильм и звучит, и выглядит, покрашенный и почти сведенный, очень хорошо. Посидел в чил-ауте, поднакидался халявной выпивкой. Потом Рома предложил ехать

с ними на такси. Я сидел спереди, а они ругались на заднем сиденье.

— Ты дура, Иришка.

— Перестань, Рома, че ты меня унижаешь? Ты — пуп. Пуп земли.

— Да пиздец ты, не актриса. Я тебя подобрал, а ты — просто овца.

— Да, я тупая, а ты умный.

— Все верно. Алло?

Он говорил по телефону, кричал что-то продюсерам, потом продолжалссору. Я вспомнил миф про Скорсезе, что он как-то ругался с Лайзой Миннелли, тогда своей девушкой, по телефону в гостиничном номере. Разбил телефон, спустился на улицу, позвонил ей по телефону-автомату и продолжил орать, а потом разъебал и телефон-автомат.

Зачем я в это ввязался, почему этот навязчивый бред не дает мне покоя? Зачем я пытаюсь снимать кино? Ведь я не режиссер, кино — это даже не искусство, это деньги, и власть, и умение руководить людьми, как стадом. Как столько человек вместе могут заниматься творчеством? Творчество — дело одинокое, это медитация, когда ты зарываешься глубоко и случайно откапываешь клад. У меня есть стихи, проза, я могу представить сцену, а потом увидеть ее во сне, как делал Газданов. Я бы мог всю силу направить в роман, написать его хорошо и быстро, но я растратил на какую-то дичь.

Мы застряли в пробке. Не в силах больше слушать, как Рома и Ирина ругаются, я решил ехать на метро. Там я почувствовал что-то, удар в сердце, пока стоял на эскалаторе. Я побежал вниз, неуклюже задев кого-то.

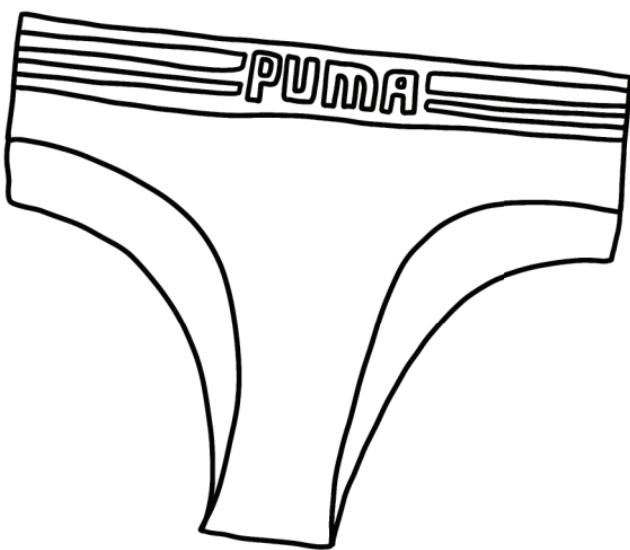
— Извините, пожалуйста!

— Под ноги смотри, молодой человек!

Я знал, что Даши не будет дома, знал, что она

собирается уйти, чувствовал это на протяжении недели. В квартире было тихо, дверь балкона приоткрыта. Дашихиных вещей не было. Я зашел на кухню, выпил стакан воды, потом вернулся в комнату. Лег на широкий матрас, на котором мы спали. Засунул руку под него, достал Дашины трусы «Пума». Положил их себе на лицо. Я просто спрятал их, когда почувствовал, что она может уйти. Для меня не было ничего сексуальнее этих розовых хлопчатобумажных трусиков с серой камкой-резинкой и черной надписью «Пума». В начале знакомства, когда еще путешествовали в туре, кажется, в Курске, мы пошли вместе в «Спортмастер» и там купили трусы и носки. После этого был очень страстный и тихий секс под храпение Эдуарда на всписке. Помню, как Даша стояла на балконе, курила в футболке и этих трусах, а я гладил ее зад через них. Несколько часов я лежал, тычась в трусы лицом, плакал в них, кутался в одеяло, ждал, когда боль стихнет.

Ушла, она ушла.

Вместо такси — карета скорой помощи. Уже поздний вечер, стемнело. Температура близка к нулю, скоро зима. Со мной два конвоира, крепкие парни на несколько лет младше меня. Даже не понимаю, что это за аэропорт. Выгружаемся на какой-то специальной стоянке, никогда тут не был. Холодно, на мне легкая курточка. Мои зимние вещи остались в Волгограде у Даши. Проходим в зал, потом через отделение полиции, минутя общую очередь, — в зону посадки. Скорее всего, Домодедово, вроде оттуда летает ночной самолет до Кемерова. Я что-то не могу вспомнить точно. Может быть, Шереметьево. Врачи сильно испортили мне память, какие только миксы из таблеток я не принимал. Принимал. Настроение. Настроение ровное, спокойное, я как пес — просто наблюдаю, дышу, принюхиваюсь. Возможно, условия будут жесткими. Я смотрю на пухлые губы одного из конвоиров.

— Мой друг настолько потерял голову из-за девчонки, что сосался с парнем на пикнике журнала «Афиша», представляете?

Первый не отвечает. Тогда я поворачиваюсь ко второму:

— Вы не читали раннего Лимонова?

— Че ты побеседовать решил?

Сели под табло, скоро загрузимся в самолет.

— Скучаешь по дому? — спрашивает первый.

— Да я бы лучше в Москве выписался.

— Может, и лучше. Но нам тоже работа нужна, — больше первый говорить не будет.

Зато второй вдруг решает ответить:

— Читал книгу «Палач».

— А, ну это скорее проходная книга, на мой вкус. А в первом романе он описывает отчаяние от утраченной любви. Герой начинает сосать хуй негру, чтобы заглушить боль.

Мне интересно, придумал это Лимонов или на самом деле отсосал? Мне нравится такой миф: что он жил в психозе и даже сам не знает, было ли это в его голове. Но, конечно, было, все, что было в психозе, это реальность.

— А как он потом в тюрьме сидел? Он же сидел? После такой книги? — второй конвоир оживился.

— Ну он же уже в почтенном возрасте был... Наверное, если бы в юности сел, то пришлось бы отвечать за написанное.

В толпе пассажиров продвигаемся в автобус. Нас пропускают вне очереди. Первый идет по трапу передо мной, у него мои документы, второй — за мной. Проходим вглубь по салону, и я оказываюсь на сиденье между ними.

— Как думаете? Что страшнее: психушка или тюрьма?

— Смотри какая дурка, — говорит второй.

— Смотри какая тюрьма, — соглашаюсь я.

Самолет взлетает, я начинаю усиленно зевать, чтобы не закладывало уши. Здорово, повидаюсь с отцом. Но хотелось бы быть с женой. Не замечаю, как засыпаю. Меня будят, когда разносят еду:

— Вам рыбу или курицу, молодой человек?

Я выбираю курицу, так как конвоиры взяли ее. Спрашиваю:

— Хотите, мужчины? Готов поделиться курицей. Я просто стараюсь не есть мясное. Вообще, я веган.

— Да ешь, — отвечает первый. — Выйдешь, вернешься к диете.

Чтобы не испортить ему настроение, я ем курицу. Ладно, курица не свинья, математике ее не научишь, думаю я. Вот так становятся фашистами. Но первый конвоир не поскупился на реплику, я не могу его ослушаться.

— Вот так и становятся фашистами, — произношу вслух. — За компанию, из покорности.

Мужчины едят, они не отвечают мне.

Раннее утро. Мне выдают пижаму. Отделение облезлое, старое. Затхлый запах, сразу понятно, что мы в провинции. Сонная санитарка оформляет бумаги. Санитар — престарелый здоровячок — наблюдает за мной на всякий случай. За окном еще черным-черно. Конвоиры расписываются, пожимают мне руку.

— Удачи, — говорит второй.

— А у вас будет отсыпной? Когда вы в Москву?

— Завтра утром. Пока!

— Пока!

Эта палата очень большая. Здесь временно проживает примерно пятьдесят человек. У них как раз подъем. Кто-то уже оделся, топчеться у кровати, кто-то еще лежит, кто-то стонет, кто-то бормочет. Казарма су-масшедших (и не только) мужчин, здесь же лежат подростки. Меня подводят к свободной койке. С собой у меня тетрадка, ручка, зубная щетка, паста, дезодорант, книга «Дом на краю света». Ванные принадлежности забирают, остальное вроде можно держать в палате. Я кладу пожитки на одеяло.

— Ручку пока нельзя, — говорит санитар, замечая ее. Забирает и выходит.

Тут же какой-то парень хватает мою книгу.

— Можно? Я быстро прочитало.

— Конечно, читай.

Вроде выглядит он нормально. На секунду я пугаюсь: а вдруг ему не понравится, что там есть описание гомосексуальной ебли? Да какая разница, я же не на зоне. Автор книги — не я. Да и там вроде бы это не очень живописно описано, на такое не задорочишь при всем желании.

На обеде я оказываюсь за столом практически с одними подростками. Некоторые из них выглядят совсем неадекватно, некоторые не могут даже нормально говорить. Тарелки и ложки из мягкого металла, кажется,

алюминиевые. Сам чувствую себя как подросток в детской тюрьме. Машинально отделяю куски печени от гречки. Пиздюк рядом замечает, у него уже пустая тарелка.

— Ты это не хочешь? Отдай мне.

Протягиваю тарелку, чтобы он взял себе печень:

— Лови.

Коридор неудобный, извилистый. Мой друг работает заместителем у губернатора Тулеева, я звонил ему и спрашивал, может ли он помочь. Я должен был миновать этот этаж. Странно, что ко мне не приходит отец. Похоже, мой московский врач ему не позвонил и не предупредил, наплевав на мое отправление. Мне сегодня телефон никто не выдавал. Так и шатаюсь до ночи по углам. Палата — коридор — туалет. На ночь выпиваю таблетки.

Пробираюсь в поту и с головокружением. В темноте рядом стонет связанный мужик. Встаю и выхожу посматривать. Иду мимо тел: храпят, шевелятся, бормочут в полусне. Чистилище.

— А ты куда? — говорит мне дежурный.

— В туалет.

— Зачем?

— Посматривать. Как это зачем?

— На первый раз прощаю. Но ночью нельзя.

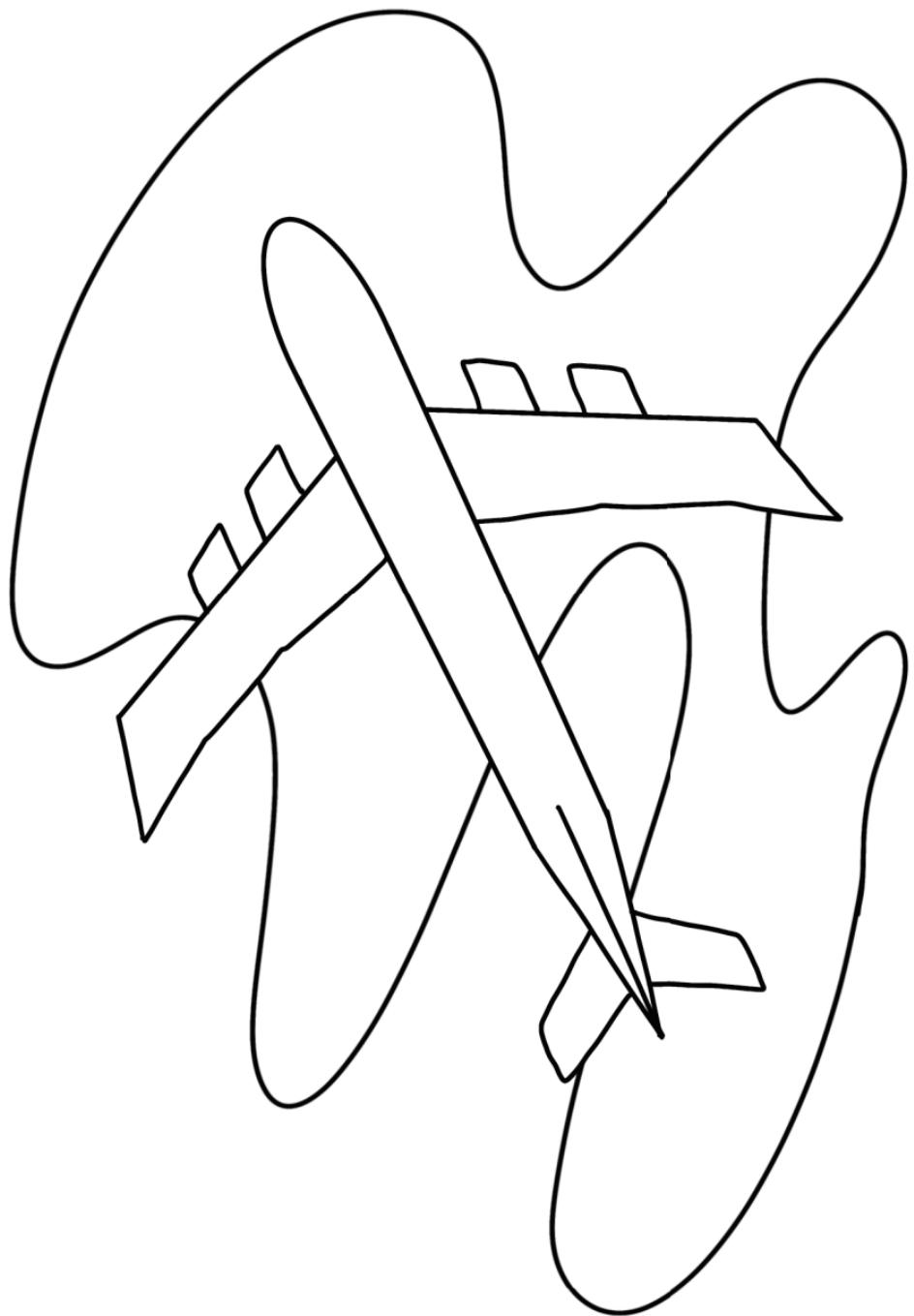
— Как это?

— Так это. Еще раз встанешь, свяжем наручки.

Он повторяет уже сам себе, как бы конспектируя, уже без агрессии:

— Посматривать... Ночью нельзя... Свяжем...

Умываюсь в туалете, немного смотрю через решетку на улицу. В свете фонаря падает снег. Здесь уже совсем зима.

В Москву приехал Лео. Я позвал его посмотреть мою пилотную серию. Он прошел на кухню, я открыл нам по сидру и сказал:

— Вообще-то, я уже не могу тут находиться и не хочу смотреть эту чепуху. По уровню и качеству получилось что-то вроде твоего первого фильма.

— Это какой ты считаешь первым?

— Тот самый. «Погладь мои волосы! Погладь...»

— Понял, спасибо. Давай посмотрим, не кокетничай, — сказал Лео.

— Я тебя предупреждал.

Я притащил ноутбук. Мы посмотрели где-то половину, а потом была сцена, где герою мерещились женские зады. И я увидел Дашину попу в трусиках, ее актерский дебют. Вот здесь, в паре метров от меня, она лежала прямо на этой кровати в этой проклятой квартире.

— Блять, надо вырезать это, — сказал я и захлопнул свой мак.

— Ты чего? — спросил Лео.

— Она то приходит, то уходит. Но мне кажется, больше не вернется, — сказал я, чуть не плача. — Прости. Просто черной пиздой накрывает, и все, привет.

— Пойдем, я тебя угощу пивом с сидром, — сказал Лео.

— То есть пока.

— Ты о чем?

— Не «привет», а «пока». Это я себе, похоже.

Мы спустились на улицу, но день был прохладный. Поэтому мы засели в «Сабвее» и принялись пить темный «Козел». Просто болтали, вспоминали былое. Лео пытался отвлечь меня. В какой-то момент вспомнили Сигиту, она теперь была замужем за Ваней, близким другом Лео, соавтором многих проектов. Я был очень благодарен Лео до сих пор за то, что он принимал мою сторону, когда Сигита уходила, и даже на время переставал общаться с Ваней.

— Я ничего не забыл. Помню, что ты был на моей стороне. Иначе бы я уже написал роман о том, какой ты бездарный режиссер.

— Ну да, пиши. После нашей поездки в Индию меньшего от тебя не жду, — улыбнулся Лео.

— Ничего страшного. Каждый вынес то, что вынес.

Потом меня понесло. Я говорил, что невозможно разлюбить бабу. Оказывается, все эти годы я любил Сигиту, даже Оксана не помогла. Только встретив Дащу, бабу, которая пахла лучше для меня и под которую мой мозг подстроил все свои гипотезы и все свои философские наработки, только новой наркотой я смог заглушить бесконечный отходняк. А теперь мне пиздец.

— Нормально, — сказал Лео. — Вы с Костей как два поэта Серебряного века. Каждому нужна баба, с которой невозможно быть.

— На которую ты смотришь из темноты, как пес.

— Примерно так, — согласился он.

— Мне пиздец. Я часто думал: как плохо, что я не дал Ване пиздюлей, когда он приходил. Он сам пришел ко мне в руки, жирненький и слабый. Но я не бью по лицу, не могу. Потом думал: как хорошо, что я не распустил руки! А потом опять менял мнение. А потом думал: как хорошо, что Сигите нашелся нормальный парень, потому что мы оба с ней не в себе. Она бы ехала крышей, и я с ней заодно, и что это был бы за брак? Два калеки в открытом море на резиновой дырявой лодке? С Ваней ей точно лучше. Бабы — это не мое.

Вдруг Лео заплакал. Я никогда его не видел хныкающим.

— Ты чего, братан?

— Да ничего. От любви большой.

Он сидел за столом в «Сабвее», перед нами подносы от этих дурацких невкусных роллов, алюминиевые

банки, тут же сидели какие-то работяги малых народностей, а Лео, этот смуглый здоровяк-интеллектуал, пла-кал впервые при мне.

— Ты чего, братан? Свою бабу вспомнил?

— Да нет, просто ты меня растрогал, говнюк.

На нем была та же курточка, в которой он прыг-гал на скутер индийскими ночами, а до этого, еще осе-нью, снимался в ней у меня в клипе на песню «пролог». Настоящий честный художник, Лео, написавший пару хороших книг, которому так же, как и мне, не далась про-фессия «кинорежиссер».

— Пойдем есть осетинские пироги? — спросил я.

Мы вышли из «Сабвея», взялись за руки, как азиат-ские подростки, и пошли к осетинам, раскачивая наш двойной кулак, борясь с жестокой реальностью. Там был пирог с картофелем — по вегану, и еще был пирог с капу-стой по вегану, но вот если хочешь шпината — тебе нуж-но было есть сыр. Я взял по два куска: для Лео с капу-стой и со шпинатом, а себе с капустой и с картофелем. С собой у меня был фотоаппарат, и мы записали на него видеообращение к Гайто Газданову.

Мы пили ром и уговаривали его, великого классика, заняться какой-то ерундой, разработать меню для кафе на станции «Тульская».

— Скажи своим осетинам! — просил я. — Дорогой Гайто! Я читаю и перечитываю твои книги. Но и ты по-моги! Скажи своим ребятам, что нужен, да, Лео?

— Да, Гайто. Старик, нам очень нужен, в особенности этому парню, Жуке. Он переживает тяжелые времена, и твои осетины должны приготовить веганский пирог со шпинатом для него.

— Очень нужен пирог со шпинатом, но без сыра! Гайто! Я прочитал даже твой сентиментальный роман «Эвелина и ее друзья», помоги же мне! Я больше никого

не знаю, кто бы прочел эту книгу. А у меня вышло даже получить удовольствие.

Потом в кафе начался странный корпоратив. Люди в деловых костюмах читали поздравительные стихи в микрофон. Я был уже пьян, ничего не понимал. Мы притихли и слушали. Это напоминало сценку из московского Линча, такие у них были безумные и одухотворенные лица. Стихи были очень плохие.

— Каждому поэту нужна тьма, из которой он будет смотреть на бабу, — напомнил мне Лео и подмигнул.

Ночью нужно было ехать в Петербург.

Максим Тесли встретил меня на Московском вокзале. Он был уже слегка подвыпивший с утра, и настроение у него было прекрасное.

— Алехин! — заорал Максим Тесли. — Я тебя вылечу от любой хандры.

Денег у меня почти не было, но он сказал:

— Если ушла баба, найдем на что бухать!

Мы пили вино и виски, я целовал у него дома каждый сантиметр ковра и говорил:

— Это моя Дашечка, моя писечка. Ты не представляешь, как я ее люблю.

Он смеялся, наливал мне еще. Я целовал обои, кресло, диван, ползал по полу, лизал его. Старая квартира недалеко от Сенной площади, она пахла особой петербургской гнилью.

— Деньги скоро закончатся. Но сегодня ночью у меня концерт «Щенков» в «Зале ожидания»! Заработаю еще шесть ка!

— Чтобы до этого дожить, час у кого-нибудь попросим.

Я сфотографировал свою карточку и выложил вконтакте пост о том, что мне нужно напиться в кал и пусть любители унылого репа не скучатся на донаты. Так мы заработали немного.

— Может, и потрахаться так вырубишь? — предложил Максим.

Какое-то время назад он расстался с бабой и теперь вел достаточно разгульную жизнь.

Но я сказал:

— Не могу изменять ей. Даже если она сейчас в постели с другим.

Я продолжил целовать плинтус.

— Понятно, понятно, понятно! — сказал Максим Тесли. — Писечку свою целует! Великий человек!

Ночью мы оказались в клубе «Зал ожидания», лучшая концертная площадка в Петербурге, в которой я бывал. Помню, здесь, в гримерке, я гладил спящую пьяную Оксану, которая была виджеем на одном из наших концертов. Пару лет назад у меня еще была надежда. Теперь сидел в углу на диване и плакал. Феликс Бондарев узнал меня и спросил:

— Что с тобой, друг? Ты на кого обиделся?
— Не обращай внимания на меня.
— Сложно не обращать. Сидит тут, плачет. Мужчина вроде взрослый.

Там было несколько групп. Люди кричали, выпивали, музыка играла. Шоу было в разгаре. Фестиваль в честь Хэллоуина устраивал Александр Ионов — главный сатанист русскоязычного шоу-бизнеса. Феликс был с какой-то девчонкой, он ей махнул рукой и сказал:

— Подлечи этого мальчика, пожалуйста.
Девчонка пожала мне руку, мою вялую кисть, потянула на себя, чтобы я встал, и сказала:

— Я Маша. Пойдем.
Она завела меня в уборную здесь же, в гримерке. Я подумал, что она собирается отсосать мне, сомнением взялся за ширинку и сказал:

— Тут будет не очень удобно.
Девчонка внимательно посмотрела на меня:
— Какого ты обо мне мнения?

Она захлопнула крышку унитаза, протерла ее влажной салфеткой, потом чистым сухим платком и рассыпала порошок.

— Никогда не нюхал, — сообщил я.
— Пришло время.

Я сел в душевую кабину, а голову положил на бачок и хорошенько разнюхался. После этого вышел, выпил пару рюмок водки. Феликс смеялся:

— Посмотрите, ожил! Ожил, а то плакал тут, как обдроченный!

— Алексин! — заорал Максим Тесли. — Пошли, это твой звездный час!

Тогда Феликс еще не рубил на гитаре, а просто ставил музыку с ноутбука, пританцовывал и размахивал своими громадными руками, пока Максим Тесли с микрофоном бегал по сцене. На этот раз я прыгал вместе с ними. Выглядели они очень жутко. Феликс в кожаной косухе и шляпе, а также в каких-то уебищных ковбойских ботинках. Максим со вспухшей рожей, в настолько узких штанах, что сквозь них видно было и телефон в его кармане, и ключи, и половой хуй. Одну песню я знал наизусть и начал орать:

— Это, наверное, из-за того егермейстера! И, наверное, из-за того порошка! Который я ебашил из чувства мести! Пока ждал! Твоего! Звонка!..

У Максима Тесли было несколько проектов, но в этом альбоме он неожиданно раскрылся. Прежде его музыка меня не цепляла, но в двадцать девять он ушел от своей мещанки, с которой прожил несколько лет, пережил роковую интрижку, хорошенъко поторчал на дешевой наркоте и написал несколько превосходных песен. К счастью, Феликс был рядом, он нарезал очень кайфовых коллажей из старого пост-панка, и вышла дебютная пластинка «Щенков» под названием «Лучшее — враг хорошего». Я подошел к краю сцены и увидел бабу, которая тянула ко мне руки. Я затащил ее на сцену, стал сосаться с ней, прыгать, тереться о нее. Это была Юлана, художница, которая оформляет уже третью книгу «Рутины». Привет, детк, каково это — увидеть здесь свое изображение, примитивно намалеванное моими руками старого дурака? Откуда-то пришел охранник, вышел прямо на сцену и проорал мне, перекрикивая музло:

— Так нельзя! Спускайся в зал!

Мы спрыгнули со сцены и продолжили плясать в толпе. Потом я оказался с ней в туалете, в котором нюхал нечто полчаса назад. Сначала, кажется, нырнул ей в пилотку, а потом запихал член в рот. Я поймал свое отражение в зеркале, на меня смотрел не я, а какой-то мелкий бес. Вернее даже сказать — черт. Я схватил Юлану за голову и потянул на себя. Из глаз хлынули слезы:

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Зачем ты это делаешь? Ты же молодая, хорошая девочка. Зачем тебе хуй больного дяди?

Я уселся на пол и плакал. Юлана меня утешала, гладила по голове, как мамочка, говорила, что все будет хорошо. Потом я взял ключи у Максима Тесли, и мы поехали к нему. Я несколько часов трахал ее на полу. Мне мерещилось, что Даша стоит над нами, я оживил ее призрак своими поцелуями.

— Я буду говорить, что ты Даша, — сказал я.

— Главное, чтобы ты кончил, — сказала Юлана.

Она напоминала героиню из мексиканской мыльной оперы. Странный такой голос, как будто слегка зажевало пленку, сексуальный акцент, таким он мне казался. Темные волосы, недлинные, слегка волнистые.

— Откуда ты?

— Откуда я здесь?

— Из какого города?

— Из Белгорода, — «бе» звучало как «бэ».

— Бэ, — сказал я. — Над нами стоит моя баба сейчас. Я насилую ее.

— Хорошо. Кончи, пожалуйста, на меня.

Потом пришел он.

— Я хочу с вами! — орал Максим Тесли.

Отталкивал его.

Максим Тесли прыгал над нами в темноте, пытался достать свой член, ухватить Юлану за сиську.

— Люблю маленькие сиськи маленьких девочек!

Я взял покрывало, и мы, голые, перебрались в ванную. Бросили подстилку, но все равно я стер все колени о кафель. Это продолжалось долго, мы все были в поту, с моей головы текло ручьем. Юлана вцепилась в мои волосы, шептала что-то ласковое на ухо. Со стоном кончил на грудь, реальность покрылась черными пятнами, как сигаретными ожогами. Я провалился в глубокий сон прямо на полу ванной. С утра Юланы не было, а меня разбудил стук соседа Максима Тесли, который хотел в туалет. Я зашел в комнату.

— А где та баба? — спросил я.

— Какая та баба? Ты был один вроде, — ответил Максим Тесли.

— Давай восстановим хронологию.

— Давай.

Мы выпили по пиву. Я рассказал свою версию.

— Не, когда я пришел, ты был один. Вроде в туалете с кем-то трахался в «Зале», я не помню. А так я бы тебе не дал ключи. У меня же нельзя. Это моя крепость. Посмотри на эти стихи на стенах! Это же интеллигентное место.

— А чем Феликс меня нанюхал, не в курсе? Спидами?

— Боюсь, что это был героин с кокаином, — беспечно ответил Максим Тесли. — А может, и нет, не бери в голову.

— Ну да, мне нужен наркотик, который бы был сильнее Даши.

— Ой, только не надо про ее писечку! — засмеялся он.

Мы пили несколько дней. Потом, наконец, немногопротрезвели. Феликс нехотя приехал заняться со мной музыкой.

Я отслушивал все его демки, пока не наткнулся на гениальный и очень мрачный набросок.

— Это то, что нужно, — сказал я.

Мы взяли пивка и попробовали его покрутить. Я попросил немного изменить размер, добавить безумия, сделать пару эффектов. Чтобы кое-где мелодия слетала с колеи, играла мимо основного мотива. Энтузиазма у Феликса было немного, и тогда я сказал:

— Слушай, если ты спродюсируешь мне альбом, я буду делиться с тобой поровну.

— Как это? — оживился он.

— Так. Будешь получать за концерт столько же, сколько я и Костя. Возьму играть с нами.

— Смотри, Алексин тебя раскусил! У него знаешь какое прозвище? — радостно сказал Максим Тесли и разлил. — Феликс «Денег Нет Вообще» Бондарев!

— Денег нет вообще, — согласился Феликс.

— Будут.

Он тут же включился в работу. Мы покрутили предварительную версию и договорились, что скоро Феликс приедет в Москву работать над черновиками для нового альбома мацулатуры. Первым синглом стала песня «валтер», где я прочел нараспев, почти спел:

*проживаю жизнь не снимая повязки для сна
простыни мыло и кожа теперь названы твоим именем
меня повсюду сопровождаешь как невозможная жена
во все гостевые списки клубов и хостелов вписана*

Теперь я живу в отдельной палате. Оказывается, я все-таки созвонился со своим другом Алексеем перед тем, как меня этапировали. Совсем этого не помню. Хотя иногда мне кажется, что помню. Как такое бывает? Папа мне сказал, отец сказал, что было, да, созвонился. Друг Алексей работает заместителем Амана Тулеева. Кажется, я уже в сотый раз это рассказываю. Алексей сделал так, чтобы я не затерялся среди рядовых сумасшедших, — все-таки я писатель, звучный голос Кузбасса, хоть и давно не живу на малой родине. Один звонок Алексея спас меня. Иначе путь был бы сложнее. У меня есть отдельный туалет, стол, кровать, окно. Все ветхое и старое, но чистое. На столе лежит тетрадка, ручка, плеер. Один минус моего положения в том, что в мою туалетную комнату постоянно кто-то заходит, чтобы сварить там цифирь, спрятать что-то, побывать в одиночестве или, реже, подроочить. К счастью, под препарарами дрочить не очень хочется. Условия у меня намного лучше, чем если бы лежал в обычной палате.

Целыми днями хожу по коридору. Таких, как я, не очень много, к моему удивлению. Большинство людей просто лежат в постелях между приемами пищи. В постоянном марафоне только трое: я, Саша из столовой и Саша-святой. Саша из столовой рассказывает мне такое, пока мы гуляем напротив окон:

— Я по-настоящему вижу чертей. Видишь мои руки? Я хотел убить себя, не в шутку. Не хотел, чтобы они забрали меня. Думаю, что здесь и останусь.

— Нормально. У тебя хотя бы работа есть.

— Да, столовая — лучшее место.

Саша-святой говорит:

— Я видел свое будущее. Мне предстоит исцелять людей. Я знаю это. Хуйня, что я грабитель и дурак.

— Может быть, это один из вариантов будущего? Вот ты зря нюхал клей вчера.

— Да, зря. Но я справляюсь с собой.

Мы какое-то время ходим молча, потом он говорит:

— К тебе же ходит мужик. Батя твой? Отчим?

— Отец, да.

— Попроси его купить мне крестик? Я отдам. Тут, на территории, есть часовня. Там они стоят по тридцать рублей. Пожалуйста.

— Окей, братан. Клей не нюхай.

Устаю ходить. Захожу в палату, сидеть тяжело, но я пытаюсь. Пишу стихи. Пару строк нужно написать, каждые несколько часов заставляю себя. Почему-то мозг как будто утратил эту способность. У меня есть музыка в плеере, которую я делал с Никитой «Тиссераном» Моисеенко. Музыка хорошая. Но ничего не получается, от нейролептиков я лишился этого дара. А может быть, просто он где-то спит, может быть, мой талант сейчас в коме и станет сильнее, когда проснется. Сейчас важно другое — выбраться отсюда. Вернуть жену. Стараюсь не думать о ней, что будет, то и будет. Включаю аудиокнигу, это роман «Сто лет одиночества». Оказывается, не такая мощная книга, как я думал. Читал ее еще в десятом классе. В те поры я впервые выступал с репом, даже с «рэпом» — до знакомства с Костей мой мозг изобретал довольно пошлый попсовый рэп. Двухтысячный год, осень.

— Иди к психологу, — говорит санитарка, приоткрыв дверь. — Тебя ожидают.

Мне дают бумагу, надо пройти тест. Сажусь в своей палате, заполняю. Там очень много вопросов, но они очень простые. Любли ли я читать научную литературу, хороший ли у меня аппетит. Я чувствую некоторую сложность: с одной стороны, как будто могу ответить и «да», и «нет», но все же каждый раз есть хотя бы один градус,

на который можно сместиться, чтобы выбрать единственно верный ответ. У меня получается ответить на 566 вопросов не отрываясь. В голове не остается ничего. Вот бы найти такую работу, подумал я. Целыми днями отвечал бы на эти нелепые вопросы.

Возвращаюсь к психологу. Это добрая тетя, ей чуть за пятьдесят.

— Как ты так быстро?

Она берет мою бумагу и кладет ее в сканер. Тут вся техника с девяностых годов, она издает звуки, от которых мне хорошо. Ностальгия. Тетя-психолог распечатывает бумагу с результатами теста.

— Смотри, — говорит она. — У нас есть проблемы. Получился идеальный треугольник.

— А в чем проблема?

— Я за двадцать лет ни разу такого не видела.

— А чем плох треугольник?

— Не знаю, плох ли сам треугольник. Но тебе явно не хорошо. Думаю, у тебя некоторые проблемы с логикой.

— Ответил нелогично?

— Логично. Слишком логично, даже страшно. Тебе знакомо значение слова «компромисс»?

— Я писатель. Конечно, в моем лексиконе есть такое слово.

Она вздыхает, говорит, что обсудит мои результаты с лечащим врачом. Мне же сейчас предлагает идти на ужин.

Сквозь сон услышал голос Лёджа:

— Ха-ха, Жука, у тебя встал.

Леджик дернул меня за плечо. Я не хотел отпускать сон, он был грустный, но там должен был состояться секс. Во сне я был взрослый и девчонка со странным именем или псевдонимом с первого взгляда решила мне отиться.

— Что случилось?

— Че стоит-то? Снилось, что дрошишь?

— Взял бы да помог другу, — я мотнул вверх заключенным в джинсы стояком. Леджик засмеялся и отпрянул.

Выходит, я уснул прямо на берегу реки, лежа на спине, накрыв глаза рукой. Теперь ко мне медленно возвращалась четкость зрения, вид на широкую реку и прибрежные деревья. Камни, сооружение водозабора, тоскливыи вечер ранней осени.

— Смотри, Козырь че творит!

Наш приятель Козырь прыгал по ручью, впадающему в Томь, прямо в ботинках.

— Козырь! Там же канализация стекает! — крикнул я.

Он застыл. Посмотрел вниз и выбрался к нам. Я поправил опадающий член и поднялся на ноги. Спустился к воде, потрогал ее: уже холодная. Хотел искупаться, пройдя выше по течению, но дело рисковое, можно и простить. Потрогал лицо. Нос у меня болел, вспух. Я аккуратно достал несколько кровавых козявок и отправил их вниз по реке. Плывите в город из нашего поселка. Сегодня я написал настоящий длинный рэп-текст, в котором униzel двух одноклассников. Они — мои идеологические враги, братья-близнецы, или «сестры Зайцевы», как мы их прозвали в честь поп-дуэта. Но не очень похожи, конечно, на сестер, хоть и фамилия такая же, — это очень высокие и жилистые любители тяжелого металла. После моего выступления на большой перемене один из них дал мне в лицо. Я упал, засмеялся, встал, решил, что

не давать сдачи будет более эффективно. Ведь я и так победил. Ничего, физически как-нибудь потом расквитаюсь с дебилом. До этого я никогда не писал столько строк сразу, как же это было здорово! Все-таки я их задел по-настоящему. Один за другим, четкие, ясные, они пошли, мои рифмованные стихи. Надо запомнить этот день в сентябре девяносто восьмого. Сегодня родился я — настоящий. Через пару лет я буду выступать на фестивалях, а через пять уже, может быть, стану звездой андегранда, как лучшие рэп-поэты, которых я недавно открыл: Грюндиг и Дельфин. Это, кажется, Дельфин сказал в интервью, что, только если пишешь, можешь назвать себя «рэпер».

Теперь я могу.

— Жук, иди сюда. Сейчас будем Козыря усыплять!

— Не надо, Леджик! Он же безумец!

Я не понимаю, зачем Козырь позволяет это с собой делать. Но если его усыпить, он падал, умирал и рождался новым человеком. Опасным, как обезьяна-терминатор. Не понимал речь и не мог говорить, гонялся за людьми, дрался, крушил.

— Делать все равно нечего, — сказал Козырь.

Вот мы стоим в розовом свете заката. Я самый младший, мне тринадцать, а им уже по пятнадцать. Хитрый красавчик Леджик, уже год как лишившийся девственности, вечный искатель приключений, выпивки, юбки, какой-нибудь криво лежащей вещи, чтобы ее украсть. Козырь — очкастый сухой колхозник, одновременно похожий на шахматиста или посетителя библиотек и на не законнорожденного сына наркоманов. Он второгодник из параллели, из 8 «Б» класса.

Мне страшно. Глаза Леджика блестят как-то нездоро во, они выглядят еще безумнее, чем глаза его жертв.

— Че, Жука, зассал?

Я пожал плечами.

— Ладно.

Мы отошли к зданию водозабора. Встали, чтобы с дороги нас не было видно. Леджик приготовился давить на грудь, а я сел под ноги Козырю, готовый его поймать.

— Дыши! — скомандовал Леджик.

Козырь наклонился, надавил себе на глазницы и стал глубоко дышать. Так прошло секунд тридцать, потом он резко разогнулся. Леджик с каким-то ровным недвижимым лицом живого трупа стал давить Козырю на грудь и шею. Его ноги подкосились, Козырь упал на меня.

Я аккуратно, но с брезгливой поспешностью подхватил Козыря, уложил прямо на камни. Не хотелось его даже трогать.

— Десять, девять, восемь, — начал отсчет Леджик.

Когда он дошел до одного, я стал бить Козыря ладонью по щекам. Оглянулся. Леджик уже отбежал на безопасное расстояние. Я двинул за ним.

Остановились, смотрим. Козырь поднялся, теперь он как инопланетянин. Или же дьявол.

— Андрей! Козырь! Мы здесь, пошли домой!

Услышав нас, Козырь побежал в нашу сторону. Движения его были неспешные, но четкие и страшные. Ботинки хлюпают, штанины блестят сыростью. Мы пропустили в гору, в сторону наших дворов. Двигаемся через частный сектор. Козырь мычал. Он перешел на спортивный шаг. Глаза его внимательно смотрели прямо на меня.

— Э-э-у-у.

— По-моему, он придуривается! — сказал Леджик.

— Не хочу проверять.

Когда мы шли мимо ограды нашей училики по английскому, Козырь вдруг подошел к забору, и я увидел, как он сгибает прутья. Это невозможно, но торчащий ввысь ржавый чугунный штырь Козырь согнул очень легко. Не знаю,

для чего была эта демонстрация. Может, просто вспомнил училку? Не очень приятная тетя. Теперь Козырь больше не смотрел на меня, просто шел за нами, как собака. Иногда рычал, мычал, блеял.

— Как думаешь, у него сейчас вообще компьютер работает? — спросил я.

— Мне кажется, там просто животные блюют! — сказал Леджик испуганно. — Лесные духи, блять.

Когда мы проходили стадион, там играли в мяч — в шведку — взрослые пацаны. Один из них обратил внимание на Козыря и что-то крикнул ему. Козырь оказался в кругу любопытных гопников.

— Ребят, лучше не трогайте его, — сказал Леджик.

— Да, его усыпили. Он с ума сошел, — подтвердил я.

Взрослые разглядывали Козыря. Он сжал и разжал кулаки. Должно было что-то случиться.

— Ну и хуле ты? — один подошел и пнул Козыря по жопе. Козырь поймал ногу и сжал ее. Тут же кто-то второй подбежал, толкнул Козыря. Я увидел, что он, озираясь, приходит к реальности.

Он лежал, не понимая, где он, и слезы катились по щекам.

— Стойте, мужики! Все, он пришел в себя.

— Иди на хуй отсюда, лунатик! — заорал тот, что первым пинал Козыря. Он слегка труханул.

Козырь поднялся и побежал домой. Помню, он рассказывал, что иногда приходит в себя в подъезде, а иногда уже дома. Он почти ничего не помнит, как будто проснулся, а воспоминание о самом психозе как сон, и, чтобы его запомнить, нужно сильно напрячься.

Мы шли с Леджиком через коровники.

— Пошли коноплю натрем? — предложил он.

— Сперва я хочу, чтобы ты меня усыпал.

— Да ладно, Жук? Ты че? Козыря мало?

— Думаю, что нехорошо, что мы так поступаем с Козырем. Я тоже хочу попробовать.

Мы прошлись молча, потом я указал на разрушенный коровник.

— Там сыграем?

— Как скажешь. Но потом надо будет накуриться. Там лежит мой бутылка, в стене. Пойдем туда!

— А табак есть? Или ты хочешь чистую?

— Есть одна папироска, — он двинул пахом. — Ладно.

Леджик достал пачку «Балканской звезды», приоткрыл, чтобы я увидел — есть две.

Леджик достал пачку «Балканской звезды», приоткрыл, чтобы я увидел: есть две сигареты.

Две сиги. Мы поднялись по разрушенной лестнице на чердак коровника. Леджик достал бульбулятор и спросил:

— Ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

Я уже сел на корты и уставился на картофельное поле и дачные участки через дырку в стене. Сделал несколько вдохов-выдохов.

— Я знаю, кем я буду. Музыкантом. Вернее, я буду читать рэп.

— А, ну да.

— А ты?

— Я не доживу. Умру подростком, — сказал Леджик.

Мне кажется, что он не шутил. Просто знал.

Я дышу, потом разгибаюсь. Леджик давит мне на грудь. Я смотрю ему в глаза и вспоминаю, что он уже мертв. Иногда он приходит, мне становится страшно, но потом я вспоминаю, что бояться в общем и нечего, просто очередное воспоминание, просто один день из прошлой жизни. Я падаю в его объятия, слышу стук колес поезда. Чувствую свои слюни на наволочке, пот, сочавшийся с головы. Ноги упираются в стену. Я еду в купейном вагоне, который пьяно покачивается, гипнотизируя меня. Очень жарко.

В горле пересохло, и все лицо было в слизи. Я резко дернул конечностями и застонал, выпадая из липкого сна, как из вагины. Михаил Енотов мирно спал под донормилом на соседней с моей верхней полке. Тускло светила ночная лампочка. Я спустился в свои веганские ботинки «Нэйтив», нижние места были свободны. Вышел в коридор. Посмотрел на градусник под часами: тридцать два. Неудивительно, что я чувствую себя, будто вот-вот сдохну. Раннее утро, за окном поезда тьма, у меня одышка, как у жирдяя, и полная голова сахарной ваты. Прошел по старому унылому коврику в туалет. Помочился, открыл форточку. Сразу шибануло морозом, за окном — минус двадцать, кайф, кислород. Закрывать не стал, вытер лицо бумажным полотенцем, напоминающим дешевую туалетную бумагу, вышел обратно в коридор и постучал проводнице.

— Простите. Тридцать два градуса в салоне. Можно вырубить печку?

Она не отвечала. Постучал еще, настойчивее.

— Пожалуйста, выключите печь. Мне плохо. Здесь дышать нечем.

— Хочешь замерзнуть? — проворчала она оттуда.

— Воды хоть можно купить?

— Я принесу. Какое место?

Залез обратно на полку, попробовал расслабиться. Какие-то образы плыли перед глазами, вспоминал сон, было не по себе. Проводница открыла дверь и протянула мне воду — была только с газом. Я сразу выпил бутылку, отчего моментально вспотел еще сильнее, плюс меня немного вспучило. Разделялся до трусов, так и лежал. Даже стянул их до колен и залупил член. Ночь на курорте, ад среди зимы.

Мы вышли в населенном пункте Тайга. Михаил Енотов выглядел хорошо, успокаивающее, жара ему

ни почем. В этом туре пока все у нас шло гладко, концерты проходили отлично, денег мы зарабатывали больше, чем ожидали, не ругались и не косячили. Я как в отпуск от самого себя поехал. Скукал, конечно, по Даше, ее не хватало. Только она вернулась ко мне, как пришлось расстаться на полтора месяца.

— Свежо, — сказал Михаил Енотов, выдыхая густой белый пар.

— Туда, — махнул я.

Мы нашли пританцовывающего от мороза таксиста.

— До Кемерово у нас два рубля стоит, — сказал он.

— Есть два рубля? — усмехнулся я.

— Найдем, — сказал Михаил Енотов и сделал вид, что ищет в карманах мелочь.

— Э-э-э, — протянул таксист.

— Все нормально, едем, — сказал я.

Убрал чемодан книг в багажник. Я сел спереди, чтобы не укачало. Михаил Енотов, кажется, дремал сзади. Я достал свой Panasonic GH4, который смог себе позволить после новогоднего тура макулатуры, — стал снимать дорогу. Как же я полюбил этот аппарат, каждый раз, доставая его из рюкзака, внутренне содрогался от мыслей о других камерах, которыми пользовался. Неудобные и убогие. В этом туре я начал нащупывать что-то свое. Мне нравилось доставать камеру и просто снимать, без всякого сюжета, пейзажи, говорящих людей, организаторов, квартиры, наших поклонников, городские виды. А потом отбирать какие-то кадры, быстро монтировать, выгружать в сеть и не пересматривать. Это было лучше игрового кино для меня.

— О, че это? — спросил таксист.

— Видео снимаю.

— Видео снимаешь? Сними меня.

Повернул камеру на таксиста.

— Едем в Кемерово, блять! — важно сказал он и призадумался. — А че говорить?

— В принципе, уже неплохо.

Потом я снимал въезд в родной город, а вернее, в пригород. Снимал, как отец водит Михаила Енотова по участку, заводит в стайку и показывает ему кур, коз, кроликов, рассказывает свои истории. Что-то про знакомого мужика, который был вегетарианцем, но тут ему пришлось заниматься сельским хозяйством — разводить скот. Я был рад, что наконец Михаил Енотов побывал у меня дома, ведь сам я гостил у него в Казани несколько раз. Теперь он увидел моего отца, мачеху, поел их еды.

— Ты же теперь ешь мясо, яйца? А то этот у нас даже молоко козье не пьет, — сказал отец на кухне.

— Лучше уж своих ссак выпью, — не растерялся я.

Очень не люблю вкус животного молока, даже без привязки к этическим соображениям. Мне кажется, если взрослый человек пьет этот напиток, — либо он недоразвит, либо извращенец. Так я и сказал.

— Мне так не кажется, я попробую, — сказал Михаил Енотов, пожав плечами.

Я оставил его у себя дома, а сам поехал к деду с бабушкой в Кировский район. Обнялся с ними. Всегда рад видеть бабушку, посидеть с ней, даже несмотря на то, что она уже плохо слышит и почти ничего не видит. Приходится орать ей на ухо. Мне нравится говорить с ней о жизни и даже о своих девчонках. Каждый раз с теплом вспоминаю случай, когда мне было тринадцать и бабушка постирала мои джинсы, в кармане которых были фотокарточки голых женщин, вырезанные из мужского журнала. С утра вышел на кухню, а мятые от стирки листочки сушились на батарее.

— Прости, я случайно твоих девчонок постирала!

Я очень смущился и сказал:

— Нашел журнал у трудовика. Они мне понравились.

Бабушка посмотрела на меня. Она понимала, чем я занимаюсь с этими девчатами, но ее это совсем не смущало. Бабушка такое не порицала, а дед бы, конечно, заворчал.

Она лишь рукой махнула.

— Спасибо, — сказал я и спрятал их, пока дед не заметил.

Но, к сожалению, в такие короткие визиты, как сейчас, удается поговорить только с дедом. Строгий, занудный, лысый дед. Обиженный, но, наверное, четкий мужик. С ним надо сыграть партию-другую в нарды. Мне кажется, я совсем плохо его понимаю, не знаю, как с ним себя вести.

— Расскажи все деду, а он мне потом, — крикнула бабушка.

Пока мы играли в нарды, дед спрашивал.

— На квартиру так и не копиши?

— Нет, дед. Квартира мне не нужна. Не знаю, где буду жить дальше.

— А на жизнь зарабатываешь чем?

— Сейчас вот книгами, музыкой. В туре неожиданно удается хорошо заработать.

— Хорошо — это сколько?

— Ну вот вчера пришло двести человек в Красноярске. Вышло что-то вроде около тридцати тысяч на каждого. А еще у меня за книги тысяч десять накапало. Вообще не ожидал. Отцу хоть долг вернул.

— Сколько был должен?

— Двадцать тысяч. Я сериал летом снимал. Набрал долгов.

— И что, он взял у тебя эту двадцатку?

— Он не хотел брать. Но ты же нас знаешь. Скорее удалимся, чем долг не вернем.

Дед крякнул, как мне показалось, чуть горделиво.

Хорошо воспитал сына, а тот в свою очередь внука. Так, рассказывая ему все это, проиграл партию. Обычно он играет сам с собой.

Вдруг дед спросил:

— Ну ты хоть спой мне свой рэп. Я же никогда не слышал, Игорь мне не включает. Или с телефона покажи.

— У меня обычный телефон, — ответил я. — С него ютуб не посмотришь.

Бабушка была на кухне, и я подумал: почему бы и нет? Может быть, так получится сблизиться с дедом. Я выбрал свой куплет из песни «странный парень» ночных грузчиков, он мне показался самым знаковым из того, с чем мы выступаем в нынешнем туре.

Немного отредактированная версия, актуальная стилистически для чтения сейчас. Кажется, я еще никогда так не делал, но приведу этот реп-текст здесь целиком. Нужно представить себе моего деда, как он сидел на диване, восьмидесятилетний хмурый старик, может, чуть расплывающийся, но еще очень аккуратный, не разваливающийся на части и без тени слабоумия во взгляде. Но уже и без страсти — иллюзий у него не осталось, только тоска по своей мужской силе да куча житейских советов, которые никому не нужны. Представить меня, тридцатилетнего, с четырехдневной щетиной, в узких, но не в обтяжку джинсах и вечной толстовке «Дикиз» с как бы выцветшим логотипом на груди. Стоящего у окна в Кемерове, глядя на Дворец культуры Кировского района с четвертого этажа. Морозная заснеженная улица, редкие люди в середине дня. Унылые остановки, редкие маршрутки, одинокие пассажиры. Ощущение безвременности, непонятно, восьмидесятые это, начало нулевых или нынешний, шестнадцатый год. Квартира чистая, ухоженная, скромная. Дед выключил телевизор, чтобы мне не мешал звук.

*добroe утpo в наше стремительное время полный бред
не быть одиноким*

*не испытывать разочарование и безысходность слыша-
шишь раздаются звуки за окнами*

*это ad прикинулся городом двадцать четыре года не
знаю куда деться*

*самим фактом существования о человек ты ссышь
богу в самое сердце*

*люди пытаются урвать последние крохи удоволь-
ствий не потеряв лица*

*я произношу текст под аккомпанемент раскатов на-
ступающего пиздеца*

*не убивать даже тараканов не совершать ни добра ни
зла ни добра ни зла*

*ни с кем не разговаривать не вступать в контакт ни-
кому не смотреть в глаза*

*на всякий случай отказываюсь от мяса и кожи пере-
хожу на вегу*

*но в каждом сантиметре пространства уже заложен
ужас многообразия вселенной*

*странный парень этот бог почему не смог
остановиться еще после создания растений
мрачные желания страх и отвращение
вот тебе свобода пользуйся сынок
странный парень этот бог из-за любви к нам
он бросил нам на растерзание своего сына
страх и отчаяние чувство вины и бессилие
надеюсь когда-нибудь нас захватят дельфины*

— Это мы пишем с православным другом Михаилом Енотовым, — добавил после некоторого молчания.

— Спасибо, что исполнил свой рэп, — сказал дед.

Он не стал комментировать, просто задумчиво смотрел в стену. Мне показалось, что мы сблизились, как еще никогда в жизни. Не думаю, что он разобрал и понял каждое слово, вряд ли для этого он достаточно подготовлен. Не припоминаю у него любви к поэзии, скорее, ему ближе более-менее внятная беллетристика с четкой моралью. Дед — моралист прежде всего, таким я его вижу, с этим я в себе борюсь. У них здесь много книг, вот — целяя стена, и в основном это русская и советская классика, но поэзии почти нет. Зато есть большая энциклопедия, невероятное количество толстенных томов, я любил открывать и читать наугад эти тяжелые книги в своем детстве.

— Тебе спасибо, — сказал я. — Посижу с бабушкой.

— Да, поешь. Она постное приготовила.

Когда я уже был в коридоре, он спросил:

— А что у вас с Дашой? Так зовут твою девчонку?

— Да, Даша. Свадьба пятнадцатого апреля.

— Уже женитесь?

— Да.

Перед концертом мне стало плохо. Наверное, день слишком волнительный. Я лежал в гримерке под таблетками от давления. Может быть, дело в том, что еще не оклемался после жаркого ада, который устроила сегодняшняя проводница. Но вот удалось настроиться. Я заткнул уши аптечными берушами, и мы с Михаилом Енотовым вышли на сцену. Когда мне плохо и нужна тишина, я иногда так делаю — выступаю в берушах.

Пытался сконцентрироваться на песнях, а не на людях. Но стоило перестать бубнить свой куплет, как начинал вглядываться. Сколько их пришло: Алексей Доронгов — тулеевский зам и давний мой друг еще по филфаку, поэт Игорь Кузнецберг — кореш и собутыльник из этих же

времен. Последний лирик России, как мы его называем. Он сейчас тоже стал большой шишкой — директором главного новостного ресурса в регионе. Моя родная сестра, шумная и привлекающая внимание тетенька, тамада по образованию, от нее всегда исходят мощнейшие эмоции; мой единокровный (то есть по отцу) брат Ваня; мой племянник Ромка — сын сестры. Моя бывшая девушка Лена, недавно вышедшая замуж и сейчас беременная, как мне по секрету сообщила Дарья, бывшая девушка Кости, которая тоже пришла. А также мой главный друг отрочества Миша со своей женой.

Когда мы закончим, я буду пить пиво у него в гостях, а пока надо выступать, но не потонуть в людях и воспоминаниях о них. Я вижу также среди публики одну мою бывшую любовницу Диану, которая сказала, что я похож на Коня Боджека. А еще заметил девчонку, которая сегодня приехала из Новосибирска. Летом она чуть не отсосала у меня там, когда мы выступали с Костей. Охранник нас вышвырнул из мужского туалета...

Концерт прошел, и меня отпустило. Выпил еще пива, стало хорошо. Просто скопившийся напряг, я думал, что подыхаю. Я подписывал и продавал книги, обменивался репликами со слушателями.

Мой друг Миша, стоявший рядом, сказал:

— Интересно, что наши истории теперь в книге. Я стою рядом, а они не знают, что бывал с тобой вон там, — он указал на обложку моего сборника «Ни океанов, ни морей».

— По-моему, это значит, что ты заработал процент! Я плачу за пиво! — я потряс купюрами перед его лицом.

Какой-то парень, фотографируясь со мной, спросил:

— Что с «Русским лесом»? Когда ждать продолжения? — в каждом городе хотя бы один человек спрашивал это.

Я очень стеснялся.

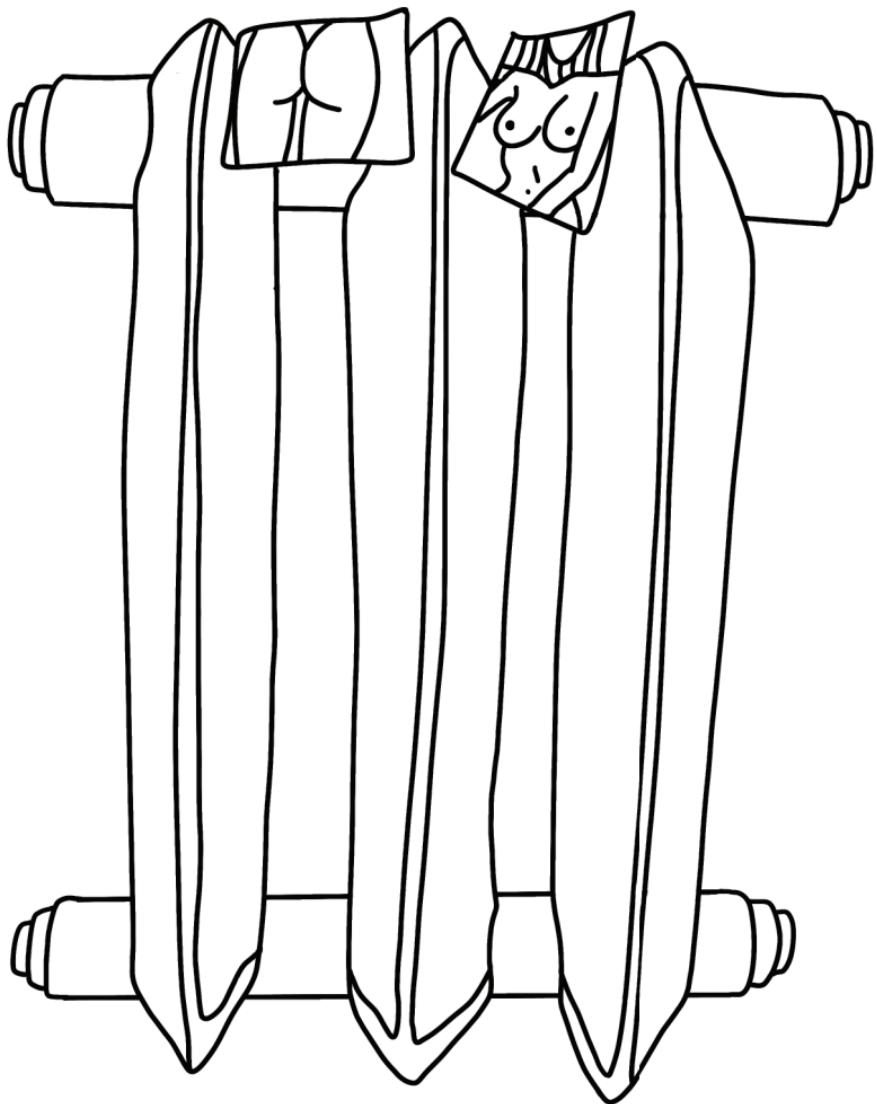
— Не будет продолжения. Не получился из меня режиссер. Вот, лучше купите книгу Антона Секисова, который там играл. Мой сериал хорош только тем, что привлек внимание к этому великому писателю.

Ночью мы долго сидели у Миши. Но и потом, вернувшись в дом к отцу, когда Михаил Енотов давно спал, я все не мог уснуть, несмотря на снотворное. Сначала смотревший видео, выгрузил его вк и сделал отложенный пост. Потом подрочил в тесной ванной с призраками прошлого. Я позволял себе использовать лишь двух актрис: Эйприл О'Нил и Бриттни Уайт, так как обе они чем-то напоминали Дашу. Такие же стройные, миниатюрные, хотя одна из них вообще мулатка. Смотрел начало на ноутбуке, только чтобы запустить механизм, возбудиться. Потом шел в уборную, и кожа моей невесты становилась реальной. Даша тут же просвечивала через актрис, разрывала их тела и начинала господствовать над моим воожделением. Память работала, я чувствовал запах Даши, старался не дроить, а заниматься любовью после тяжелого дня. Нужно быть предельно осторожным, чтобы не потерять ее. «Я вернулась. И что? Ты говоришь, что любишь меня, значит, мы должны помолвиться». Я засмеялся от такого дурацкого слова счастливым дебилом. «Помолвиться», — думал я, когда кончал в ванну, смывал сперму и чистил зубы. Посидел на бортике. Подумал о других своих визитах. Сейчас мне лучше всего, жизнь никогда не соединялась в столько радостей: ничего не болит, не висит никаких долгов и есть яркая лампочка — огонь страсти, к которому я лечу, чтобы сгореть и исчезнуть или просто стать нормальным.

Я лег рядом с Михаилом Енотовым на диван. Успокойся, прими смерть, замедлись. Как маленького, уговаривал себя уснуть каждый вечер. Тяжело,

слишком много радости, как будто каждый день назавтра у меня одиннадцатый день рождения и мне отец подарит плеер.

Нужен отдых, нужен сон. Обнял подушку, как будто это Даша. Сказал себе мысленно, что я молодец, уже четыре города, а я держусь, ни на кого не смотрю. Ни одна баба не проникнет ко мне в штаны, а тем более в сердце. Было, кажется, четыре утра, когда я выключился и увидел ладонь Леджика, который влепил мне пощечину.

Ищу машину у шлагбаума. Стоит какой-то «Форд Фокус». Заглядываю в салон через лобовое стекло, вижу там бородатого мужичка, встревоженно глядящего в экран смартфона. Чувствую узнавание — это Папа Стиль. Но узнавание чисто лингвистическое, а воспоминаний не возникает. Машу ему рукой. Он замечает меня, поднимает взгляд, приглашает войти, мотнув черноволосой головой. У него нежный взгляд, длинные реснички, как будто подведены глаза. Красивый парень, плотный, но милаш. Решаю сесть на заднее сиденье, по диагонали от него. Чтобы был больший обзор и чтобы была дистанция.

— Привет. Эдик?

— Ну а кто еще? Ты совсем не в себе? Как чувствуешь себя?

— Хорошо вроде.

— Не похоже. Перепугал ты всех.

Папа Стиль пристегивается. Я следую его примеру. Выезжаем на дорогу.

— Как себя чувствуешь? — повторяет он.

Я пытаюсь прислушаться к ощущениям. Тело в порядке. Голоден немного.

— Съел бы что-нибудь. И воды охота.

Папа Стиль протягивает мне бутылку воды «Святой источник». На светофоре он заглядывает в смартфон.

— Ты ночью трек какой-то скинул. Помнишь?

— Не очень.

Слышу сигнал — магнитола подключилась через блогус. Два удара в бочку. Потом синтетический бас. «Паэр офф», — говорит голос из динамика, конец энергии — это начало трека. Где-то я все это слышал. Мне становится жутко, возникает тоска, мелодия гипнотизирует. Потом вступает гитара, она играет чуть-чуть мимо нот, от этого возникает чувство приятной муки.

— Ого, — говорит Папа Стиль. — Сам записал гитару?

— Наверное.

— Да, ты чего-то совсем, Жук.

— Жук? Жука? Это я?

Я смотрю в окно. Мы выехали из города. Утро хорошего дня. Мне физически неприятно от этой музыки, я слышу какой-то голос издалека, он читает стихи на незнакомом мне языке.

— Что это за стихи?

— Какие стихи?

Мне отвечает новый голос. Спереди уже двое. Водитель, я его не знаю, какой-то бородатый парень, он похож на Папу Стиля, но это явно не он. Второй тоже с бородой, только русый. Я видел его во сне сегодня.

— Михаил Енотов? Так тебя звать?

— Ты че, братец? — спрашивает он. — Ты когда спал последний раз?

— Да вот же, я только проснулся. Выключи, пожалуйста, музыку.

— Какую музыку?

— Куда мы едем?

— Тебе подлечиться бы. Старик, ты устал.

Он меня очень злит. О чем он? Он явно задумал что-то недобroе. Я вспоминаю, что это мой хороший друг. Но что-то с ним не то, кто из нас кого конвоирует. Это ему надо подлечиться. Он поверил в бесов и в бога и, блять, не встал с постели, когда мой так называемый друг Вова ебал мою девчонку. Просто лежал в той же комнате.

— Кто из нас за кем смотрит?

— Женя, ты давай не ебли.

— Пошел ты на хуй! Это тебе надо подлечиться!

— Старик. Ты забыл, что ли?

— Че это за «старик»? Откуда это пошло вообще?

— Это тебе вчера привиделось, что твой дед умер. Это ты сидел у мавзолея, что-то бормотал. Это ты вызывал

себе скорую в «Шоколадницу». Думаешь, это нормальное поведение?

От музыки возникает образ. Я подвешен в пустоте в черной кожаной смирительной рубашке. Я дергаюсь, и каждое движение превращается в цвет, мне очень больно, но и приятно. Чернота дает спокойствие, но цвет дает кайф и боль. В припеве играет сильная гитарная партия, и она настолько дисгармонирует с общей аранжировкой, что я начинаю кричать:

— Да выключи эту ебучую музыку!

— Стариk, ты че дикаришься?

Я открываю дверь и на большой скорости выпрыгиваю на щебенку. Все яркие цвета сливаются в белый. И вдруг — все гаснет. Нет, это же мой друг, Михаил Енотов. Он втащил меня в окно. Я хочу извиниться. Ассистент врача разматывает мое лицо. Я лежу на кушетке, надо мной — странная люстра с несколькими лампочками. Врач сидит за компьютером.

— Какой пиздатый мозг, — говорит он, обращаясь ко мне. — Какой творческий. Ты что тут забыл вообще?

Это он мне. Как быстро все поменялось, только что было очень страшно, а теперь вот уже очень хорошо.

— Мне кажется, я пришел сюда за вашим комплиментом. Большое спасибо.

Врач усмехается. Приятно, как в детском саду.

— Ладно, иди. Думаю, скоро выпишут. А ты ходишь на рисование и музыку? Вообще как время тут проводишь?

— Да пока только на трудотерапию.

— Понятно.

Врач резко забыл обо мне. Но я запомню этот комплимент, лучший в моей жизни. Ассистент врача выводит меня. Идем коридорами по разным этажам, мимо разных отделений. Много людей в пижамах. Это все люди с интересными лицами, странные, особенные, у каждого есть

мозг, целый непостижимый мир, впихнутый в маленькую черепную коробку. Собираюсь идти читать в палату, но дежурная говорит:

— К тебе пришли.

В комнате посещений Костя, а с ним Оскар, наш бывший гитарист и мой друг. Обнимаюсь с ними. Страшиваю, как дела.

Костя какой-то растерянный.

— Че, — говорю я, — шары пустые? Работу нашел?

Оскар смеется.

— Ага, такой отец в больничной пижаме. В дурке сидит и учит сынка.

— Сынок пошел по наклонной, да!

— Нормально все у меня, — отвечает Костя. — Я составил резюме. Уже отоспал даже.

— Великое резюме? Это его надо было в дурку положить, — не унимаюсь я. — Знаешь, как он мне сценарий написал? Взял у меня двадцать ка авансом и забыл о своем обещании. Тридцать пять лет пацану.

— Ладно, ладно, — говорит Оскар. — Он тебе принес гостинцы, не гневись, батек.

Они достают мне книги и сигареты. Наконец прочитаю «Дзен и искусство ухода за мотоциклом».

— Это книга про тебя, — говорит Костя. — Я же тебе вернул деньги?

— Да вроде вернул. Но я не про то говорю.

Здесь, в Кащенко, я начал курить. Отсыпаю себе пять сиг в карман пижамы. Остальные отдам санитарке. Буду получать по регламенту.

Взял себя в руки и отодвинулся от Юланы. Она уже была почти голая, вернее, нижняя ее часть, — обнажена и готова к сексу.

— Никаких больше прикосновений, — сказал я.

— Почему?

Она была возбуждена до дрожи. Я сел в кресло.

— Дрохи, — сказал я.

Юлана поудобнее села, зачем-то слегка причесалась обеими руками и взялась теребить пальцами свой клитор. Смотрела она при этом не отрываясь прямо на меня. В комнате свет был выключен, но коридорного освещения хватало, чтоб разглядеть блеск и выражение глаз.

— Сними футболку. Трогай соски.

Долго я не позволял себе раздеться. Просто смотрел. Прошла минута, две, три. Юлана забылась и начала постанывать.

— Иди ко мне, — сказала она.

— Нет. Нельзя.

— Почему?

— Потому что я так сказал. Никому нельзя меня трогать.

Не в силах сдерживаться, я встал, скинул джинсы и секунд за двадцать довел себя правой до оргазма. Сперма выстрелила в ее сторону, жирная клякса упала у дивана, между ног Юланы. Я в подростковом отвращении к себе рухнул обратно в кресло.

Юлана спустилась на колени, погрузила указательный палец в белую лужицу, затем лизнула его. Подползла ко мне, но я отпихнул ее ногой.

— Спасибо большое, что приехала, — вел я себя грубо, но мой голос был мягок от смущения.

Я вышел на кухню, чтобы допить бухло. Присосался к бутылке портвейна. Потом зашел в туалет, оторвал туалетной бумаги, вернулся в комнату, вытер пол.

— У нас есть полчаса. Кушать хочешь? — спросил я. — Потом придет Феликс.

Это была неправда, Феликс должен был приехать только с утра. Но я уже чувствовал себя достаточно гнусно, чтобы прямо сейчас сесть и дописывать свой реп к новому альбому. Юлана поняла, что я хочу остаться один, стала одеваться.

— Спасибо, что позвал, — сказала она растерянно.

— Извини, — сказал я на всякий случай.

— Ты же знаешь, я никогда не обижаюсь.

— Я вызову такси.

С утра Марат прислал свой новый роман. Я прочитал его в постели, пока ждал Феликса. Книга называлась «ЖЗЛ» и состояла из нескольких крупных очерков о людях — которых знал лично Марат, — имевших задатки, но не ставших признанными поэтами и писателями. Мне понравился текст, в нем была любовь к человеку, искреннее сочувствие его судьбе. Марат не побоялся раскрыть свою сердечность в последней книге. Были у меня некоторые претензии, когда мы созвонились, я поругал Марата за концовку.

— Отец, — говорил я. — Что это такое? Какой в жопу «гребаный шанс отрастить крылья»?

— Ты опять ничего не понял, сынок! Не дам я тебе свою книгу, не будешь ее издавать.

— Подумай сто раз.

— Эх, сынок. Сам роман-то тебе понравился? Только в концовку не вдупил? Как дела, кстати? Женщине своей не изменяешь?

— Едва удержался, отец. Был в миллиметре.

— Вечно ты, сынок. Расскажи, как в Таиланд съездили?

Мы немного поговорили. На мне еще был загар, мы с Дашей провели целый месяц на Пхукете. Я писал черновики на пляже и редактировал под кондиционером.

Возил ее на скутере по острову. Нашел место, где хотел нырнуть в море с высоты четвертого этажа, а Даша почти плакала, чтобы я не смел так делать. Я снимал ее на видео — позже смонтирую видеоклип из этих кадров на песню «альбатрос». Какая она красавая, пьет пиво Chang в замедленном режиме. Ничего лучше не снимал.

— Было очень хорошо, отец.

Убрался, и Феликс приехал. При себе у него был ноутбук, звуковая карта, колонки, гитара, миди-клавиатура, микрофон. Я помог ему разгрузиться из такси, и мы превратили кухню в маленькую студию. Несколько дней провели за аранжировками и допиливанием моих куплетов. Костя дописывал партии из Москвы — удаленно. Костины куплеты превосходили все мои самые смелые ожидания, он так хотел вернуть бабу, так страдал по ней, что писал хорошо, как никогда до. Это был его альбом, и мне нужно было только придумать хорошие припевы. Это тоже работа не из легких. По меркам его куплетов я был слишком счастливым — через неделю я должен был расписаться с Дашой, и скоро у нее будет моя фамилия.

Феликс жил недалеко, у своей дамы на «Елизаровской», с утра он приезжал на такси, и мы целыми днями работали. Пили пиво, курили на балконе, придумывали ходы, я варил гречку и нарезал салат. Никогда еще я не работал с музыкантом, который бы так воодушевлялся от дела. Феликс все время хвалил себя и меня, реагировал молниеносно на любую идею. Мне хотелось сделать первый трек — «летучий голландец» — в духе песни «Package» группы A Perfect Circle, а заглавный хит — се-миминутный «нейт диаз» — в духе «You All I Need».

— Только чуть менее сентиментально!

— Хуй тебе, — сказал Феликс. — Будет еще сентиментальнее. Тебе не получится сломать ноги хиту!

Когда приехал Костя, мы начали писать вокальные партии и переключились на водку. Но Феликс заразил нас своей толерантностью к крепкому алкоголю — мы тоже совсем не пьянили. В тот раз мы начали активно вести социальные сети: я делал посты с черно-белыми фотками и проводил опросы среди подписчиков вк, например, спрашивал: «Похож ли Феликс Бондарев на человека, который любит чечевицу?» Даже Михаил Енотов, который сперва относился скептически к моей идеи взять Феликса продюсером, регулярно писал, спрашивал, как мы продвигаемся, и говорил, что предвкушает настоящую бомбу, а не альбом. Так оно и было.

— Бля! — смеялся Феликс. — Наверное, те, кто изобрел ядерное оружие, тоже ржали, шутили про пердеж и не пьянили от горькой?

Накануне релиз-пати должна была прилететь Даша из Волгограда. Я скинул ей демо-версию альбома «пляж», сказав, что это мой свадебный подарок. Знал, что она должна это оценить, мне казалось, никто еще не делал ничего более романтичного, чем этот аудиороман или даже аудиофильм, который мы сделали с Костей и Феликсом, — один в подарок бабе, второй в попытке вернуть, а третий просто потому, что его перло от процесса. Даша так заслушалась, что в Москве пропустила пересадку.

— Ого. Альбом меняет реальность, — сказал на это Костя.

— У меня уже никаких денег не осталось на реальность.

— А, бля. Билет же потерян?

Я предложил такой формат концерта: ставить треки в клубе «Ионотека» и параллельно выгружать в интернет. Один трек прослушали на хороших колонках, вылили, потом второй, третий и так далее. А потом уже сделать отдельно пост с альбомом. После чего

исполнить старые треки. Концерт прошел отлично, потом мы напились.

— Алехин! — кричал пьяный Максим Тесли и прыгал ко мне на колени. — Альбом мне не нравится! Но я тебя трахну в жопу!

На него что-то нашло, и он норовил больно ухватить меня за яйца.

— Даша, почему ты меня не спасаешь? Ты же моя жена!

Мы вернулись в квартиру. Завтра нужно было ехать в Москву, там тоже был концерт и ЗАГС (мы подали заявление недалеко от Костиного жилья, потому что это была стабильная база уже 6 лет, тогда как я постоянно переезжал). Я немного убрался на кухне, в шутку продолжая донимать Дашу. На самом деле, я просто очень устал от ритма последних дней:

— Нужно было спасти меня от Максима! А вдруг он бы поимел меня! Почему к бабам ревнуешь, а к нему нет? — гундел я.

Костя сидел за компьютером и вдруг сказал:

— Как же вы надоели с этой семейной возней. Не поеду я с вами в тур!

Понятно, что он сказал мне в шутку, но я дико разозлился.

— Да пошел ты на хуй, ишак, хоть один бы тур организовал.

Я швырнул в него телефоном. Моргнуть не успел, как Костя вскочил со стула и хлопнул мне в челюсть. Я рванул на него, Даша визжала, замерла где-то в сторонке, боясь разнимать нас. Мы катались по коридору, пока Костя не поймал меня в захват и не сжал шею на болевом приеме. Я пытался дать ему по роже, кидал кулак куда-то себе за голову и, кажется, чаще попадал себе же в затылок.

— Эй, але, вы что делаете! Хватит! — кричала Даша.

— Сейчас он успокоится, — говорил Костя.

— Дайте мне этого жирного, — орал я, хотя тут не было жирных. — Я из него дух вышибу!

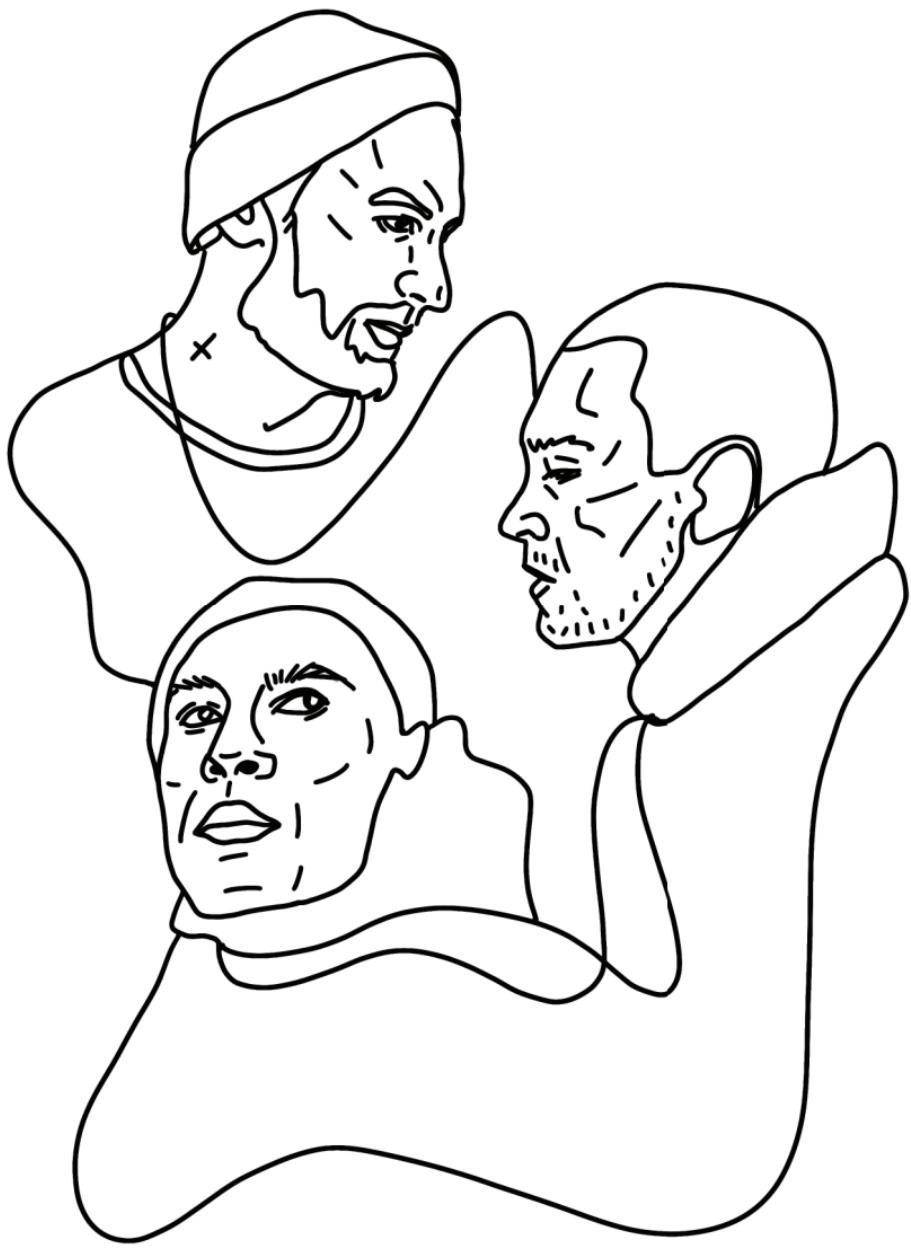
Силы меня оставили, я лежал на полу. Костя ушел на кухню. Даша побоялась меня трогать. Я с трудом поднялся, вышел на балкон через комнату и увидел там сигареты, оставшиеся от Феликса. Закурил. Это был длинный балкон, на него можно было вылезти из окна кухни. Я услышал кряхтение Кости, он выбрался оттуда — с са-мокруткой в зубах.

— Извини, — сказал он мне и протянул руку.

— Ладно, — ответил я.

Ничего не понимал. Но ему повезло, что я не умел драться. Почему-то мне хотелось его убить всего минуту или две назад. А где там Даша? Я оглянулся в квартиру. Кажется, она так и стояла в коридоре, поднеся руки к лицу.

«С тобой бывает тяжело», — не раз скажет мне Даша.

Наш гостевой домик находился на Французском бульваре, прямо у спуска к морю. Я бросил рюкзак, поцеловал Дашу и побежал вниз по склону. Первые числа сентября — вода была отличной температуры, я выпрыгнул из шорт и футболки и занырнул. Поплыл с открытыми глазами под водой. Чисто, свежо, хорошо. Отплыл метров на сто от берега, побарахтался на спине, глядя в небо, поплыл обратно. Костя плохой пловец, он бульхался недалеко от берега. Даша нерешительно мочила ноги, она настороженно и пугливо относится к морю. Артем Нахуй — наш украинский организатор, бородатый здоровяк, страстный любитель мясных блюд — стоял, руки в бока, с сумкой-бананкой поперек груди. Он будто приглядывал за нами, мной и Костей, как за своими сыновьями.

Я сел на мелкие камни и наблюдал за дедом, который купался с несколькими ребятишками лет по одиннадцать. Они выстраивались в ряд, и один из пацанов проплывал между ног у остальных.

— Давайте: двойная пещера, — говорил дед. — А теперь — тройная пещера. Плыви, Вадик.

Артем Нахуй сказал:

— Жека, посторожиши мои вещи? Чувствую, надо лупануть через тройную пещеру, нахуй.

— О, дай-ка сначала я, а то ты всю пещеру развортишь, крепыш!

— Мясной крепыш, — поправил меня Артем Нахуй.

— Говноедский трупоедский, да.

Мы погуляли по городу, и вечером был странный концерт в клубе «Крыша моря» на самом берегу. Последний в туре. По России мы ездили вчетвером, Феликсставил музыку и делал эффекты, Дашу я привлек помочь продавать книги, вести бухгалтерию, считать людей на входе, если организаторы концертов были подозрительными

типами. Все прошло хорошо, я был рад, что она была со мной все путешествие, даже побывала в Кемерове, познакомилась с отцом, бабушкой, дедом, сестрой, моими друзьями Мишой и Тимофеем. В Украину уже Феликс не поехал, у него были запланированы свои концерты с RSAC. Вот они мы — как семья в конце длинного путешествия, а Костя как наш престарелый сынок, пьяноватый, потирал красные глаза.

— Ты чего, песку словил?

— Когда я вернусь, оставлю у Амалии зубную щетку, — ответил он.

То ли благодаря успеху нового альбома, то ли по независимым от творчества внутренним переменам, но Костя вернул и несколько месяцев удерживал свою женщину рядом. Хоть она по-прежнему его не любила, но пока и не бросала. В каждом городе ему делали комплименты по поводу новых куплетов, и я даже слегка ревновал. Моя же работа была недооценена — а ведь я придумал все припевы, и продюсировал, и притащил Феликса, случайно нашупав огромный талант. Такая мелочная обида иногда всплывала и покалывала эго.

— Если щетка у нее в стакане — баба твоя.

Люди сидели на пледах и стояли перед сценой, было видно и слышно море.

— Если устанете от репа, не стесняйтесь. Думаю, сегодня самое время утопиться! — сказал кто-то из нас в микрофон.

Мы с Дашей остались в Одессе на несколько дней. Я пытался писать рассказы, мы много гуляли и вслух мечтали о том, как переедем сюда жить. Розовое планирование всегда хорошо давалось мне, так мозг отдыхал. Я встретился даже с одесским поэтом, он провел нам экскурсию и дал несколько советов. Прикидывал, что начну издавать книги здесь и со временем, может, открою

книжный. У меня много читателей в Украине, почему нет. Сделать филиал издательства, собрать предзаказ, печатать и рассыпать книги. Тихо пожить так, на трезвом, пока буду писать роман.

Один раз только поругались, когда Даша долго выби-
рала подарок для своей бабушки, а мне хотелось скорее
на пляж: смотреть на закат и пить сидр.

— Не понимаю я этих лицемерных и бесполезных по-
дарков, — сказал я.

Даша замерла в обиде, как будто я влепил ей с разма-
ху по лицу. Как-то вспыхнула от обиды.

— Нельзя так говорить! — ответила она и пошла ку-
да-то по улице, не оборачиваясь.

Я шел в двух метрах позади. Пытался ухватиться за
Дашу, развернуть ее к себе.

— Прости, я не специально!

Неосознанно злился на ее бабушку. Даше нужно было
во что бы то ни стало показать ей диплом о высшем обра-
зовании, и я дал деньги на эту бесполезную обоссанную
бумагу. Никогда до этого я не давал взяток.

— Институт хорош, только когда его бросаешь! — го-
ворил я Даше.

Она была вроде бы согласна, но тем не менее взяла у
меня деньги и купила диплом. А потом мне начало ка-
заться, что это тонкая манипуляция — заставлять меня
предавать себя ради бабы, предавать идеи. Она оплати-
ла диплом у препода, который потом и выставил оценку.
Наверное, это для меня и было семейным лицемерием.
Мой дед тоже не раз ворчал по поводу того, что у меня
нет высшего образования, но мне и в голову не приходи-
ло брать на душу такие крупные грехи, чтобы приласкать
его яйца.

Но опять-таки ради жены — пожалуйста, предал стра-
ну и продал душу.

Вечер был не очень, ругались, на море с сидром в итоге я просидел один. Перед сном, конечно, помирились. Возвращались в Петербург на поезде через Москву. Несколько месяцев мы уже снимали комнату в коммуналке у Валеры Айрапетяна, вне тута я работал фотографом в клубе «Мод», Даша была в перманентном поиске себя, пыталась понять, пригоден ли Петербург для жизни.

День мы собирались провести на пересадке в Москве у Кости, а потом возвращаться к мелким делам и решать, по карману ли мне действительно переезд из СПб в Одессу. Еще был вариант провести зиму в Волгограде, где я бы написал роман и альбом, а к весне вернуться в столицы с новыми силами.

Я лежал на верхней полке в плацкарте с книгой.

Показали паспорта, пересекли границу. У Даши появился вай фай. Увидел через проход, что она обнаружила что-то страшное в своем айфоне. Она протянула руку через проход, подергала пальцами, чтобы я срочно взял ее. Я взялся за кисть, отложил книгу — это была «Американская пустыня», про воскресшего современного человека. Идея у книги была интересная, хорошее начало, но с середины все покатилось в кювет.

Даша смотрела мне в глаза несколько секунд.

— Что случилось?

Она протянула айфон. Я прочитал пост в фейсбуке у писателя и филолога Андрея Аствацатурова, моего старого товарища. Мне пришлось перечитать пост несколько раз, чтобы разобраться, что к чему.

— Блять. Неужели я и о своей смерти узнаю от Аствацо?

Марат умер.

Я вышел в тамбур. С собой у меня было несколько маленьких бутылочек бальзама «Хербал парк», и я

принялся пить их одну за другой. Ко мне вышла Даша. Сладкий и крепкий напиток переходил от меня к ней и обратно, пока мы стояли тут, покачиваясь вместе с поездом. Вот позавчера я еще переписывался с Маратом, обсуждал рассказ Лео о том, что все умные жрут говно. Марат ругал концовку, я защищал. А потом Марату надо было ложиться на операцию — удалить опухоль с почки. Последнее фото в соцсетях — открытое окно и вид на голубое небо, на нем — пух облаков. Как будто он знал, что у него вырастут гребаные крылья. И эта книга — «Американская пустыня» — Марат заставил меня читать ее. В последнюю нашу встречу он так настойчиво говорил о ней, как ни об одной другой. Он знал, что умрет? Или это мой мозг сейчас подтасовывает факты?

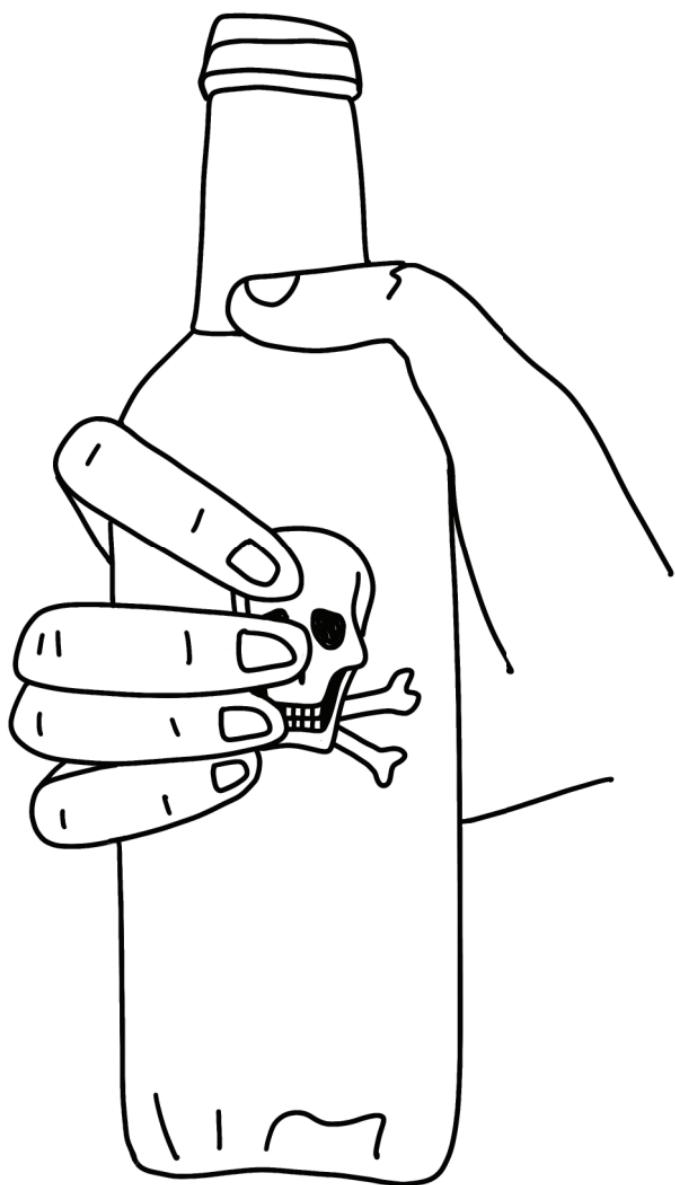
Дни, связанные с похоронами и хлопотами, я смутно помню. Договорился с «Модом», в котором тогда подрабатывал фотографом, чтобы устроить поминки в клубе на террасе. Помню очень пронзительную речь Валеры Айрапетяна. Наверное, дело в большой армянской семье, не знаю, в его любви к друзьям. Я тогда подумал, хорошо бы умереть раньше него, чтобы он со всей этой любовью сказал обо мне. Как он умеет подмечать достоинства другого человека, суммировать их, правильно выкладывать, мне никогда такое не удавалось, слишком зациклен на себе. Помню, что я прочитал в микрофон один рассказ Марата и его восьмидесятилетний отец пустил слезу. Потом мы общались с ним и двумя сыновьями Марата. Один из них оказался даже слушателемочных грузчиков.

Да, и эта странность. На могильном камне были написаны годы жизни: 1966—2016.

Я был удивлен. Девушка Марата Оксана сказала, в чем дело. Он так и не смог мне рассказать. Очень переживал из-за этого. Когда мы познакомились, он скинул

себе семь лет. Стеснялся моей молодости — а потом привык к мифу о собственном новом возрасте.

Ночью я отвернулся к стене и разрыдался, впервые при Даше. Кому мне теперь посыпать свои тексты? Кто будет их критиковать? Разве есть еще один человек, настолько близкий мне по таланту? Это же мой отец и был. Посылай Кириллу Рябову, сказала Даша, поглаживая по спине. Кирилл все хвалит, только отец мог меня правильно ругать. Семь лет, он себе скинул семь лет ради меня, как это мило. Настоящая магия. Сколько раз он пытался мне рассказать, начинал этот разговор, а потом осекался. Такой нежный человек, а не скажешь сразу.

Я сижу на подоконнике в наблюдательной палате, читаю книгу «Дзэн и искусство ухода за мотоциклом». Она удивительная, никогда еще не испытывал такого родства с автором — парень настоящий псих, как и я. Но приморд это совершенно нормальный человек, честный искатель смысла, тупой и скучный зануда. Странно, что эта книга не попадалась мне в руки прежде. Много о ней слышал, но не притрагивался. Из-за зилаксеры — неусидка. Я могу прочитать лишь абзаца три-четыре, сидя в одном положении, потом начинаю ходить мимо коек с лежащими на них пациентами. Но я уже наловчился, читаю на ходу, не обращая внимания на движение декораций. В углу сидит Сатана, парень северо-корейского происхождения. Вчера он обмазал стену и постель своим говном, после чего ему вкололи лошадиную дозу транквилизаторов. Он все еще как пьяный.

— Женечка, обними меня, — говорит Сатана.

— Сатана слабак, — отвечаю я и посылаю ему воздушный поцелуй, не отрываясь от чтения.

Как же он меня достал. Но вчера я перепугался, когда этот узкоглазый маленький гаденыш прочитал мои мысли и как-то стал угадывать номер моего телефона. Не каждый день сталкиваешься с такими трюками.

— Же-э-нь, я хочу с тобой поцеловаться, — тянет Сатана, хихикая. — Потрись хуем о мое лицо, Женя.

— Кан, ты еще укол захотел?! — кричит санитар из коридора.

— Да ладно, — вступаюсь я. — Он сегодня вроде спокойный. Пусть мечтает.

— Гомосек маленький, — тянет санитар.

Выхожу в длинный коридор, иду с книгой. Вчера я заорал на Сатану, что здесь, на святой Руси, его прихваты не сработают, нашу силу духа ему не сломить. На самом же деле сильно труханул — когда он угадал пять цифр

подряд. Мне показалось, что, если он назовет все цифры моего номера, как бы произнесет мое тайное имя, моя душа будет навеки принадлежать ему. Интересно, как он угадывает мысли, откуда у него такой дар? Может быть, когда ты столько лет проводишь в подобном заведении, уже начинаешь чувствовать эти невидимые нити, связывающие человека со вселенной, предугадывать движение каждой души. Вот и я каким-то образом сейчас чувствую, что скоро придет Даша. Поэтому скоро возвращаюсь на подоконник и смотрю на дорожку, ведущую к отделению. Так и есть: замечаю ее и музыкальную продюсершу Сашу Дронову. Идут. На Даше юбка, и я сразу думаю о возможности секса. Может быть, удастся провернуть здесь, что может быть романтичней? Я так давно мечтаю об этом.

Пока они обойдут отделение, поднимутся, пройдут через охрану и окажутся в комнате для посещений, как раз успею не спеша покурить.

Выдыхаю дым через решетку на окне туалетной комнаты. Видно пациентов, что на принудительном лечении. У которых жесткие сроки, по сути, у нас тоже лечение принудительное, просто тебя отпускают без юридических проблем. Принудительные могут гулять за решеткой по несколько часов, сроки пребывания у них дольше, но и режим мягче. Один разделся по пояс, ловит лучи, разглядывает свое тело как идиот. Другой играет на лавочке в шахматы сам с собой. Санитарка вяжет детские носки, сидя у поддона с сигаретами. Броде бы и счастлив от этого предчувствия жизни, которое дала больничка, но, конечно, надеюсь, что уже через неделю покину заведение. Даша вернулась ко мне, нашла работу, приезжает ко мне раз в два-три дня. Неужели у нас все наладится? Ей приходится ездить по два часа из Петербурга, но она не капризничает. Может, повзросла.

Сколько раз мы проходили через это — хватит. Я не хочу, чтобы мы расставались, больше никогда. Жду у входа в комнату посещений.

— Привет.

— Привет.

Обнимаю Дашу, Сашу Дронову. Проходим. Негласное правило: если к кому-то приходят гости, остальные больные выходят из комнаты. В другое время здесь можно смотреть DVD, играть в карты и нарды, читать книги, просто проводить время на диване и в креслах. Пока я держу Дашу за руку, она что-то рассказывает о своей работе — официантка в кафе «Троицкий мост». Тут же и гостинец оттуда: лучшее в мире соевое мясо.

Саша Дронова раскрывает ноутбук.

— Открой, пожалуйста, «все включено».

Мы правим структуру некоторых песен, которые она сейчас делает для группы макулатура. Мне тут хорошо пишется. Я подключаю айпод шафл к ее ноутбуку, скрываю обновленные версии минусов. В принципе, работа на сегодня на этом закончена. Даже как-то неловко перед Сашей Дроновой, что ей пришлось ехать в такую даль. Даша сидит у меня на коленях, я целую ее в шею, дышу ее кожей.

— Понятно, — говорит Саша Дронова. — Вам по ходу надо остаться одним.

— Можешь постоять на стреме? — спрашиваю я.

Даша протягивает:

— На стреме? Что это значит?

— Конечно, босс, — отвечает Саша Дронова.

Волнуюсь, руки дрожат от предвкушения. Щекочет в груди. Это сцена из фильма. Я снимаю трусики из-под Дашиной юбки, ныряю под подол. Но камера не следит за нами, оставив все сокровенное за кадром, — план на Сашу Дронову. Оператор снимает ее, провожает.

Саша Дронова выходит в коридор, а там — бэкстейдж, съемочная площадка. Вместо больничного коридора — буфет в павильоне, приборы, команда. Продюсер — пусть это будет камео, Рома Каримов в роли самого себя — спрашивает у Саши Дроновой:

— Чет там у них, как дубль?

— Вроде хорошо, — она пожимает плечами.

Рома подходит к плейбеку, смотрит, как я сосусь со своей женой Дащей Фии. Понятия не имею, кто там уже кого играет. Не разбираюсь в современных актерах. Рома Каримов ворчит:

— Зачем я ввязался в эту хуйню? Мне кажется, все эти съемки он затеял для того, чтобы у него просто опять хуй встал на жену. Я уже сам не понимаю, то ли я в его ебанутой голове, то ли в его ебанутом фильме. Кто тут что ставит, что играет, где кончается его бред!

Этого всего нет, этого всего не будет. Некоторые мечты не осуществляются, некоторые иллюзии незачем воплощать. Даже если я это четко вижу, надо выкинуть из головы. Я отдаю себе отчет, что есть одна референтная реальность. В ней я целую лучшие на свете губы, трогаю идеальную небольшую грудь, сжимаю в объятиях маленькое любимое тело. Оказываюсь в нем — есть страсть, но нет отвращения.

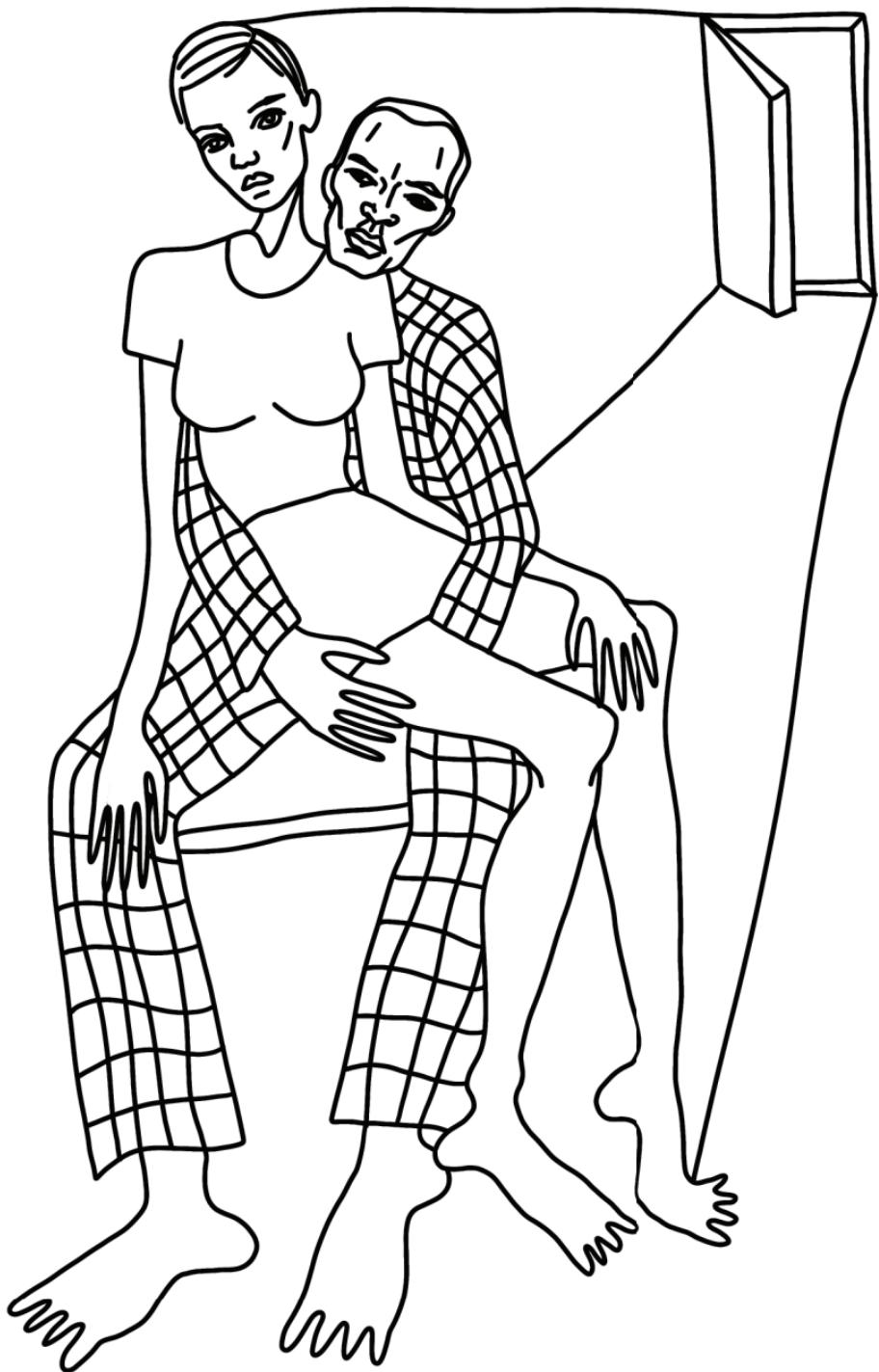
Одновременно горячо и прохладно.

Тесно и свободно.

— Да, — говорю я. — Даша.

Она в ответ произносит мое имя.

Собираюсь кончить в нее, чтобы она залетела.

— Я ничего не чувствую, — сказала она.

И ушла на тренировку.

Я ходил по Волгограду, чужому городу. Теперь — городу-статисту. Поздний октябрь, набережная. Я не видел этих домов, не видел ничего вокруг. Только шок, но и этот шок был без каких-то выдающихся признаков, как рэпер Шокк. Наверное, надо поесть, подумал я. Бродя бы я не ел со вчерашнего дня. Я зашел в кафе «Счастье есть» и заказал еды. Нужен был какой-то план. Ладно, я придумал, что ей скажу. Я ел салат со свеклой и имбирем, но не чувствовал вкуса. Короче, Даша. Слушай меня внимательно, тупая твоя рыбья башка. Мы не можем сейчас расстатьсяся. Во-первых, я оплатил квартиру, переезд, риелтора, потратил все свои деньги на создание этого вонючего гнездышка. Если хочешь со мной расставаться — тебе придется брать кредит и все это компенсировать. Либо собирай у родственников, бери в долг. Во-вторых, по телефону ты мне сказала, что все нормально. Хочешь отправить меня, плати бабки. А пока не заплатишь, пока, пизда ты слабоумная, не выплатишь мне все до последней копейки, я буду жить с тобой и ебать тебя буду и ты будешь мне готовить. Ты меня обманула, оказалась сукой, тварью, злой шлюхой и бессердечным предателем. Либо такие правила, либо я тебя придушу.

Я погулял и вернулся домой.

— Купила тебе билет, — сказала Даша.

— Иди сюда.

Попытался ее обнять, поцеловать — выскользнула. Я зашел в комнату, сел на пол и взялся за голову. Мои вещи были обернуты в пленку. Я увидел корешки книг Джонатана Франзена, разорвал полиэтилен и принял-ся читать. У меня же тут запланирован рай, первая в жизни книжная полка. Потом встал и вышел в коридор.

Даша сидела на кухне. Я взял фен в ванной и швырнул о стену.

— Не делай так, — сказала она и вызвала такси в аэропорт.

Я ничего не понимал. Хотел поделиться всеми теми соображениями, которые пришли ко мне в «Счастье есть», но не смог ничего сказать. Я плакал, сидя на полу в ожидании такси. Потом поднялся, достал несколько тысячных купюр из кармана джинсов и сжег их над газовой плитой.

— Зачем ты это делаешь? Что за сцена опять?

— Цитата из фильма, — ответил я. — То есть из книги.

Она смотрела на меня, но мимо меня.

Сквозь.

Я призрак.

Скоро я сидел один в аэропорту. Звонил друзьям, то одному, то другому. Жаловался.

— Сынок, — сказал Валера. — Я не знаю, что тут сказать. Видимо, бог готовит тебя к чему-то большему.

— Я вижу ад, сынок, — ответил я. — Мне придется туда сходить.

Он надвигался. Ледяной огонь разливался по венам, и пока было очень больно, это еще куда ни шло. Но скоро я стану живым трупом. Я прилетел в Москву и поехал в гости к Михаилу Енотову. Сумка с вещами где-то потерялась, наверное, я оставил ее в такси. Михаил Енотов и его жена Света дали мне ужин и вина. Когда я переставал чувствовать боль, в голове появлялась удивительная звенящая пустота. Они меня не торопили, не выгоняли. Провел у них несколько дней. Какие хорошие друзья. Ночами я сидел на кухне и задавал себе вопросы. Потом я увидел люк в полу и открыл его.

Там горел огонь еще более ледяной и более острый.

— Достаточно смотреть, — услышал я голос. — Ты сгоришь, никогда не вернешься.

Я заглянул в этот люк, обжег лицо, и оно потеряло чувствительность.

Я заглянул в этот люк, в котором было коричневое копошение, мучительного кайфа, мои надежды пачкались.

— Да и похуй, — сказал я.

На какое-то время реальность возвращалась. Я пил воду и ходил ссать. Но в зеркале был не я, а коричневая морда человека-пса. Понятно.

— Света, у меня что-то с лицом. Посмотри, я еще похож на себя?

— Я знаю, что она вернется, — говорила Света. — Но это произойдет не сегодня и не скоро.

— А когда?

Мой голос походил на вой.

В одну из ночей я все увидел хуи волосатые красные хуи липкие черные вагины и разодраные серые жопы чертей тьму тоску которая страшнее смерти мои православные друзья спали золотобородый сценарист аполлон и ангелочек по имени Михаил Енотов нежная добрая Светочка Черникова кинорежиссерша из другой эпохи параллельного мира не знающего мира грязи о мои интеллигентные и одаренные друзья они то есть вы дорогие были рядом а я лежал на полу но невозможно было взяться за руки невозможно было дотянуться ни до кого из вас какие-то сценки из смерти ожили тайны начали раскрываться.

Дьявол
висел
рядом,
как сосед на верхней полке
в поезде.
Он сказал:

— Каждый твой зевок будет наполнен моими хуями.

Хуи меня не пугали, хоть и отвращали.

Но пугала тоска, которая была несовместима с мыслью о жизни.

Я почувствовал, что эта же тоска спровоцировала мою маму выброситься из окна в ранней юности.

Я оказался в ней, в матери, стал ею.

Кажется, это был семьдесят четвертый или третий год.

А потом тоска все росла, и вот она смотрит на своего мужика — Валеру — и говорит:

— Стреляй.

Он убивает ее, а потом и себя.

Но это говорит мне Даша.

Это уже мой сюжетик.

Нужно было умереть.

Сначала убивал ее образ, резал его ногтями, а потом склеивал заново. Это продолжалось долгие часы или секунды. Я прошел в темноте на кухню, взялся за ножик, начал резать руку вдоль. Но вдалеке услышал слова молитвы. «Дай мне увидеть свет». В недоумении сел на задницу. Тоску можно было преодолеть, чем одержимее я повторял молитву, тем меньше становилось меня, а значит, и меньшие муки. Повторял этот текст до рассвета, черная кровь вытекала на пол. Попытался поделиться своим странным опытом. Вернулся в комнату к друзьям и включил свет. Но я мог только лаять. Михаил Енотов смотрел на меня из постели с какой-то странной улыбкой. А все, что я говорил, превращалось в собачий лай.

ПРИЛОЖЕНИЕ: МАЛЕНЬКИЕ ПСИХОЗЫ*

**Эти миниатюры возникли в мае нынешнего года перед и параллельно с написанием «Рутины-3», за исключением разве что «Экрана» и «Леса». Эти два парня были написаны еще в конце две тысячи шестнадцатого, во время моего первого пребывания в психиатрической лечебнице. Но я решил, что их тоже нужно поместить в книгу — благодаря их написанию мне удалось тогда воскресить память о собственной личности, сперва пришли эти фрагменты-воспоминания из детства. Думаю, что они напрямую относятся к сюжету этой книги. Я помню, как писал их от руки в тетрадку в больничке напротив «Матросской тишины» в поры напряженной психологической борьбы со здоровенным и свирепым санитаром. Поэтому пусть «Лес» и «Экран» тоже будут здесь, хоть они уже и были опубликованы в книге «Ядерная весна» и прав на них я сейчас не имею:). Но не думаю, что из-за двух тысяч слов издательский дом «Флюид» в лице Вадима Левентяля станет со мной судиться.*

Еще хочу сказать: спасибо, друзья, что были со мной эти три тома и остаетесь последние несколько страниц.

Иллюстрации — в отличие от основного текста романа — к приложению сделал Данил, мой приятель, с которым мы иногда видимся здесь, в Калининграде и его окрестностях. Чтобы не добавлять еще одну приписку, сейчас же и поблагодарю своих первых читателей, редакторов всей трилогии: Костю Сперанского, Илью «Лео» Леутина и Кирилла «Сжигателя Трупов» Рябова. Спасибо вам, друзья, без вашего участия и поддержки навряд ли бы я справился с этим важным для меня делом.

МАЛЕНЬКИЕ ПСИХОЗЫ

1.

Я ночевал у своего друга, Жени Родина, гитариста и кинооператора. Вечер накануне был очень хороший, мы обсуждали фильм «Установщик» с Женей и великим режиссером Игорем Поплаухиным. Это фильм, сценарий к которому мы писали втроем вместе с Кириллом Рябовым и, собственно, Игорем. Хотел собрать команду из лучших, блять. Я там буду играть установщика дверей — на эту идею вдохновился, когда мы с Маратом Басыровым работали на такой работе. Для меня это очень важный сценарий, моя последняя дань памяти другу и наставнику.

Женя Родин должен был стать оператором, но пока сомневался, какие-то претензии у него были к истории с точки зрения визуализации. Но мне показалось, что мы с Игорем его продавили. С утра он меня проводил до метро, и в глазах его была тревога. Хоть и было стойкое ощущение, что фильм состоится, но Женя, казалось, чувствовал лучше меня, что едет моя крыша. Я задыхался от счастья, а потом тревожился, говорил стихами, которые обычно пишут с петлей на шее. Накрыло в вагоне. Понятия не имею, как и зачем я оказался на «Алексеевской». Двери открылись, я вышел и побрел, не зная дороги.

Я спродюсирую великий фильм — будущее мелькало у меня в голове. Ребята сейчас едут в Канны с короткометражкой «Календарь» и там возьмут приз, продюсеры будут вертеться рядом, и через год мы точно запустимся.

Я не заслуживаю такого счастья. Я дьявол. Я не святоша, почему я не ем мяса? Мне нужно мясо убитых животных. Я зло, и я люблю зло в себе. Я зашел в макдональдс и выбрал самый стремный и здоровый бутерброд с говном.

Короче карточка моя почему-то не проходила, не читалась в макдональдсе. Мне нужно было попасть в ад, но я застрял на входе.

— Блять! — заорал я. — Дайте мне говна срочно, срочно, мне нужно в ад, меня там ждут.

Люди с детьми отшатнулись от меня. Очередь заволновалась. Кассирша улыбалась мне, она на этих вратах повидала и не такое.

— Карточка не проходит.

— Пожалуйста, — взмолился я.

Ко мне подошел уборщик и попробовал вытолкнуть.

— Может, хоть немного на швабре осталось?

Я наклонился и попытался лизнуть швабру. Я весь был потный, меня трясло.

— Мой фильм скоро запустится, — сказал я.

— Вам лучше подождать снаружи.

Я думал, что мне надо броситься под машину. Но я застрял, как бы видя развалку судеб. Одновременно умирая, сходя с ума, становясь бомжом. Не то. Это не то, что я должен делать.

2.

Потом пошел в «Шоколадницу» и попросил администратора вызвать мне скорую. Скорая приехала, уехала. Меня не забрали. Я не понимал, кто я такой. Пожалуйста, заберите меня в психушку, уговаривал я. Похоже, я сбежал оттуда. Случилось что-то страшное. Я понял, что моя жена умерла. Даша умерла, а я сижу тут и пытаюсь

скрыть от себя этот факт. Потом я вспомнил, что умерла не она, а моя мать. Че за хуйня, че за путаница, это было. Да, все верно, такое точно было, мать умерла. А с женой — то что? Потом приехала Света Черникова, бывшая жена Михаила Енотова.

— Мне надо к Роме Каримову на собеседование, — сказал я. — Он звал меня писать для него.

Света не поддерживала мою идею, но свозила меня к Роме. Помню очень смутно, что я пил вино у него дома, общался с ним и его продюсершей Яной. Они предлагали мне взять какое-то тестовое задание на дом, но я сказал, что готов выполнять все сразу — я пишу очень быстро и сразу начисто.

— Это же просто для меня. Мне не нужно думать, сцена сразу возникает в голове.

Мы посидели так пару часов.

Света была как моя мама, а я как ебанутый малыш.

— Мне кажется, тебе надо проспаться, — сказал Рома. — Ты сейчас решаешь какие-то проблемы. Душу что ли дьяволу продать пытаешься?

Мы поехали к Свете домой, на съемную квартиру. Она мне дала укулеле и велела играть. Я прыгал с укулеле, мне казалось, что мы дети, нам лет по восемь. Хороший был вечер, кажется, скоро я сошел с ума окончательно. Помню я принимал душ, а света зашла в ванную что-то достать из стиральной машинки. Я прикрыл срамоту, а она махнула рукой, как будто я был ее сыном и сказала:

— Да можешь и не прятаться.

Мама? — подумал я. И вдруг вспомнил, что в 2005 году, когда мы поступали во вгик, у Светы было прозвище. Мы ее звали мамой, потому что она жила одна среди мужиков в большом зале-казарме и никак не реагировала ни на кого в сексуальном плане.

3.

Но теперь надо вернуться в декабрь шестнадцатого. Когда меня первый раз привезли в психушку, я пообщался с психиатром. У меня в голове что-то взорвалось, но я не умер.

— Блять. Я же бог. Смотри, идиот.

Я встал и попытался открыть дверь.

— Ты куда собрался?

— Я сейчас ее открою, и за дверью меня будет ждать жена. И Костя. У меня все хорошо. Это я моделирую мир.

— Нет, у тебя не очень хорошо все, судя по всему.

Дверь не открывалась, я дергал за нее. Как так. Только что же в голове был взрыв, но ничего не произошло. Я не умер. У меня же давление под двести сейчас. А мне похуй, мне можно голову отрезать, а я буду ходить.

После этого мне дали пижаму и вкололи галоперидол. Здоровенный санитар держал меня, а милая тетенька вколола мне ударную дозу прямо в очко.

4.

Я забрал укулеле у Светы и катался с ним по друзьям. Я застрял в гостях у Саши Тананова, оператора, с которым мы снимали «Холодно», «Русский лес» и «Арбузные корки». Короче, я почти не спал и делал параллельно сто проектов. Потом пошел в магазин и вообще забыл все. Я не понимал ни языка, ни реальности, ничего. В одной руке у меня была бутылка вина. В другой упаковка станков для бритья.

— Ээээуууафывафвыа? — сказал я какому-то мужику.

Тот отшатнулся от меня. Я не понял, что это значит.

Замахнулся бутылкой, потом станками. Вдруг я почувствовал, что мужик меня сейчас убьет. Он пошел на меня, схватил за грудки. Я прочитал его мысли, понял, что единственное, что меня сейчас спасет, это фраза:

— Я защекан!

Я повторил это несколько раз, пока мужик брезгливо не попятился от меня.

— Да! Да! Защекан! Я защекан!

Он совсем исчез. Думаю, что я даже не расплатился.

Мое заклинание подействовало и на кассе. Даже охрана побрезговала трогать. Оказался на улице. Там я доебался до гастарбайтеров, они встали в круг. Слушали, но потом не выдержали и отпиздили до смерти, после чего я очнулся опять у Саши Тананова на улице 1905 года. Там у меня было место автосохранения. Я смыл с себя кровь, потом встал посреди кухни и начал мотать пальцами, выкручивать суставы. Я заставлял свое тело переживать негативный опыт в обратном направлении. Скидывал последние дни с него, а еще избавлялся от солей, старых ран и прочего. Соседи Саши были кинематографистами, насмотрелись всякого, не обращали никакого внимания. Ну подумаешь мертвый человек стоит посреди кухни выкручивая конечности бормоча что-то так понемногу превращается в живого наверное наркоты съел или влюбился

5.

На сорок дней Марат пришел ко мне ночью. Я знал, что он рядом, он стоял за спиной. Между сном и явью он попробовал забраться мне в башку.

— Отец, ты мертв, а я жив. Извиняй, не согласен, — тихонько бормотал я, чтобы не разбудить Костю.

— Сынок, придется. Иначе никак.

Так вот зачем ты впарил мне эту книгу «Американская пустыня»? Хотел воскреснуть через мое тело? Программировал меня?

— Сынок, я чувствовал, но не знал. Так было надо.

Я долго сопротивлялся. Но потом сделал разметку и выделил ему некоторые помещения. Живи, отец. Но не командуй. Будешь командовать, отправишься обратно в ад.

— Спасибо, сынок, — ответил он. — Думаю, что и на твоем корабле мы будем проплывать его не раз.

Вдруг я увидел некоторое объяснение, как будто странное знание вошло в меня: «Я не хотел тебя травмировать, не хотел, чтобы между нами была пропасть в целое поколение, типа как между отцом и сыном, поэтому скинул семь лет, прости, сынок, ты такой был честный, такой принципиальный, конечно, подташировало от этого, но я даже испугался». Травмировать? Что за няшная милота, отец отец? Ну скинул и скинулся. Все равно ведь мы никогда друг друга не называли иначе: отец и сынок. Вот так ирония.

Для меня всегда странно, если люди начинают бояться голосов. Некоторые кричат и просят дать им таблеток. Видел я одного в больнице, который бился головой о стену, заглушая голоса. К счастью, я теперь слышу по большей части голос Марата. Я слышал его смех, когда писал вторую часть «Рутины». Чувствовал его внимания, когда доходил до курсивов в третьей части. Марат поправлял меня, иногда даже обижался.

— Вот оно какое, воскрешение. Твое воскрешение.

Иногда он быстро прочитывает, что я пишу, а иногда игнорирует мой текст. Думаю, что про похороны придется писать отдельную повесть. Пока эта тема мне не по зубам.

СТАНЦИЯ

Несколько дней никакой работы не было. Я выходил на заледеневший пустырь, обливаясь холодной водой. Стоял, глядя на гусиную кожу, — дышал и жил. Пустая трасса уходила в бесконечность. Редкая птица, звук ветра, звезды или холодное солнце — мертвый мир. Возвращался в штаб, в одиночестве прыгал, согревался, растирался и одевался. Включал и выключал обогреватели, подметал и так почти чистый пол, заваривал пакетированный чай, варили для себя и пленников завтрак: овсянную кашу или смесь из пяти злаков, добавлял соленый арахис или какой-то фруктово-ореховый коктейль из пластиковой упаковки или же крошил печенье «Орео». Свежих фруктов и овощей в наличии не имелось. Здесь раньше была заправка, на складе еще оставалось достаточно сладостей, до которых я не большой любитель, и жалеть я не видел смысла. На обед и вечером давал им столько, сколько они хотели. Эти люди не пытались убежать, не пытались сопротивляться, не вели себя грубо, не портили мне жизнь. Они были сломлены, и я не видел смысла издеваться над ними, скорее, хотел скрасить их обреченное существование. Книги я уже перечитал несколько раз, интернета не было. Мне нельзя было общаться с пленными, поэтому я давал им еду, потом забирал посуду, мыл тарелки в туалете для персонала (пленные были заперты в большой уборной для посетителей), сидел на месте продавца, закинув ноги на кассовый аппарат, вспоминал стихи. Мне удалось вспомнить «Облако в штанах», которое я выучил в школе, потом

часть поэмы «Флейта- позвоночник», письмо Онегина к Татьяне, фрагменты Тютчева, Блока, стихи Варлама Шаламова, несколько верлибров из «Стихов последней ночи на земле», переводы Тумаса Транстремера. Я выписывал чужие стихи на бумагу для чеков. Иногда брал фрагмент одного стиха и прилеплял к другому. Пистолет всегда был наготове.

Мобильник зазвонил. Я включил его и молча приложил к уху.

— Одного сегодня к обеду.

— Которого? — спросил я.

— Любого. Еще вопросы есть?

— Нет, товарищ, — горько усмехнулся я.

— Влагалище. Не унывай, не ты первый, не ты последний.

Мне пришлось использовать стихотворение как считалочку. Но я не мог показывать на них пальцем, поэтому сделал это заранее, перед дверью. Вообразил себе их: семь человек, я не знаю, как там они расположились внутри. Допустим, я бы вошел и начал отсчет с первого слева. Так даже проще: я не вижу лица. «У меня — в сердце — есть — синяя — птица...» Закончив счет, я открыл дверь. Мой взгляд и его взгляд встретились, третий слева. Он сидел на лавочке и сразу все понял. Он встал.

— За мной?

Я подождал, пока он выйдет, и закрыл дверь на ключ. Он застыл посреди торгового зала.

— Хочешь что-нибудь?

— Нет.

Мы вышли на площадку, обошли заправку и остановились.

— Точно не надо? Поссать, поесть, попить?

— Лучше скажи мне свое имя и фамилию.

— Зачем?

— Подумай. Надо же познакомиться.

Он отвернулся и смотрел на лес. Я назвался. Он повернулся и посмотрел на меня с любопытством. Даже немного ожила.

— Точно. А я думал, кого ты мне напоминаешь? Я же читал твою книгу в детстве.

— В каком еще детстве?

— Мне всего двадцать шесть, — сказал он и опять помрачнел.

— Думал, старше. Прости. Редкий тип попался. Интеллигентный, значит, мент, — последнее как будто само вырвалось у меня, показалось, что это прозвучало обидно.

— С чего это я мент? — дернулся он.

— Ну или охранник. Не похож на банковского. Извини, если обидел.

— Обидел? — он презрительно сморщился. — Ладно. Я буду смотреть туда.

Он опять уставился на деревья.

У меня не получалось. Не поднималась рука, не слушалась приказа. Прошло примерно полторы минуты. Я смотрел, куда смотрит он, на слегка заснеженные елки. Он повернулся:

— Давай сюда.

Мы смотрели друг другу в глаза. Его взгляд уже ничего не выражал.

— Не бойся, не наебу. Смысл?

— Я ничего не боюсь, — я бросил ему пистолет и отвернулся. Хорошо бы сейчас ебнуло, и десять секунд черного экрана, как в «Клане Сопрано», — почти успел подумать я, как раздался выстрел. Слишком быстро. Правда ведь, не обманул. Я взял пистолет — как будто бы теплый от его руки, а не от выстрела — и убрал за пояс. Мне пришло отколоть значок «Кузбасс» от

джинсовки и ткнуть острием себя в ногу. Моя подруга подарила мне несколько лет назад: на, говорит, помни Родину.

То ли пошутила, то ли нет.

ВСПЯТЬ

Это были выходные в командировке. Я не ел двое суток, и болезнь отступила. В середине дня дочитал роман Ричарда Флэнагана «Первое лицо». Его мне посоветовала моя девчонка — она еще была в другой стране и сейчас делала, прямо в эту минуту, колхозную операцию по увеличению верхней губы. Смутившись вкуса возлюбленной, вышел на турнички. Нечего было ожидать спортивных свершений после запоя и едва отступившего гриппа. Получилось лишь четыре раза. Тело в ломке, мучительной и приятной. Растиянулся, поприседал, огляделся в этом спальном районе. Двор огорожен свежими и мрачными шестнадцатиэтажками, за ними лес, а в проходах между домами всегда свистит свирепый ветер. Весна и не думает наступать, ненавижу февраль. При мне были пластиковые бутыли по пять литров. Я дошел до соседнего двора, достал всю мелочь из карманов куртки и заправился в автомате с питьевой водой. Хозяйка, у которой я остановился, была совсем молодой бабой, студенткой, и я пытался прибить ей ко лбу ценный совет: пить больше воды. Чуть-чуть не хватило, одна баклажка осталась незаполненной на два пальца.

Вернулся в квартиру. Странно, так тихо. До поезда оставалось несколько часов. Я открыл окна и решил прибраться. Подмел собачью шерсть, протер кухонный стол, помыл плиту. В раковине оставалась сковорода, пахнущая животным жиром. Я залил ее средством для мытья посуды, чуть не блеванув от запаха жареной котлеты. После голодовки чувства обострились: слух, обоняние, аппетит и брезгливость.

Вдруг я понял, почему так тихо, и почувствовал жар, разливающийся от ушей по всему лицу.

— Бусинка?! — то ли спросил, то ли позвал я.

Несколько минут я бегал по квартире. Уборная, коридор, комната, кухня. Попробовал вспомнить, кто я. Последние годы. Да: развод, путешествия, работа, интрижки, психиатры, деньги, отсутствие денег. Последние дни: этот город, финальная пьянка, секс с хозяйкой квартиры, ее крики и первый в моей жизни сквирт. Потом решение забыть этот пьяный инцидент и остаться друзьями, мой уход на кухню, собачий диван и отходняк, температура, болезнь, выздоровление. Вот мой чемодан, вот шерсть Бусинки — тут точно была собака, это мне не приснилось. На всякий случай я достал айфон, залез в свой инстаграм и нашел пост с ее фотографией. Черный мопс на фоне белого пола. Сидит и грустно смотрит в кадр, как игрушка. Я специально добавил контраста и задрал экспозицию, чтобы чернота казалась избыточной, нереальной. Куда ты, тварь такая, исчезла? Я открывал шкафы и звал ее. Даже зачем-то в холодильник залез. Посмотрел под кроватью. Нет, у Бусинки не такой характер, она не стала бы прятаться. Провалы случались со мной очень редко, но иногда личности действовали несогласованно. Я попытался собрать голоса воедино и устроить собрание. Но они молчали, никто не выдавал предателя.

— Нужно было пить нейролептики, что ты о себе возомнил? Сука тупая.

Я ударил себя по лицу.

Выглянул в окно: вдруг одно из моих «я» убило собаку? Ничего такого: деревья, ветер, никаких собачьих трупов. Что-то шептalo мне: прыгай. Я силой затянул себя в квартиру. Это я уже проходил. Видение ада, потом как получится: либо опять проживаешь всю жизнь

от растения до амебы, от океана до суши, от земноводного до человека вплоть до этого момента и опять борешься с искушением; либо, если хватит воли, просто поворачиваешь время вспять и спиной влетаешь обратно в окно, после чего идешь в подъезд и ходишь по этажам. Этаж за этажом, а потом включаешь логику и догадываешься, что же произошло. Точно — вспомнил. Я подошел к двери, сел на пол и попробовал успокоиться. Через несколько минут услышал поворот ключа в замке.

— Бусинка, тихо, тихо. Не спеши.

Хозяйка, красная и радостная после прогулки, спросила:

— Ты чего тут сидишь? Подожди, Буся, дай лапы помыть, ну-ка!

Собака полезла ко мне лизаться. Я немного почесал ее бока и оттолкнул от себя.

— Да убирался и решил посидеть на жопе. А ты почему не на учебе?

УЖИН

Трапеза оставляла желать лучшего. Позавчера получил сообщение, что все приготовлено, хотя она (баба, о которой идет речь, но далее просто «она») знала, что я приеду лишь сегодня. Пытаясь удержать пищу в себе, подсчитывал, сколько часов мой ужин простоял на плите и в холодильнике. Сам редко оставляю блюдо даже на следующий день; может быть, конечно, казалось, что еда подпорчена, я был предвзят. Некоторые люди так и живут: готовят на несколько дней вперед, дураки, экономят время. Для меня это все равно что мыться раз в несколько дней. День — отдельный мир, он рождается и умирает, еда должна быть свежей, приготовленной в этой жизни.

С супом я справился, поперчив, а вот лобио не осилил. Кабачок съел наполовину. Вкус фасоли еще несколько дней будет со мной — показалось, что отдавало тряпкой. Попросил кофе. Был слегка накурен, окажись еда вкусной, сожрал бы сколько угодно. А потом бы нас ожидала классная ебля, если бы не эти духи, я бы хорошенъко полизал.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты не можешь смотреть на меня, куда смотришь?

— У меня карусель в голове. Ты когда-нибудь записывала девять песен за один день? — я поводил руками вокруг черепа. — Столько фраз, столько видений, и я не могу держать взгляд.

— Не доводилось.

Выглядела она отлично. Когда получил уведомление в инстаграме — фотку с моей книгой, на которой она

отметила мой аккаунт, — у меня встал. Сейчас же было понятно, что это просто один из унылых вечеров, и его надо перетерпеть. Мы поговорили о семье, о чем-то еще. Я очень устал, много работал эти дни, был на автопилоте.

Поцеловались. Она сказала:

- Ты целуешься как мой дед.
- Зачем ты целуешься с дедом?
- Он всех целует, он из Запорожья.
- Не замечал. Люблю Украину, но деды меня там не целовали.

Я достал две книги и подписал. Одну для нее, вторую для деда. Она говорила, что он любит Уэльбека, и я вспомнил, что в первом романе — сцена с его участием.

Квартира была просто роскошная.

Мы переписывались почти месяц, даже думал, что если у нас что-то получится и я вернусь жить в Петербург, то перееду сюда. Есть общие интересы, у нее заработка и жилплощадь, у меня издательство, книги, музыка. Можно попробовать уже быть меркантильным, романтика ушла из жизни.

Уборная на первый взгляд выглядела хорошо. Но мне не хватало чистоты. Ведь писала, что основательно убралась к моему приезду, но я видел пыль в углах, волосы в стоке ванны, налет на полочке под зеркалом. Если бы я делал уборку — этого бы не было. Тем более моя жена. Как бы бедно мы ни жили, мы любили чистоту. Поливая тело горячей водой, напомнил себе: бывшая жена. Вода утекала, шевеля волосы внезапной дамы, застрявшие на металлическом кольце стока, и мне физически было не приятно от сопливой сырости, которую я там наблюдал.

Палец в пизде, сам я не здесь. Она сидела на мне.

— Ты так пишешь, кстати. Как будто все бабы хотят тебе сосать, — сказала она, понизив голос.

— Да? А ты не хочешь? Мне всегда казалось — это

особенность моей физиологии, — ответил я.

Она уставилась на меня сверху.

— Шутка, — сказал я и попробовал засунуть в нее хуй. Но она слезла и пошла за презервативом. Вручила мне, как будто сам я и должен его надевать.

— Мы можем тогда просто сесть в разных концах комнаты и подрочить, — предложил ей.

Она ткнула меня кулаком и приказала надевать. Я раскатал. Пахло резиной и терпкими духами, не самые любимые мои запахи. Она попрыгала на мне минут десять, периодически целуя, разгоняясь и постаяньявая. Решив, что пора поменять позу, я лег сверху. На всякий случай целовал шею, ускорял и замедлял темп. Ввинчивал в нее хуй как саморез, делал просто что-то по памяти, наяривал без энтузиазма, но по годами отработанным стандартам. Накуренный все же чувствовал немного член, но будто бы он где-то в шершавой копнуре — трется о резиновые стены. Пытался вспомнить свою любимицу последних месяцев, актрису Autumn Falls. Она добрая, искренняя, напоминает одну мою бывшую девчонку, хохлушку. Вспомнил, как нам было хорошо, зачем я все испортил? Через какое-то время получилось кончить. Мы выпили воды, я отправил убогий пакет с потомством под раковину, и по очереди подмылись. Перешли из гостиной в спальню.

Она расправила постель, погасила свет. Лежал под одеялом и слушал звук настенных часов.

— Никогда не спал под это, — пожаловался я.

— Можешь лечь в гостиной.

— Да ладно, здесь тоже ничего.

Она трогала хуй.

— Давай с утра, — попросил я.

— Нет, он уже стоит.

Она дала мне новый гондон.

— Нет, это совсем не годится.

Я сходил за своим в коридор, подсвечивая телефоном: в рюкзаке у меня были тонкие. Я кинул ей на тумбочку несколько про запас.

— Вот, может, и тебе пригодятся. Нашего брата не мучить.

— Кого не мучить?

— Нашего брата. Великих людей не мучить дрочкой.

Лег на спину в надежде все-таки получить если не ми-нет, то хотя бы какое-то ласковое внимание.

— Кто тут такой великий, — спросила она, дроча мне, как, наверное, надрачивают быку, чтобы он осеменил корову.

— Я не смогу кончить второй раз из-за антидепрессантов, — соврал я.

— Сможешь.

— Мне нужен сосыч, — сказал я чистую правду.

— Не нужен.

Я развернул презик, натянул, вставил, поработал минут пять и решил скоро сдаться. Поменял позу, протянул еще две минуты и сдался:

— С утра. Никаких сил нет.

— Да что с тобой? Фу таким быть.

Она ворочалась, часы тикали. Снилось, что я записываю песню под метроном шестьдесят ударов. Тут кровать сотрясалась — она стягивала одеяло, пинала меня, бормотала сквозь сон. Эти бриджи было не предсказать, они портили всю аранжировку. Я открывал глаза и смотрел во тьму в испуге. В середине ночи понял: спать больше не смогу. Почему не уйти прямо сейчас? Я взял себя за член и представил жену. Как она хорошо пахла, какая она настоящая. Если проснется — засуну без гондона, найду уютное воспоминание и кончу на лицо. С утра сразу уеду, даже кофе не выпью. Другой мир, и надо навязать ему

свои правила, воткнуть стяг. Мне вспомнилось описание бритвенного станка Стредлейтера как признак того, что он грязнуля. Нет, никаких оргазмов в этом доме у меня больше не будет.

— Ладно, еще увидимся, — сказал в дверях. Мы обнялись. — Было приятно познакомиться.

— Не думаю, — ответила она.

— Не увидимся или не было приятно?

— Нет, — ответила она.

На этом я вышел, и дверь захлопнулась. Мне нужно было ехать к коллеге, поэту и издателю Максиму Тесли, чтобы принять груз, очередной тираж моих книг.

ЛЕС

Лучшее, что было в детстве — прогулки с отцом по барзасской тайге. Если из наших общих воспоминаний сделать одну историю, начнется она примерно одинаково, но закончится по-разному. Первое — их ссоры. Папа и мама ругаются на кухне. Мне же всего три года, я сижу в комнате. Сначала просто страшно, я жду. Они говорят тихо, и до меня доносятся лишь мамины гласные и гул папиного голоса, у него низкий голос. Они прибавляют, и растет мой страх. Скоро мама закричит. Это команда для моих слез, тихого плача. Если я слышу, что они борются, кряхтят, мама пытается ударить отца, то подключаю сигнализацию, чтобы спасти его. Мой визг помогает, для них это сигнал — хватит. Ссора затихает.

Мама остается на кухне, ждет, пока папа уйдет из дома. Он заходит в комнату. Берет меня, заплаканного, на руки. Он одевает меня в кофточку, накидывает курточку, помогает обуться. Сам я еще не отошел, не могу собираться, не оправился. Мы с папой выходим из квартиры, я слышу на кухне всхлипы мамы.

Спускаемся по лестнице, выходим из подъезда, проходим двор, мои слезы высыхают. Смотрю по сторонам, отвлекаюсь. Переходим центральную дорогу, Дом культуры, тут я уже устаю идти пешком. Папа берет меня на руки. Я расслабляюсь. Отдохнув, начинаю задавать вопросы:

— А мы сегодня дойдем до реки?

Он зацикливает меня к себе на шею:

— Нет, сегодня просто прогуляемся по лесу.

И сразу же за Домом культуры высоковольтная линия. Мы проходим под проводами и оказываемся на тропинке, ведущей в настоящий лес. Я спрашиваю, встретим ли мы бурундука или белку. И папа отвечает, что сам не знает. Все зависит от них, а не от нашего желания их встретить. Везение. Я сам знаю, что такое невозможно предсказать, но мне хочется задавать ему вопросы, и я задаю самые нелепые.

— А какая глубина в Барзасе? Шесть метров?

— Думаю, метра два.

— Так мелко, — радуюсь я. — Это значит, ты сможешь достать там до дна?

— Смогу, — отвечает папа.

Мы входим в лес. Когда папа устает, он спускает меня на землю. Мы идем, держась за руки. С одной стороны пустая дорога, с другой стороны — настоящий русский лес, который живет, дышит, звучит голосами разных животных. Папа находит пару ягод малины и скармливает их мне.

— Какую ягоду можно есть? — спрашиваю я. — Малину? А еще?

— Костянику, — отвечает папа.

— А какую нельзя есть?

— Волчью нельзя.

— Заболит живот?

— Да. Сильно заболит, не стоит ее есть.

— Пусть тогда волки ее и едят. Здесь же живут волки?

Солнце краснеет и спускается за деревья. В сумерки мы устаем гулять. Это значит, нужно поворачивать обратно. Всю дорогу домой я уже проведу у папы на руках или на шее. Я больше не способен генерировать свои детские вопросы, поэтому он читает мне стихи. Он знает наизусть Хармса, Успенского, что-то из детского Маяковского. Но для меня пока не существует этих

авторов. Для меня есть только голос отца, и папа сам создает эти истории на фоне леса. Я не сомневаюсь, что он придумывает их в настоящий момент.

Чаще всего он читает мне «Великан с голубыми глазами» Назыма Хикмета. Это первое стихотворение, которое я выучу в детстве, которое отчасти запрограммирует мою жизнь. Не знаю, как там решит редактор, но я хочу привести его сейчас целиком (вдруг у читателя, как у меня сейчас, нет доступа в интернет):

*Был великан с голубыми глазами,
он любил маленькую женщину.
А ей все время в мечтах являлся
маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.*

*Великан любил, как любят великаны,
он к большой работе
тянулся руками
и построить не мог
ей теремок —
маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.*

*Был великан с голубыми глазами,
он любил женщину маленького роста.
А она устала идти с ним рядом
дорогой великанов,
ей захотелось
отдохнуть в уютном домике с садом.*

— Прощай! — сказала она голубым глазам.

*И ее увел состоятельный карлик
в маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.*

*И великан понимает теперь,
что любовь великана
не утрятать в маленький дом,
где растет под окном
цветущая жимолость.*

В папиной версии этого воспоминания я говорю:

— Это ты — великан с голубыми глазами.

— Куда уж мне, — отвечает он и уже представляет, как будет пересказывать эту историю своей жене — маме — за ужином, когда мы все сядем за стол, и сестра с нами, попробуем делать вид, что не было никакой ссоры. Папа даже заготавливает такой застольный комментарий: «Когда я говорю, что во мне сто семьдесят, — преувеличиваю, да и глаза — серые».

А я помню другое. Помню, как обиделся на это стихотворение. От голода у меня начинает болеть живот. Но говорю я не про живот, а только про стихотворение. Не знаю, как это передать сейчас с помощью прямой речи. Ведь я описываю случай спустя двадцать восемь лет. Какие слова я тогда подобрал? Но точно помню смысл. Я говорю ему, что не хочу, чтобы мама уходила к карлику. Не хочу, чтобы великан оставался одиноким. Всей своей жизнью докажу, что такого не будет.

Мне сейчас не нравится это стихотворение до боли в животе.

Но папа снимает меня с шеи, как-то очень удобно берет на руки животом вниз, и одна ладошка намагничивается,

оказывается на моем животе, прямо на самом больном месте. Тепло папиной ладони успокаивает эту боль, впитывает ее в себя, боль заглушается ощущением теплого.

— Стихотворение не об этом, — говорит он.

— О чем? — спрашиваю я.

Он недолго думает. Мы уже выходим из лесу. Его ладонь все еще на моем животе. И он говорит:

— О том, что надо вовремя ложиться и вовремя вставать. А если заболел животик, тихонько пукнуть.

На секунду я обижаясь: он издевается надо мной. Но обида быстро проходит, и мне становится так хорошо, как будто это самые добрые слова, что я слышал в жизни.

— Пукнуть, — говорю я и смеюсь.

ЭКРАН

Первые шаги в качестве режиссера я сделал в январе 1994 года. Папа через газету, в которой работал, как-то пересекался с тележурналистами, которые дали ему здоровенную видеокамеру. Садись, говорит мне папа, смотри в объектив. Два резца у меня уже выросли, здоровенные, кроличьи, торчат. Лохматятся волосы еще совсем светлые, я худой, бледный и смазливый, типичная жертва малолетних хулиганов.

— Что делать? — спрашиваю я у папы.

Но вдруг сам придумываю, зажимаю нос пальцами, чтобы мой голос звучал как у переводчика. К тому времени я посмотрел три фильма на видео: «Кинг-Конг снова жив» и «Крепость» в салоне и «Бетховен» в квартире очень много раз, ведь это была пока единственная видеокассета в моем новом доме. Все три фильма были переведены одним гнусавым голосом.

— Десять анекдотов про Штирлица, — говорю я и делаю паузу, ожидая, пока появится и исчезнет воображаемая заставка.

Мне было восемь, и последний год был горазд на биографические повороты. Я поздно научился читать, зато сразу по-русски и по-английски, параллельно освоил язык программирования Qbasic на приставке ZX-Spectrum (не овладел в совершенстве, но уже мог написать код для простой рисовалки и вывести квадратным курсором рожицу или слово «жопа» на черном экране телевизора) и успел испытать разочарование из-за того, что мне не хватает ума и инструментария для создания игр в

кьюбейсике. В октябре парень моей мамы выстрелил ей в живот, после чего сразу расправился с собой — убил себя в сердце. Добродушный, склонный к полноте инкассатор тридцати трех лет, любивший играть в «Денди» и стаканами пивший воду из-под крана, просивший мою сестру (даже моя родная сестра, самая неуправляемая и дерзкая из людей, была с ним обходительной, ей приятно было прислуживать ему, Валере, — обаятельнее человека мы за жизнь не встречали) налить ему воды, но сперва слить лишнее, чтобы было похолоднее. Он навсегда связал для меня любовь и смерть и заложил фундамент, на котором вырастут все мои творческие конструкции. Потом были домыслы, поиск причин, папа, пахнущий междугородним автобусом, как когда он еще жил с нами и каждый день ездил на работу в другой город, бабушка, которая готовила нам еду, мамина трехдневная кома и смерть, о которой бабушке сообщили из больницы по телефону. «Слезами горю не поможешь», — сказал я по заготовленному сценарию, когда бабушка предложила обняться и поплакать. Но я не плакал. Заплакал уже позже, на похоронах. Я полчаса посидел на диване, потом тупо продолжил играть в «Бомбермэн». Мне пришлось навсегда расстаться с обоими моими друзьями и переехать из стотысячного Березовского в пятисоттысячник Кемерово к папе, папиной жене и двум ее детям (моя сестра пока свалилась на бабушку и дедушку), научиться мыть посуду и пол на кухне, принять и разделить со своими братом и сестрой обязанности дежурного.

— Анекдот первый, — я загибаю палец. Декламирую про «дуло» и форточку, потом загибаю второй палец, уже не очень уверенно рассказываю про Мюллера и дятла. Только сейчас я задумался: а что значит этот анекдот? Я смеялся, когда кто-то другой его рассказывал, за компанию и не понимал смысла. Заканчиваю неуверенно.

Где же взять еще восемь анекдотов для моего импровизированного шоу? Загибаю третий палец и не могу вспомнить ничего.

Мои уши становятся теплыми и (я это понимаю по легкому зуду) розовыми:

— Все.

Какой же я глупый, очень больно осознавать это.

— Что все? — спрашивает папа. Мне кажется, он глумится над моим позором.

— Закончились анекдоты.

И я закрываюсь, чтобы не было видно слез.

— Не снимай, не снимай, не снимай! Закончились!

— Ты чего так расстроился? — спрашивает он и все не выключает камеру, я смотрю в экран с ненавистью и вижу этот красный огонек: мой позор навсегда записан на видео. Папа действительно удивлен:

— Ты чего как девчонка?

Я прячу лицо под ворот футболки, замер так. Не шевелюсь в этом домике, пытаюсь не существовать, так обжигает стыд. Я не дышу, меня нет, пока он не выключит камеру.

СЕМЬЯ

Кирилл Рябов давно хотел получить этот текст. Мне же хотелось забыть эту сценку, а вернее, спрятать даже от себя, но, поскольку книга посвящается Кириллу (а не только Даше, которая вряд ли дочитает до этого места), как упаковка индийских папирисок ко дню рождения, и темы для текстов задает он — именинник и редактор, — теперь не отвертеться.

Это случилось 15 апреля 2017 года. Проснулся в гостях у своего друга и концертного директора, скурили по плюшке. Он спросил:

— Снимешь клип для пацанов?

— Да, босс. Я в деле.

Он видел, что мне тоскливо, пытался помочь с работой.

— Тогда я звоню Олегу и Роману. К Роману зайди сегодня.

— Обязательно. Все сделаю, будет лучшее видео, — на-верное, единственный раз так нагло обманул концертного директора. Снимать ничего не собирался.

Вышел на улицу. Постоянного жилья не было, все вещи первой необходимости были с собой, в рюкзаке. По утрам в то время не знал, где окажусь ночью. Ну все, мир, пока — так подумал. Выкинул рюкзак в мусорку, какие там модные видео. Была свободных пара часов, в которые встретился с молодой и не очень популярной певицей. Поговорили о музыке, выпили по сидру, съели по фалафелю. Сходил в туалет, прополоскал рот, понюхал подмышки. Бродил свежий. Вышел, обнялись, поцеловал

в щеку. Прошлись, подержались за руку. Поцеловала в губы.

— Ладно, мне пора.

— Хочешь, я с тобой? Ты куда?

— Не думаю, что можно. Я в бордель. Хочешь подождать меня? Я на час.

Певица слегка скривилась и ответила:

— Наверное, нет.

— Заберешь поцелуй обратно? — пожал плечами.

— Оставь себе, ладно.

Через пятнадцать минут меня встретила дама на репшшене, а затем девчонка в шелковом халатике, которую стоило называть Лерой. Это был неизбежный опыт. Понял: нахожусь в собственном рассказе. Значит, план покончить с собой был подделкой, так как этот рассказ есть, он уже тогда был реальнее дней, реальнее чувства утраты, реальнее неразделенной любви.

— Поможешь натянуть простыни? — спросила Лера.

— Конечно.

Потрогал ее за губу, поцеловал.

— Фу. Ты пил.

— Кружка сидра всего. Можешь снять халат?

Пока мы натягивали простыни, смотрел на ее силиконовую грудь и белые кружевные трусики. Автоматически встал, без всякого участия личности, как будто кнопку нажали. Не от страсти — а от формальностей. Лег на простыни, но она сказала:

— Иди в душ.

Постоял под душем, вытерся, вернулся. Снова лег на спину. Подергала. Спросил:

— Есть тонкий?

— Конечно.

— Спасибо. Это мой первый раз.

Посмотрела в глаза.

— Никогда не был в таком месте. Мне все это интересно.

— Многие приходят по два раза в неделю.

— Да? Как на психотерапию?

Погладила туловище. Поцеловала живот. Очень свежая.

— Расслабься, не наблюдай, будь здесь.

— Мудро.

Кожа просто замечательная, юная, живительная. Самая дорогая девчонка, выбрал по прейскуранту, пахнет супер, глаза добрые, взгляд простой и честный, губы пухлые, настоящие. Нос — правлен хирургом. Было приятно и грустно, так и сказал:

— Приятно. Грустно.

— Почему грустно? — искренне встревожилась.

— У меня годовщина свадьбы.

— Это грустно?

— Жена-то ушла.

Надела ртом.

— Не спеши.

— Я никуда не спешу.

Сжала со словами:

— Значит, ушла. Интересно почему?

— Ничего не чувствует.

Села сверху, но пока рядом. Еще не попал внутрь, но уже не терпится. Целует лицо, но не губы.

— Я совсем не пью, — так объяснила. — Не могу даже терпеть.

Все равно хорошо. Взяла лубрикант с тумбочки, немного смазала себя. Села поверх. Вот это и случилось. Минута, две, десять. Перевернула ее; прошептала на ухо:

— Отпусти ее.

Погладила волосы. Прикусила мочку, нежно сдавила мошонку. Замер, кончил в презерватив. Сердца бьются. Вышел, подмылся, вернулся. Лежали рядом, трогала мои

губы. Вдруг поцеловала страстно, стала спускаться по телу, лизнула без презерватива. Сразу как будто проснулось все внутри. Настоящая женщина, несмотря на силикон и этот правленый нос. Схватился за искусственную грудь, но потом стал гладить ее руки, талию, плечи, ноги. Взяла в руку, потерла о розовое, как будто так и надо.

— Спасибо.

Села сверху, неужели. Да, наживую, не предохраняясь, и никакого лубриканта на этот раз, все и так влажно и горячо. Склонилась надо мной и сказала:

— Как будто мы семья.

Повторил благодарность. Потекла слеза. Сказал:

— Подожди.

Легли рядом. В ней хорошо, сжимает, разжимает.

— Не хочу кончать. Хочу этого чувства.

— Ты смешной.

— Тебе смешно?

— То есть сумасшедший.

Лежали, если бы сжала чуть сильнее, кончил бы. Чувствовала. Ослабляла хватку, целовала руки, отвлекала, чтобы не кончил. Почувствовал, что время выходит. Оделся.

Лера накинула халат, пожала мне руку. Встал на колени. Поцеловал ее между ног:

— Спасибо.

— Сумасшедший. Киску он поцеловал.

Вышел. Куда мне теперь? К другу. Думал, что завтра — не будет, обещал режиссировать музыкальное видео для его популярной группы, все равно не собирался отвечать за слова. Нужно отказаться от этой работы. Что дальше? Добрался до мусорки, достал рюкзак, отряхнул. Зашел в торговый центр, в уборной оттер с него остатки помоеv.

Пошел к другу. Он спросил, как провел день. Рассказал в деталях, отстраненно, без метафор и плоско.

— Ты идиот?! — засмеялся друг. — Не подходи ко мне. Иди на гепатит проверься.

— Это ты мне говоришь? Человек, который ставится мефедроном?

— Это другое!

— Ладно тебе. Уверен, что от проститутки шансов меньше всего. Они же проверяются, предохраняются. Это все равно что в больнице простыть.

— Пожалуй, ты прав.

Друг поставил мне свою новую песню. На нее должен был снимать клип, но так и не сниму, конечно. Моему другу оставалось жить три с половиной месяца.

МЕЧТЫ

Мечта рисовать мультфильмы (хотя долго не умел различать цвета) и играть музыку возникла, кажется, еще раньше, чем появилась память. Наверное, человек — это воплощенные мечты, а не чья-то сперма и яйцеклетка. Как дальтоник и аутист, не мог разобраться с половой самоидентификацией. Слух был хороший, но далеко не идеальный, сперва слова «Женя» и «жена» не имели разницы.

— Как я могу быть мальчиком и одновременно чьей-то женой? — такой вопрос звучал в голове.

Когда отдали в ясли, кажется, разобрался, что к чему. Дети лежали в каких-то маленьких кабинках и неразборчивым криком поведывали странные истории своей боли. Когда их складывали в одну кучу — ползали друг по другу и трогали гениталии друг друга, сравнивали, у кого что больше, и обмазывались калом. Те, кто держал нос по ветру и был сметлив, к четырем годам уже забирались к кому-нибудь в трусики. Испуганно наблюдая за этими зверушками, тоже заметил у себя «письку», которую было очень приятно трогать. Обычно делал это в кроватке, когда ухо переставало ловить их сигналы «я стану президентом» или «я выбью весь мир!», «я хоть и шлюха, но святая» и «дайте покушать, где моя мама?!». Предпочитал трогать себя в одиночестве. Собственно, если бы женщины не проявляли интереса к белобрысому пухлому добрячку, вряд ли бы ими заинтересовался. Но, почувствовав их внимание, заразился этой сексуальностью, стал рисовать над кроваткой какое-то

ангелоподобное и с сияющими волосами существо, которое склоняется сверху, дает пососать грудь, а затем спускается к ногам, берет письку в рот. Брался за эти светлые воображаемые — белее собственных — волосы, и они становились реальными, разбухал, и хотелось, чтобы это счастье не кончалось, но голова начинала болеть и кружиться. Реальность возвращалась, видение погибало. Чтобы унять тошноту, ложился на бок. Засыпал с болью в желудке и мочевом пузыре.

- Спишь на спине или на животе?
- Сплю на боку.
- Как это? Почему?
- Потому что у моего деда фамилия Бакунин! — так отвечал.
- На тебе в бок. Лови, Бакунин! — и удар.

Расстраивался, прятал слезы обиды. Сидел в углу. Разговаривать было нельзя. Только дома, с отцом. Его тембр был приятен, успокаивал. Тревога прекращалась, и боль с тошнотой отходили на второй план. Еда дома была вкуснее, но ее клали слишком много. Не мог доесть. Только гороховый суп любил, туда не клали животных. Когда пукал от этого супа, отец смеялся.

— Зловонник, — говорил он.

Остался бы асексуалом, наивным ангелочком, развещивающим по дому рисунки и смотрящим на реальность, как на сон. Как любимые писатели — они уже давно лишиены тел, — на которых предстоит еще наткнуться, славные аутисты, великие ангелочки. Это даже не писатели, это языки, самые простые и честные, самые музыкальные и добрые. Их много, и никакие слабоумные редакторы, переводчики, верстальщики и издатели не смогут исказить их послание: постмодернизму пиздец. Его больше нет, пока! Но в том детском саду он еще вовсю торжествует: угол, стул, никаких разговоров. На несколько лет

правило — не разговаривать с детьми и незнакомцами. Сидел один, выводил рисунки, понял, что такое перспектива. Объекты вблизи крупные, те, что дальше, — меньше. Воспитательница увидела, отняла рисунок.

Расстроился, заплакал.

— Ты чего, глупый, верну.

На обеде показала всей группе.

— Смотрите, у нас художник!

Вышли на прогулку.

— Ты художник?

Огляделся. Улыбается, наверное, нормальный. Кивнул.

— Лови, художник.

В сугробе холодно, нечем дышать. Не дает выбраться, толкает, ломает моим лицом эту корку. Оцарапал лицо, мычу и плачу от бессилия. Слышу взрослый голос:

— Не трогай его, Карлов. Пошел отсюда.

— Раиса Евгеньевна, мы играем!

— Пошел.

Можно еще писать. Отец — корреспондент. Он пишет. Еще он читает мне разные стихи и Денискины рассказы. Но сами буквы — это не очень интересно, вернее, непонятно. Открывал книги, разглядывал их, все маленькие, похожие друг на друга, сделаны из черных закорючек. Неужели все их можно запомнить? Знаю те, из которых сделано мое имя, а также точки и запятые. Неужели из них можно будет составить историю? Нравилось просто разглядывать, не хотелось знать, какими следуют расположиться. До сих пор их разбрасываю скорее наугад.

ПОЛУТОНА

Помню тот невыносимый день под лекарствами три с половиной года назад. Ты приехала в Москву, свежая, красивая, худенькая.

— Соскучилась, — сказала ты.

Наверное, мы по-разному понимаем это слово. До этого ты почти уничтожила меня, сказав, что ничего не чувствуешь. Месяц в психушках, потеря памяти и медленное ее восстановление. Препараты от галопериодола до оланzapина, и я набрал восемь килограмм. Мы выпили по бутылке пива и легли в обнимку на моей ночлежке у Костика дома. Кот Марсельчик ходил рядом, мы вдыхали книжную пыль и его шерсть.

Обнял тебя. Все должно было решиться. Я снова был девственником. Долго я не мог заняться сексом со своей первой девушкой. У меня не вставал, но я все равно кончал, вялым. Такое бывает вообще? Сейчас тоже я почувствовал, что из моего вялого члена вытекло немногого спермы.

Костик перевернулся на спину в дальнем углу комнаты и захрапел. Я знал, что ты не спишь, сейчас между нами все прояснится, да? Где-то завыла сирена, слякотный декабрь чернел тревожными звуками. Я стянул твои домашние шортики, трусики и потрогал тебя, пустое, прохладное и лишенное ответных чувств тело. Марсельчик зевнул в черноте. Ничего не происходило, член съежился еще сильнее, как слизняк в своей слизи. Ты ждала несколько минут, я слышал твое и свое дыхание, разрозненное с ним. Потом ты подтянула белье.

Так все и решилось, без единого звука. Скоро ты спала, а я нет.

Когда провожал тебя, ты сказала, что появился другой парень.

— Хочу попробовать, — омерзительно беспечно сказала ты.

У турникетов я завизжал:

— Ему пиздец!

Ведь тогда было еще хуже, но потом наладилось.

А сейчас все хорошо.

Приезжай ко мне.

Тут так чисто, рядом пляж.

Его патрулируют мусора, но, если носить маски и держаться от других людей подальше, никто тебя не оштрафует. Мечтаю о нашей прогулке — с собакой — вдоль косы. Слева море, справа лесок, а за ним теплый, но мелкий залив. Вечность будет выбрасывать нас сюда, в этот идеальный сон.

Я его только что нашупал.

Теперь можно встать и пойти на турники, затем выполнить норму по работе и готовить завтрак. У меня есть две бабы, но без алкоголя мне невозможно с ними спать. Еще тут есть друг, с которым можно распахмуриться и поделать музыку на аналоговой японской машинке две тысячи четвертого года. К ней также можно подключить гитару и использовать эту хреновину в качестве гитарной примочки.

Где-то есть ты.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

редактор — *Илья Леутин*
корректор — *Ирина Семашкова*
обложка — *Юлана Цуцура*
иллюстрации — *Юлана Цуцура, Данил Галиакбаров*
верстка — *Chonyatsky (по макету Вовы Седых)*
аннотация — *Кирилл Рябов*

в тексте сохранены некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации

Независимое издательство «Ил-music»
Заказать эту и другие книги можно здесь:
<https://vk.com/makulaturabrat>